

НЕВЛЯ

19 • 2009

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Александр Хныков Люди зоны	4
Тюрьмы мира	63
Джина Литинская Всевластие слова	67
Состояние преступности в России	76
Александр Муленко Мечь	81
Акции протеста и нарушения прав заключенных	90
Юрий Александров Юридический практикум	99
Сергей Минин Тольятти – город-сад	106

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Сумасшедшая жизнь	112
Роман Чорный Хроника нарушений прав человека в психиатрической системе здравоохранения Российской Федерации	127
Роман Чорный Кто остановит несправедливость в «желтых домах» Петербурга?	146

ИСТОРИЯ

Алексей Мокроусов Взгляд, вызывающий неудобство	150
Юрий Апель Ревир винницкого лагеря	155

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Александр Хныков

Люди зоны

Бригадир

В храме торжественно и тихо. Служба уже прошла. Прихожан немного. Ставит Михалыч свеченьку к иконе Спасителя, взирающего спокойно на мир, и уходит. С непокрытой головой у выхода наклоняет покорно голову, крестится... Вот и помянул он человека – погибшего не по его вине, а по вине его сына, но несет эту вину, он, отец... Проснулся Михалыч от громких голосов. Галдят ээки, как галки, в дальнем от входа в жилое помещение отряда «проходняке», хихикают, не спится им... Знает Михалыч, что опять Мотыль бузит, кого-то встречает – пришедшего – с этапа... Вздыхает Михалыч, отирает старческие глаза рукой, пытается успокоиться. Сон его взволновал.

И вдруг видит Мотыля, огромного, пошатывающегося в мрачном полутемном помещении, – только от входа в отряд, где горит лампочка, идет свет и, не достигая Мотыля, дает только его очертания. Идет Мотыль к нему, Михалычу. Заныло где-то под «ложечкой», ребрами Михалыч почувствовал: быть неприятностям... С Мотылем они хоть и не ссорились в открытую, но глухая ненависть друг к другу, как стена, отгораживала их...

Подошел Мотыль. Тронул огромным кулаком он кровать, будто так просто постукивал, раз, два, три...

– Слышь, Михалыч, ты что «косорезишь»? Опять у меня с выходами в «рабочку» не лады. Хочешь, чтобы закрыли меня в бур... – свистящим шепотом говорил Мотыль.

Александр Хныков – молодой тульский прозаик. Автор публикаций в областной печати, книги «У обрыва», участник коллективного сборника Тульского областного объединения поэтов и прозаиков «Мастерская».

Работать не хочет Мотыль, а ларечек – дай, покушать уж очень любит. Брагой несет от огромной, несуразной фигуры Мотыля. Михалыч только широко открывает глаза и вытаскивает подрагивающей рукой из-под подушки футляр с очками, надевает очки... Теперь лицо Мотыля более отчетливое, обросшее, бледное, с хмурыми глазами...

– Так нарядчик у нас строгий, – тихо оправдывается Михалыч.

– Бригадир-то ты, – раздраженно замечает Мотыль. – Вот ты и шевели рогом, пока мы тебе его не сломали... Чтобы у меня все было по уму, с выходами – понял?!

Что-то еще бубнил Мотыль угрожающе... И доносились эти слова-огрызки до бригадира как-то сдавленно, как из тумана.

– Поразвилось вас, начальников! А мы, приличные ээки, должны мучиться, – как какую-то свою звериную проповедь читает этот лентяй, Мотыль.

Ненависть к нему становится все сильнее... Михалыч осторожно слезает со второго яруса, надевает штаны и босиком, в одних штанах и очках снизу вверх смотрит на Мотыля.

Тот что-то угрожающе говорит, и Михалыч, маленький, тщедушный, вдруг громко отвечает:

– Ты посмотри... Другие-то работают... Ты чем лучше!

Мотыль замолкает. Как на сцене – долгая пауза... Мотыль пытается ударить бригадира и всем весом падает в «проходняк» между кроватями – перепил бедолага – и? что-то ругательное бурча, ковыряется там, на полу, едва вмещаясь, а бригадир вьюном выскакивает из тесного «проходняка»... И едва не сталкивается нос к носу с невысоким эзком, одетым в новый «милюстиновый» костюм, и эзк охает, радостно говорит:

– Ты, Михалыч! Боже правый, какими судьбами!

– Николай! – изумленно глядит бригадир на эзка. – Ты...

Снова пауза. Нарушается она лишь шорохом в «проходняке» – это Мотыль пытается подняться...

– Я уже третий годок здесь...

– А я и не знал. Сына-то твоего видел – он при деле...

Мысль о сыне просветляет лицо бригадира, он поправляет очки подрагивающими худыми пальцами.

– За аферу какую-то загремел, Михалыч? – как-то полушутя спрашивает Николай.

– Дорожное транспортное происшествие. Человека сбил...

– Ты?! Да с твоим-то зрением... Как же ты за руль-то сел! – удивляется на миг Николай, но каким-то преступным кошачьим нюхом все вдруг оценивает, тихо спрашивает:

- А сын-то где был в этот момент?
 - Рядом, в машине.
 - Понятно, – протягивает тихонько словцо Николай. – Понятно...
 - И тут же доверительно кладет руку на плечо старику: – Поддержим!..
- Рядом оказывается Мотыль. Видя, как разговаривают Николай и Михалыч – по-дружески, – начинает соображать. Николай уводит Мотыля, на ходу что-то ему разъясняя...

А бригадир, успокоенный, ложится на кровать... И лежит неподвижно, вспоминая тот роковой день. Да, за рулем был сын – и сбил человека он. А что оставалось делать – не сыну же сидеть? Он молодой, дела фирмы надо было кому-то вести, а сыну сподручнее, и ведь не подводит, на воле дела идут хорошо... Это как-то успокаивает старика. Он закрывает глаза, пытается уснуть, чтобы во сне снова, может быть, покаяться и за себя, и за сына.

Волевое решение

Слоухи на черном небе напоминали огромные льдины – перекачивающиеся, надвигающиеся, меняющие окраску, то они были голубовато-синие, то оранжево-сероватые. Северное сияние во всей своей красе мчалось над головой маленького человека в тулупе с автоматом, с пристегнутым штык-ножом. Он изредка отрывал глаза от неба и продолжал идти по заснеженной тропинке по маршруту часового вокруг складского помещения. Мороз был силен. Он залезал даже под тулуп, в огромные войлочные валенки.

Завтра он это сделает, думал Сергеев. Он напишет это письмо, в котором изложит все делишки этих господ-офицеров. Как они посылают солдат на мебельную фабрику бесплатно работать, как им, офицерам, дают полированные доски и они тащат их домой...

Эти мысли одолевали Сергеева, они были навязчивыми, как мухи у яблока гнилого, но сытного для них.

Задача у Сергеева была простая – уволиться в запас. Он попал в ряды вооруженных сил после двух лет службы, или, точнее, учебы в военном училище, откуда его отчислили «по недисциплинированности», и теперь от его командиров зависело, когда его уволят в запас – в этот приказ или следующий. Мысль о том, что еще полгода эти запольные сопки будут окружать его, была для Сергеева невыносима.

После двух часов караульной службы на посту в караульном помещении два часа Сергеев бодрствовал, потом два часа сна и снова два часа на посту. Такая бесхитростная схема караула.

Прошла неделя. Мысль о том, что надо вырваться из мотострелкового полка всеми правдами и неправдами, в Сергееве только крепла. Продуваемый всеми северными ветрами плац, приземистые казармы, маленький штаб – все это навевало тоску. Однако же он решился. Изложив все неблагоприятные факты деятельности своего командира роты, он, собравшись с духом, пошел в штаб.

В кабинете командира полка было тепло. Джусоев, подполковник, строгий, с черными усами, приземистый, внимательно прочитал написанное убористым почерком письмо. Посмотрел на худенького, низенького солдата.

– Значит, ваша фамилия была в приказе об увольнении, и командир роты без моего ведома вас вычеркнул, – подытожил подполковник.

Сергеев молчал. Он стоял навтыжку, как истукан. Сердце в его груди стучало: тук-тук, тук-тук.

– Это неправильно. Поедете домой, солдат, – чеканя слова, сказал командир полка.

Сергеев вышел из кабинета, не чуя ног, выскочил из штаба, побежал по плацу, что-то в нем будто перевернулось. Неужели – домой?!

Небо над головой было низким и серым. Солнца не было видно. Хотя шла уже весна. По-прежнему были сугробы, обрамляющие плац. Что-то нехорошее почувствовал Сергеев вдруг, будто он совершил какую-то пакость. Да, он добился своего, но офицеры-то пострадают, тот же командир роты, ненавистный ему... Что-то неправильное сделал он – так решил Сергеев, но от этого раскрасневшееся от радости его лицо не изменило дурашливо настойчивого выражения.

Он уже прилаживался внутренне к этой новой роли. Добиваться своего во что бы то ни стало в этом мире. Невзирая ни на сомнения, ни на порывы совести.

Что-то уже переступил Сергеев в себе самом в эти минуты среди этого серого мира, однообразно холодного, окружающего его со всех сторон.

Габарит

По дороге из красновато-рыжего наста, привезенного сюда от шурфа закрытой шахты, который оставлял на сапогах неприятного цвета пыльный след, шел зэк. В темном костюме, темной телогрейке и шапке – одноцветной, как и вся его одежда. Это был звеньевой осужденных, работающих на «расконвойке» Колька Степанов. Его выпускали за территорию колонии чуть раньше остальных. Он должен был дойти до

габарита, где были склады и «узкоколейка», входящая на зону, где находился завод по производству вентиляторов, и забрать документы у сторожа с данными о вагонах, прибывших на габарит за ночь. Их с вечера оставлял дежурный мастер.

Шел Колька Степанов быстро, стараясь согреться. Складов не было видно из-за тумана, стелящегося окрест, поглощающего, обволакивающего. И вдруг наперерез человеку из этого туманного марева вышел пес, серый, крупный. Зэки звали его Графом. Пес недоверчиво глядел на человека. И не подошел, исчез как мираж. А Степанов, увидев огонек в окне – это был домик сторожей, – прибавил шаг. Он вспомнил, как пытались застрелить Графа прапорщики и как пес бежал по полю, к посадке белоснежных берез, а прапорщики только жаловались: «Не подпускает, сука, к себе...» Так и выжил Граф, хотя остальных собак прапорщики отстреляли. Мол, пугают женщин, идущих на габарит, на работу.

Сейчас, думая о Графе, Степанов вдруг почувствовал даже уважение к этому непокорному псу.

В комнате сторожей Аксинья, старуха, одетая всегда аккуратно, вежливая, точно не от мира сего, отдала звеньевому документы и вышла из домика, вслед за ней пошел ее песик Мишка, важный, с красноватыми внимательными глазами. Оставшись один, Степанов на плите разогретой печи заварил чай. Стал ждать остальных зэков. Было тихо, так тихо, что хотелось выть, и думалось о Графе – тот мог спокойно сейчас идти за территорию габарита – туда, где нет окриков конвоя и одуряющей тяжести неволи.

Георгины

Всю ночь напропалую шел дождь. Он заливал колонию своим холодным осенним маревом, будто стараясь затопить человеческие страдания, запертые в квадрат, окруженный колючей проволокой, вышками с солдатами... И почти всю ночь Санька не спал. То ему думалось о счастливом будущем, и у него оно было простым и уютным, как у пионера мечта о мороженом... То вспоминались тяжкие дни, первые, в следственном изоляторе, когда роскошная беззаботная майская жизнь, наступившая в родном городке после службы в армии, оборвалась... Но теперь все должно быть лучше! Завтра он распишется официально с Любашей в колонии...

Уже под утро утомленный мозг свалил Саньку в сновидения, и ему вдруг представилось, что он школьник, первоклассник, стоит на большом школьном дворе, а в руках у него букет с георгинами, бутоны у цветов крупные, алеют...

И проснулся с подъемом Санька, но вставать не стал, спросонья наблюдая, как уходят эски на развод на работу.

А потом не утерпел, встал.

В умывальнике, как обычно, Валерка Одесса, уже пришедший с ночной смены, дожидался завтрака. Чтобы потом, поев, уснуть. Это был худощавый мужчина, с лицом, о котором люди говорят, что, если встретится такой в темном переулке, сам все отдашь. Глаза – какие-то щелочки, нижняя челюсть безобразно большая, губки маленькие. А руки в наколках – сидел в умывальнике Валерка в майке – синели отвратно, и, когда Санька глядел на Одессу, все светлые мысли улетучивались, будто сами собой.

Но в это утро Санька предложил Валерке чифирнуть, и, вмиг оживши, Одесса быстро сбегал за чифирбаком закопченным, с деревянной, отполированной пальцами эсков ручкой. На электроплите заварили чифир, подняли воду до кипения, чтобы вышло из чая все и стал он крепче. Напиток, горьковатый, как и их жизнь, взбодрил эсков.

Стали разговаривать неторопливо о каких-то мелочах. О свидании Санька – ни слова. А то сглазит Валерка каким-нибудь нытьем. Это он делать умел...

– Вот откинись, поеду сына навещу, – как в трубу водопроводную бубнил Одесса. – Уже большой...

Он разговаривал будто сам с собой, глядя в одну точку. И почему-то тревожно Саньке было оттого, что человек разговаривал сам с собой. Но уходить было некуда. В умывальнике от включенной электроплиты было тепло и уютно. Уже опустело жилое помещение...

По узкой разбитой осенней дороге брели две женщины: одна – старая, в плаще, в темном платке, с зонтом – черным, другая – молодая, в куртке, тоже с зонтом – розовым. Они несли по большой сумке. Изредка пожилая женщина останавливалась, виновато переводила дыхание: мол, тяжко...

Мария Федоровна, мать Саньки, не впервые ездила к сыну на свидание. Бывало – и за тридевять земель... Хорошо, что сына по какому-то справедливому указу перевели в родную область – слава Богу, родным-то легче ездить. А Любаша ехала расписываться. В голове ее мысли перемешались, конечно, не такой она представляла свою свадьбу. Нет фаты, нет платья. Все буднично.

С Санькой они познакомились еще подростками. Она училась в городке, где вырос Санька, в кооперативном техникуме, а он, тогда в другом городе, – на учителя физкультуры. Потом поступил в военное училище в Ленинграде. Они писали друг другу. В первый свой отпуск при-

ехал в шинели, строгий, она была на производственной практике в поселке, и целовались они на заледеневшей веранде... Снег, гость небесный, тихо падал. Гуляли они по заснеженным, тихим, холодным улочкам, а не мерзли. Радостно было обоим от долгожданной встречи. Но, видать, сломил Саньку большой город. Стал он выпивать. Выгнали его после второго курса. Дослуживал десять месяцев в армии, в Мурманске. Снова были только письма.

После не смогла приехать – работа. Это когда он пришел из армии, хотя и обещала. А он заехал к ней в деревню, мать рассказывала, был хмурым каким-то, ее не было, а она обещала. Хлюпала грязь под ногами – ставила она уже сапоги, не разглядывая дорогу, вся в мыслях. И вот не прошло и десяти дней, как узнала Люба, что попал Санька из-за какой-то девчонки в глупую историю. Что-то там насплетничали ее подружки, а он их побил. Посадили Саньку.

Они встретились, когда уже Саньку осудили на три года, в комнате краткосрочных свиданий. Время шло, она выросла. Были и другие парни, но та первая любовь, в которую она верила свято, горела в ней, огоньком ласковым, наподобие церковной свеченки в храме у иконы.

Прошли три года, и после долгой переписки едет она в колонию. Умудрился Санька, выйдя через полгода после первого приговора на «химию», уже в Ростовской области, снова влипнуть, и ему добавили за хулиганку еще два года, а в общей сложности – пять лет строгого режима. Осталось сидеть ее жениху два с половиной года. Истомился он, хочет, чтобы их отношения были официальными. Хлюпала грязь под ногами. Шла молодая женщина, подставляя дождю свое лицо...

С нетерпением ожидал Санька вызова в комнату свиданий. Он то и дело выходил в локальный сектор. Небо посветлело. Дождь прекратился. Подул свежий, холодный, ободряющий ветерок, не сквозящий, пронизывающий тело, а именно ободряющий. И Санька это чувствовал, он поглядывал в сторону контрольной вахты и изредка переводил дыхание – от волнения.

Наконец по селектору объявили долгожданную команду для осужденных, идущих на длительные свидания. И Санька вышел из своего сектора, в новой черной телогрейке, в новом, с отливом, черном атласном костюме. В начищенных до вороного блеска сапогах – с отливом, в новой шапке положенного образца. Все как положено, сразу видно – жених...

После недолгой процедуры росписи, когда свидетелем был начальник отряда, подтянутый капитан Макаров, а свидетельницей – симпа-

тичная рыженькая прапорщик из комнаты свиданий, пожилая женщина в очках из поселкового загса поздравила молодоженов с созданием новой семьи. Все как положено. Мать в комнате, где на столе стояла ваза с яркими красно-бурыми георгинами, видимо, кем-то заботливо сорванными в палисаднике, засобиравшись в дорогу. Смотрела на сына, коротко стриженного, бледного, с глазами внимательными, тоже спокойно, стараясь не выдать своей печали расставания, не испортить сыну его праздник. Так и ушла, не заплакав, и только по дороге дала волю чувствам. А Люба, оставшись с Санькой наедине, была взволнованна, но это волнение было где-то внутри ее. А так заботливой хозяйкой старалась она быть в этой маленькой комнате с двумя кроватями, с белыми занавесками, за которыми было окошко с решетками.

Двое суток прошли незаметно, и, уходя, Санька долго и нежно целовал жену, говорил ласковые слова, а она иногда внимательно глядела на него: что будет в их жизни? Изменился Санька, стал злым, жесты какие-то блатные, смех жесткий. Что осталось в нем от того паренька, которого любила она в юности? Может, только глаза, внимательные и добрые, да улыбка доверчивая. Обняла женщина мужа, прильнула к нему: что будет с ними? Пелена времени была темна в сознании. Что будет – то и будет, так решила Люба.

А Санька, простившись с ней, поблагодарил рыжую сотрудницу, что приняла участие в его бракосочетании, и, когда та просмотрела его «передачку», как положено, твердым шагом пошел в колонию. Завтра надо будет уже выходить в рабочую зону.

Домой

Прислушивался Степанов. Нет. Не вызывают на контрольную вахту освобождающихся зэков, хотя завтрак уже прошел. В опустевшем жилом помещении отряда тихо. Уже ушла первая смена на развод на работу. Прохаживался Степанов вдоль жилого помещения, мимо двухъярусных кроватей. Маленький рост, угрюмое лицо – все говорит в нем о глубокой усталости. За ней скрывается огромное напряжение последнего часа в колонии из тех пяти лет, что отвел ему приговор.

Тишина становится почти осязаемой. Хочется, чтобы ее что-то нарушило. Но никому нет дела до угрюмого, маленького зэка.

И вот разорвалась тишина: по селектору объявил дежурный по колонии фамилии освобождающихся осужденных.

Вышел Степанов из одинокого ощущения ожидания. Взял небольшой рюкзачок с книгами и письмами, собранными за прошедшие годы неволи, и пошел на свежий воздух.

Морозило. Запахнул Степанов телогрейку, поправил шапку-ушанку на голове и пошел по своему локальному сектору, припорошенному свежим ночным снежком, к ограде. Звякнул открываемый замок на двери локального заграждения. Впереди белесый, с прогалинами вытопанных эсками участков плац. По нему прошел Степанов торопливо, будто бы старался быстрее преодолеть это расстояние до контрольной вахты...

Позади все формальности. В руках справка об освобождении, выданная дежурным по колонии. И в сопровождении офицера Степанов и два таких же, как и он, счастливых человека – освобождающихся, проходят к КПП. Звякнула дверь. Дежурный по колонии что-то сказал солдатам, и они пропустили бывших эсков на волю.

У двери колонии кого-то ждали родные. Кто-то одиноко побрел по заснеженной дороге от зоны к недалекому поселку. Степанова встречала мать и две старшие сестры. Слезы. Объятия. Степанов старался улыбаться. На его худом, бледном лице улыбка не казалась очень уж веселой, но он, человек, сдержанный в чувствах, ликовал...

Он шел по заснеженной дороге, в обрамлении замерзших березок, и душа его пела! Родные еле попевали за ним... Те минуты, о которых Степанов мечтал долгие годы, стали реальностью...

К вечеру приехали в родной городок, где не был Степанов пять лет. Племянник, подросший, рыжий, внимательный, после ужина повел Степанова в кинотеатр. В новом кинозале была в основном молодежь. Степанов ловил себя на мысли, что вокруг незнакомые люди, будто бы и не в родном он городке...

А ночью снилась колония. Степанов проснулся с сильным сердцебиением. Он лежал с открытыми глазами, привыкая к мысли, что он дома. Знакомая с детства комната понемногу успокаивала. Он вдруг с отчетливой ясностью понял, что колония будет неотступно следовать за ним по жизни, в сновидениях, в томительных воспоминаниях... И от этой гложущей, как собака кость, хмурой мысли уткнулся Степанов в подушку. Хотелось плакать, как мальчишке, от счастья, что он дома.

Крапленая колода

Ночь. Тишина. Только в дальнем от входа в барак «проходняке» еле слышно шуршат карты – идет беспощадная игра. Санька Колесов лежит на постели, не двигаясь. Вдавлив голову в подушку, он пытается хотя бы мысленно вернуться на волю. Вот он идет с Любашей по тихой улочке, падает снежок – гость небесный. Когда это было? Во сне –

наяву... Эти строчки где-то слышанной песни сейчас заставляют Колесова перевести дыхание...

Так и засыпает Колесов то ли в грезах, то ли в тоскливом предчувствии чего-то нового, что должно войти в его жизнь.

Раннее утро. Морозец щекочет лица. У локального сектора в темных одеждах, как монахи неизвестного ордена, сгрудились зэки в ожидании своей очереди выхода на работу. Нарядчик, откуда-то с середины плаца, командует, какую бригаду выводить в рабочую зону.

– Что приуныл, Санек? – почти на ухо крикнул Колесову горбатый, низенький человек с большой нижней челюстью и выпученными глазами. Видимо, поэтому его все зовут «Рыба».

– А чему радоваться?

– Ну, это ты зря, Санек! – ухмыльнулся Рыба, показывая почерневшие от «чифира» неровные, точно сточенные зубы. – Зря, Санек! Так ты долго здесь не протянешь... Надо держаться!

Колесов вяло покачал головой, будто бы поддерживая эти слова Рыбы. Вообще то, что Рыба подошел к нему, не вызывало радости. Рыба придерживался резко отрицательного отношения к режиму содержания, был заядлый игрок и скандалист – и от него прямо-таки веяло бедой. Аккуратно побритый, в новой черной телогрейке, в начищенных сапогах, в шапке-ушанке, натянутой на коротко стриженную голову, Рыба, несмотря на свои годы, вертелся вьюном возле зэков, норывая что-нибудь разузнать, что-нибудь пообещать. А то и приободрить кого-нибудь, как сейчас Колесова.

– Ты, Санек, сына мне чем-то напоминаешь. Такой же задумчивый. А не надо тут думать! – видимо, сам себя распаляя, сказал вдруг громко и отчетливо Рыба. – Надо не выживать, жуя сопли, а жить! Ведь это для них, – Рыба махнул резко рукой в сторону контрольной вахты, – здесь работа, а для нас дом. Дом! Понимаешь, Колесов!

«Видно, обчифирился Рыба», – подумал Санька, наблюдая за никак не успокаивающимся, нервным зэком.

Но Рыба вдруг стих, прислушался, как волк, перед тем как уйти на хоженую тропу за добычей, и сказал:

– Сейчас наши бригады пойдут. Вызывать будут. Ты, Санек, зайди ко мне в цех перед обедом, с братвой пообщаешься, да чифирнем.

– Хорошо. Зайду, – негромко сказал Колесов.

Санька старался быть независимым. Внимание, которое ему сегодня оказал Рыба, его раздражало. Что ему надо? Но любопытство пересилило. «А что? Зайду. Что мне бояться? Чифирну».

Перед обедом Колесов, улучив момент, пошел в столярную мастерскую, где работал Рыба. Здесь дым стоял коромыслом. Несколько эзков, собравшись в кружок, громко переговариваясь, чифирили. Кружка с черноватым напитком ходила по кругу: два глотка делал один эзк, передавал драгоценный напиток другому, и так дальше: два глотка – передача...

– Проходи, Колесов! – громко сказал Рыба, показывая всем видом, что Санька его хороший знакомый.

Колесов с удовольствием встал в кружок, предвкушая горечь чифира, такую же привычную, как и горечь тюремной жизни.

– А помнишь, Сергеевич, – говорил крупного телосложения, с мясистым лицом и прищуренными заплывшими глазами эзк, – как в Мехринлаге мы одного придурка в гроб заколотили. Мы там вместе с Рыбой в столярке работали, – пояснил он специально для Саньки, ибо остальные, видимо, уже слышали эту историю не раз. – А тут как раз режимная часть обход делает. А мужик в гробу в крик. Они отколотили крышку и говорят: «Ага! В побег собрался!»

– Да ладно тебе, Деготь, – тихонечко оборвал его Рыба. – Что старое вспоминать... Чифири уж, не задерживай кружку...

Довольно быстро Колесов обучился игре в карты. Рыба без устали тренировал его, показывая, как надо тасовать подточенную колоду – лист в лист, как замечать карты, умело манипулируя вниманием соперника...

Санька с интересом занялся этим делом. Ему казалось, что, по словам Рыбы, только тот арестант, который становится настоящим «игровым», достоин уважения. И тренировки не проходили зря: несколько раз Колесов по мелочи обыгрывал таких же начинающих, как и он, игроков в барак по ночам. И это только раззадоривало его, хотелось побыстрее поиграть «по-крупному». Но Рыба упорно настаивал, что еще рано. У него был свой расчет. С ним не каждый сядет играть «по-крупному», зная его скверный характер и умение мухлевать, а вот с мальчишкой... И без устали продолжал он обучать Колесова премудростям обмана в картах.

Случай наконец представился. Из другой колонии этапом привезли средних лет мужчину в больших очках, рослого, с внимательным взглядом. Поначалу он старался сторониться Рыбы, но, видя, что без его помощи не так-то просто жить без проблем, которые тот сам и подстраивал новичку, вынужден был общаться и с Рыбой. А тот ненавязчиво гнул свою линию. «Надо играть! – говорил задушевно Рыба. – Карту выбрал он туза, да не так подрезал!»

Намеренно пару раз сам Рыба проиграл новичку и даже радостно заорал в тишине ночного барака:

– Гляди-ка, Деготь, Краб-то обыграл меня! Меня! Вот ведь жизнь. Сегодня ты в горе, а завтра – эх! Жизнь – жестянка...

Крабом новичка прозвали с подачи того же Рыбы, ибо раньше прибывший с этапа трудился в торговом флоте и загремел из-за работы «по-крупному» на пять лет строгого режима, за какие-то махинации, связанные с вывозом и ввозом товара из-за границы. Рыба чуял деньги на расстоянии. Он понимал, что, вращаясь на воле на таком уровне, Краб и деньги имел соответствующие.

И однажды напротив Краба в тихом бараке, между кроватями поставив стул, сел Колесо. Решили поиграть «по мелочи», всего по пачке чая «с носа». И сразу Крабу начало везти. Он с довольным видом то и дело протирал очки, а Колесов – худенький, бледный, с впалыми щеками – только как-то механически вновь и вновь раздавал карты.

Подошел Рыба, вмиг оценив ситуацию, сказал:

– Карты не лошадь, Колесо, к утру повезет! Увеличил бы ставки, может, и отыграешься.

Все так же вяло Санька, глядя на Краба, взял колоду карт, спросил:

– Ну что, вдвойне, увеличим?

Краб, довольный и игрой, и вниманием Рыбы, сказал:

– С превеликим удовольствием!

И понеслось. Краб через час был похож на рака на сковороде – раскрасневшийся, тучный, усталый, он то и дело охал, проигрывая. Подошел еще раз Рыба и посоветовал уже Крабу увеличить ставку, и Краб согласился... Потом Краб по совету Рыбы решил сыграть «ва-банк» и проиграл.

Выплывала внушительная сумма, даже по вольным представлениям. Тут стал Краб догадываться. Он уже внимательно глядел за руками Саньки, но в темном помещении, где горела одна только лампочка у входа в отряд, было трудно уследить за умелыми пальцами. И Краб начал звереть, он вскочил с кровати, что-то бурча себе под нос, вдруг грозно надвинулся всем телом на Саньку, будто норовя его раздавить – вместе с ненавистными картами.

И тут, как обычно, вовремя подошел Рыба. Рядом с ним был Деготь.

– Ну что ты, Краб, расшумелся! Завтра ведь мужикам пахать, а ты их будишь, – внятно и вежливо сказал Рыба. – Проиграл – плати! Какой может быть тут базар...

Прошел месяц, другой. Уже повеяло свежими весенними деньками. Настроение у Колесова было хорошим. Иногда ему по-прежнему фартило. Отношения с Рыбой были дружескими. Но не все коту Масленица – угодил Колесов в штрафной изолятор за игру под интерес. Однажды ночью делающие обход прапорщики надзорной службы обнаружили дружную компанию игроков, нашли и разбросанные впопыхах карты под кроватью. А после изолятора как подменили Колесова. Отказался он играть. Хотелось ему, чтобы и свидания у него были, и спокойная жизнь. Это обескуражило Рыбу, но он был человек выдержанный и только буркнул:

– Ну-ну, посмотрим...

Время тянулось томительно долго, Санька еще раз до зеркального блеска начистил сапоги. Вышел в локальный сектор, глядя в сторону контрольной вахты. По селектору должны были вызывать осужденных на свидания. И тут мимо Колесова прошли два контролера надзорной службы – худощавые, в отглаженных шинелях. Екнуло от чего-то непонятного сердце у Саньки. И точно – через пару минут вышедший из жилого помещения низенький завхоз позвал:

– Колесов! Быстро в отряд!

Когда Санька прошел к своей кровати, там стояли два прапорщика, угол матраца был отвернут. Один из прапорщиков держал в руке самодельный нож.

– Зачем тебе нож, Колесов? – спросил молоденький прапорщик.

– Это не мой нож, – внятно сказал Санька – Я не видел его.

– Думаешь, подбросили? – насмешливо спросил второй прапорщик.

– Думаю, – ответил Колесов.

– Ладно, пойдем на вахту, – сказал первый прапорщик.

– У него сегодня длительное свидание, – быстро сказал завхоз, будто пытаясь как-то исправить ситуацию.

– Надо было ему помнить об этом раньше, – объяснил завхозу второй, зловредный прапорщик, который издевался над Санькой, когда говорил «думаешь, подбросили?».

Все происходящее перед глазами Колесова было как в тумане. Кто? Зачем? Колесов не находил ответа.

Мария Федоровна Колесова вытерла слезы. Свидание с сыном не состоялось. Ей было горько. Она обессиленно смотрела на забор, опутанный сверху колючей проволокой, потемневшей от времени. Медленно побрела пожилая женщина по раскисшей дороге, к поселку, время от времени оборачиваясь назад, к зоне. Из степи, то ли от сы-

рой земли, то ли из глубоких балок, а может, от потемневшего, ноздреватого снега, тянуло запахами ранней весны – слежавшихся трав, мокрой лозы... Мария Федоровна вдыхала этот запах все чаще и чаще, делая судорожные глотки. Воздуха не хватало...

Колесов проснулся задолго до подъема. После очередного изолятора он стал меньше общаться с другими, от всех чувствуя подвох. Вот и сейчас он размышлял – кто же его подставил? Он сел на край кровати и сидел так, не двигаясь, как изваяние. Мысли ворочались в голове, как огромные тучи в бездонном небе перед дождем. Кто? Свет прожектора, освещающий запретную зону за окном, двумя искорками отсвечивал в глазах Саньки – и Санька вдруг встал. Сунув ноги в сапоги, осторожно ступая, пошел по секции.

Рыба крепко спал, зябко кутаясь в одеяло. Санька тронул его за плечо, тот сразу проснулся и закрыл лицо рукой. Сквозь пальцы на Саньку глядели зеленовато-желтые, со слезой, глаза. Свет прожектора косо падал на лицо уважаемого ээка.

– Что? Что тебе? – запинаясь, спросил он.

– Не бойся... Я тебе не сделаю ничего... Просто правду мне надо знать... За что ты мою мать-то наказал? Чем она виновата?! Разве знала она, когда ехала на «свиданку», что сын ее связался с тобой!

– Да ты в своем уме! – заворчал Рыба. – Зачем мне это надо?

Колесов сосредоточенно смотрел пожилому ээку в глаза. Он знал, что Рыбе ничего не стоит соврать. Но сейчас, похоже, тот говорил правду...

Утром Рыба, проходя мимо, окликнул Саньку:

– Что не заходишь, Санек?

Колесов не ответил. В последнее время Рыба снова стал обращать на него внимание, и это наводило на невеселые предположения. Но сейчас чувство одиночества пересилило смутные сомнения. Он подошел к койке Рыбы.

Рыба улыбнулся. Наклонившись к своей тумбочке, вытащил пару пачек индийского чая. Протянул Саньке.

– Ты смотри, расчувствовался... – проворчал Деготь, неподвижно лежащий на соседней койке.

Рыба не обратил на него никакого внимания.

– От сына я письмецо получил. В армии он, в «десантуре», – внятно сказал Рыба, не отрывая своих пристальных глаз от Саньки.

Помолчали.

– А нож-то, видать, тебе завхоз подложил, – задумчиво произнес Рыба. – Он ведь давно имеет зуб на тебя. Еще когда ты с этапа пришел

и не хотел ложиться на то место, какое он тебе предложил. Помнишь – когда Мопс был в изоляторе, завхоз, гнида, хотел, чтобы ты на его кровать лег...

У Дегтя второй день болел зуб. Но к врачу он почему-то не шел, маялся на своей койке. И злобу, и боль пытался на ком-то сорвать, но рядом, кроме Рыбы, никого в этот поздний час, уже после отбоя, не было.

– Ты вот все меня учишь, Рыба, – рассуждал философски Деготь. – Мол, то надо делать, это. А сам чистеньким хочешь быть. К примеру, зачем было Колесову нож класть, ну не стал он играть – что с того?

– Сколько времени я на него угробил, Деготь! А он, сука, отвернулся от меня, – цедил сквозь зубы Рыба.

Они и не заметили, как к их «проходняку» подошел Санька, слонявшийся без дела в этот поздний час, от тоски не знающий, куда себя деть. Пришло письмо от сестры – мать лежала в больнице. Колесов слышал разговор двух приятелей, Рыбы и Дегтя. Он чувствовал, как голова его наливается кровью. Сердце билось громко и мелодично: тик-так, тик-так. Один внутренний голос советовал: уйди, ничего хорошего не выйдет! А другой был настойчив, он говорил: «А как ты дальше-то будешь жить, если сейчас струсил?» Санька мягким движением, точно большая кошка, кинулся к стулу, стоявшему перед кроватью Рыбы, и молниеносным движением метнул стул туда, в «проходняк», откуда были слышны ненавистные слова. И дикий крик порвал тишину жилого помещения. Первым попытался выскочить из «проходняка» Деготь, но он был тяжел и неповоротлив и только загородил дорогу Рыбе, а именно Рыба и визжал, как порезанный, ибо стул угодил ему в голову.

Драка была бы неминуема, если бы не завхоз, включивший свет. И эки, впотьмах не понявшие было, что произошло, теперь вскакивали с кроватей. И спешили к «проходняку» Рыбы и Дегтя, около которого и стоял Колесов со сжатыми кулаками.

Вырвавшийся из «проходняка» Рыба остановился вдруг, увидев рядом с Колесовым завхоза. А тот, тоже, как и Рыба, маленький, с правильными чертами лица, только сказал:

– Только попробуй, Рыба, убью.

И Рыба разорвал на себе рубаху, заорал что-то невразумительное, и все поняли: Рыба сдох, не будет скандала, если есть крик.

Рядом с Рыбой понуро встал огромный Деготь, но тот был умнее и скандала не хотел, он только грубо сказал:

– Санек, вина за мной.

Комната краткосрочных свиданий была длинной, с переговорными устройствами, которые стояли в кабинках. А люди друг друга видели через стекло: с одной стороны на привинченных к полу стульях сидели ээки, с другой стороны на таких же стульях сидели их родственники, любимые. Саньку Колесова провели в комнату краткосрочных свиданий, и он сразу же прошел в указанную миловидной сотрудницей кабинку. Взгляд его, взволнованный и беспокойный, застыл на входной двери. Вошла пожилая женщина, за ней девушка и вот наконец мама его любимая, постаревшая мама!

Санька вцепился пальцами в телефонную трубку, перевел дыхание. Мать, сосредоточенная, даже внешне спокойнее сына, внятно сказала:

- Ну, вот мы и встретились, Сашенька...
- Как здоровье, мама?!
- Полегче, Сашенька. Месяц лежала в больнице. Что-то сердце прихватило. Теперь, слава Богу, полегче...
- Ты не думай много обо мне...
- Как же не думать, сынок!
- У меня все нормально.
- Правда?!
- Правда, мама!

Выйдя из комнаты краткосрочных свиданий, Колесов пошел по асфальтированной дорожке к контрольной вахте колонии, а затем в локальный сектор своего отряда. Щелкнул замок, открывая ему путь. Санька шел, не оглядываясь, и думал, сколько же горя он принес самому дорогому ему человеку, и ведь держится мать, не унывает, а он – разве может он жить иначе? Санька Колесов в эти минуты уже точно знал – так и будет, все плохое останется позади. С каждым шагом все увереннее становилась его походка.

Где-то в локальном секторе, в уголке, маячила фигура Рыбы, горбатаясь, он что-то обсуждал с другим ээком. Санька, не обращая внимания, еще во власти своих переживаний, прошел в жилое помещение отряда. Сейчас ему, как никогда, хотелось побыть одному, и он уже точно знал, что не допустит в свою судьбу людей, подобных Рыбе и Дегтю.

Поцелуй

Дорога все длилась и длилась – узколейка, как черная мертвая змея, уходила в неизвестность. Наконец, урча, тепловоз остановился. Сбросив рабочие инструменты, соскочили с него ээки-расконвойники во главе с мастером-обходчиком, осторожно держащим прибор для определения расстояния между рельсами.

Их было трое, этих счастливичков, которые работали на железнодорожном пути, меняли шпалы. Труд этот был для них нелегким, но уже одно то, что находились они на свободе, вдали от зоны, поднимало настроение. Выделялся среди них высокий, молчаливый Валентин. Родом он был из Белоруссии, но совершил преступление вдали от родных мест. Второй расконвойник был Мишка. С оспой на лице – детской болезнью, оставившей свой след на всю жизнь. Даже сейчас его лицо не теряло какого-то пьяного цвета. Алкоголизм, на воле владевший им, не оставлял его. И бегающие глазки, лихорадочные жесты, отрывистые фразы – все в нем говорило, что на воле он не «просыхал». Третий расконвойник – невысокий чернявый парень, одетый аккуратно, задумчивый. Командовал ими «вольный» – старый железнодорожник Михайлович, прихрамывающий на одну ногу. Он изредка покашливал, прикладывая к рельсам свой прибор, отмечая допустимое расстояние. Труд их был важен – узкоколейка вела к колонии, и по ней шли вагоны для завода, изготавливавшего производственные вентиляторы в зоне, где трудились зэки, и по этой же узкоколейке вывозились в вагонах готовые вентиляторы в далекие края.

На этот раз участок, который необходимо было проверить, находился неподалеку от белеющего здания, то ли цеха, то ли пристанционной лаборатории, волею судьбы оказавшейся в пару шагах от железнодорожного пути, ведущего к колонии.

Тепловоз привез и новые, пахнущие смолой шпалы. И они рядком, сложенные зэками, лежали вдоль железнодорожного пути. Надо было выдернуть железные штыри, укрепляющие старые шпалы, вытянуть их и на их место поставить новые. Было уже обеденное время. Солнце немилосердно пекло. Зэки заметно взмокли от своего нелегкого труда.

– Сходи, Колька, за водой, – попросил предусмотрительный Михайлович, подавая пареньку, чернявому, раскрасневшемуся, пластмассовую бутылку.

Тот согласно кивнул – обрадовался передышке – и поспешил к белеющему неподалеку зданию. Постучался. И вошел. В комнате увидел девушку в синей спецовке. Она улыбалась, в первую минуту еще не сообразив, кто перед ней, а приняв вошедшего за обычного железнодорожного рабочего. Увидев бирку на его курточке, сразу же посуровела.

– Водички можно? – спросил Колька.

– Можно! – торопливо сказала девушка, и заволновалась, как-то нервно взяла пластмассовую бутылку из рук парня.

– А зовут-то тебя как, красавица?

– Лена.

– Понятно...

Вода была налита кружкой из ведра, стоявшего на стуле в углу. Колька подошел поближе к девушке, всматриваясь в ее правильные черты лица. В веселые весенние конопушки. Срок его подходил к концу, и вскоре, на воле, таких девчат рядом с ним будет уйма. От этой мысли Колька улыбнулся, показывая почерневшие от чифира зубы.

– Что смеешься? – неожиданно смело спросила Лена.

– Да вот, размечтался... – искренне сказал Колька. – До воли осталось два месяца. Понимаешь?

– Угу. – Она его не понимала. Она опасалась его. Но он ей нравился. И улыбка у него была очень красивая. И стоял он совсем рядом. И даже промасленная спецовка не смущала Лену. И она как-то сама потянулась к нему. Он обнял ее и страстно поцеловал в губы, оставляя солоноватый вкус на них. И девушка отпрянула от парня. Он, тоже похолодев от неожиданности всего происходящего, отступил на шаг. И точно застыл.

– Извини. Сама понимаешь. Давно не был рядом с девушкой.

– Понимаю.

Они помолчали, оглушенные, она испугом, а он пониманием опасности всей этой ситуации для него самого. Расконвойникам не разрешалось обращаться с вольными – как теперь. Но молодость взяла верх...

Он вышел из беленького домика, разогретого полуденным зноем, и пошел к работающим неподалеку приятелям и Михайловичу. В руках его была пластмассовая бутылка. А девушка подошла к окну и смотрела ему вслед. Он явно ей нравился, и она уже не жалела об этом поцелуе.

Лафа

После обеда был тихий час. Обследуемые в клинике судебной психиатрии расходились по своим палатам. Укладывались в чистые постели. В каждой палате у входа сидела дежурная медсестра. В этот раз в палате, где находился Санька Колесов, дежурила Верка. Девушка крепкого телосложения, с широким, приятным лицом, глаза ее, большие, с поволокой, задумчиво глядели в одну точку. Она сидела на стуле, как какой-то индийский бог. Белый халат едва мог спрятать ее мощную красивую фигуру. Наблюдать за Веркой было для Саньки огромным удовольствием. Он уже полгода пробыл в следственном изоляторе, и всякое присутствие женщины заставляло его взволнованно вздыхать. Верка же, казалось, не обращала внимания ни на кого, занятая своими мыслями. Но каждая дежурная была обязана наблюдать за пациентами и даже делать какой-то отчет, по словам «старожилы» Генки, соседа

Колесова по палате, чернявого, худенького паренька. Интересно, что может написать Верка? Что мужики беззастенчиво пялятся на ее огромную грудь? Впрочем, в этом был свой резон, как догадывался Колесов, все-таки их сюда привезли не для того, чтобы есть кашу по утрам, а понять, вменяемыми или нет они были в момент преступлений, совершенных на воле. В палате было шесть человек. Но, кроме Генки, Колесов ни с кем не общался. Впрочем, видимо, у каждого здесь были свои задачи, и поэтому и ему особого внимания никто не оказывал.

Больше других по «работе» общался Колесов с Любовью Васильевной – врачом, ведущим обследование. Это была высокая стройная женщина с приятным лицом, всегда задумчивая. После тихого часа надо будет опять идти к ней – на беседу. Лафа! Колесов даже улыбнулся...

Сон, пришедший к нему, был явственным, будто бы идет он по саду, яблони цветут, вокруг будто бы какой-то невыносимо яркий свет, и он, совсем мальчишка, от одиночества и этой окружающей белесой пустоты испытывает страх... В этом состоянии страха Колесов и проснулся. Включили свет. Надо было вставать – по распорядку.

Ему не давали никаких лекарств. Просто наблюдали за ним. Прошла уже неделя, как Колесова привезли на судебно-медицинскую экспертизу.

В чистеньком уютном кабинете Любовь Васильевна, когда вошел Колесов, приглашенный на беседу, чувствовала себя хозяйкой. Хотя она и недавно работала в клинике, но ей нравилось разбираться в человеческих судьбах. Этот парень был ей интересен как необычный случай: она предполагала, что у него было патологическое опьянение в момент совершения преступления. Вел он себя неадекватно, в подъезде спал, когда проходили люди, услышав шум, вскочил, бросился на них, потом убежал, нанеся им побои. Явно было, что человек находился в плену каких-то бредовых фантазий... Предполагаемый диагноз освобождал человека от уголовной ответственности и требовал медицинского психиатрического наблюдения. Доводы свои Любовь Васильевна уже излагала профессору Майскому, заведующему клиникой, но тот, ознакомившись с делом Колесова, сказал: «До этого совершил преступление из хулиганских побуждений. Отбывал срок на “химии”. И снова преступление, в состоянии опьянения, что-то не тянет на патологическое опьянение. Хотя явно неадекватное поведение. Не спешите с выводами, Любовь Васильевна...»

Колесов присел осторожно на стул и смиренно ожидал вопросов. Он уже привык к этим беседам, и ему было приятно смотреть на красивую женщину.

– Как вы думаете, Александр, почему вы выпивали, хотя уже сталкивались с тем, что вели себя агрессивно в этом состоянии? – спросила врач.

– Привычка.

– Но ведь она уже приводила к беде. Вас осудили за хулиганские действия в состоянии опьянения...

– Мне, наверное, надо лечиться от алкоголизма.

– А своей воли не хватало?

– Видимо, нет.

Безусловно, в ответах Колесова не было лжи. Любовь Васильевна это понимала. Он хотел искренне разобраться, что с ним происходит. Свое преступление он не помнил.

– А раньше были провалы памяти после употребления спиртного?

– Были.

Беседа велась неспешная, обстоятельная. Колесову иногда даже казалось, что эта приятной внешности женщина испытывает к нему какие-то заботливые чувства, но тут же прогонял от себя эту мысль, как наваждение. Ну зачем Любове Васильевне заботиться об очередном своем «подопытном кролике»? Другая мысль тешила Саньку и даже заставляла гордиться собой. Ведь он сам попросил у суда судебно-медицинскую экспертизу. Действительно хотел понять, что же с ним произошло. Свои хаотические поступки в тот злополучный вечер он не помнил... Это его обескураживало. Его судили за то, о чем он не имел четкого представления. Были его действия целенаправленными в момент преступления или же какая-то другая энергия владела им?

После разговора с Любовью Васильевной Колесов вернулся в свою палату. Хотелось развеяться, найти занятие. Но отупляющее равнодушие к своей судьбе вдруг навалилось неотвратимо и жутко. Никто не сможет помочь ему. Наверное, впервые Колесов осознал это с поразительной четкостью, а в памяти всплыла камера на «пересылке» во владимирской тюрьме, и высокий парень, которого везли на Север, больной туберкулезом, который рассказывал, что ему плохо, покашливая и при этом безвольно разводя руками... Таким же безвольным существом чувствовал себя Санька в этой чистенькой палате.

Мишаван

Над зоной плыли низкие, тяжелые облака, будто стараясь придавить к земле приземистые здания жилых помещений, клуба, контрольной вахты, цехов завода в рабочей зоне. Съём с работы первой смены уже завершился. В жилых помещениях кто чифирил, кто просто читал газеты, кто играл в домино.

Дневальный, шумный рыжий Генка, вызвал Михайлова в кабинет начальника отряда. Тучный, с добродушным лицом лейтенант Свинопасов сидел, едва уместаясь на маленьком для него стуле. Старик Михайлов, крепко сложенный, с бычьим лбом, уставший после работы, не ожидал ничего хорошего от этого вызова и стоял насупившись.

Перед начальником отряда на столе среди каких-то листочков лежало письмо. А на письме, накрывая конверт, официальный серый бланк с печатными буквами.

– Во, твоя старуха учудила! – взмахнув неожиданно пухлой рукой сказал Свинопасов.

– На развод тебе бумагу прислала, Михайлов.

Глаза у старика округлились. Он крепко сжал зубы...

– Подписывай! Что смотришь? Дело такое... Житейское...

Пройдя к своей кровати, Михайлов тяжело сел. Тяжело перевел дыхание, будто нес он сейчас большой мешок сахару за плечами. Привычный к труду, работавший всю жизнь грузчиком, Михайлов мог легко переносить и на зоне тяжкие обязанности и быта, и труда. А вот известие о разводе подкосило старика. Сидел он в этот раз не как обычно, раньше, за воровство, а за хулиганку. Избил сына за то, что тот пьяный стал дома куражиться, бить хрусталь, и, когда полетела на пол любимая ваза Михайлова, не выдержал старик пенсионер и пудовым своим кулаком пригвоздил сына. Тот попал в больницу с сотрясением мозга. И тут же подсуетился участковый, низенький Сыромятников, «чистивший» участок от бывших уголовников. За сыном водились мелкие грешки – вот участковый и настоял, чтобы тот написал заявление на отца...

– Мишаван, иди, старина, чифирнем, – позвали из соседнего проходняка.

Отпивая терпкую жидкость, старик рассказывал сидельцам свою историю.

– Это так. Пока деньги зарабатываешь, ты нужен...

– Выкинут тебя из квартиры, Мишаван... А сынок твой, раз пьющий, и квартиру, тобою нажитую, пропьет...

– А бабка дурра...

На следующий день капал дождик. Был он не сильный. Как слезы. Кап-кап... Старик Михайлов, который работал в цехе уборщиком, в подпоясанной железной проволокой телогрейке, чтобы было удобнее мести, убирал от станков отходы, нес их в большой железный ящик, на

улицу, а мусор лопатой сгребал к железной тачке. Делал он это механически, точно робот. Доделав работу, молча вышел из цеха, поставив аккуратно метлу в уголок, куда обычно. И пошел по шумному заводу. Возле башенного крана, в цехе, где собранную продукцию, упакованную в большие ящики, в определенное время грузили в вагоны, остановился. Помедлил, а затем полез по лестнице, на верхотуру крана...

После съема с работы одуревшие от дождя работники режимной службы гнали пинками вымокшего старика к контрольной вахте. Тот не вышел на съем со своей бригадой. Спрятался там же, на площадке, возле кабины крановщика. Смотрел куда-то вдаль, за зону..

Свинопасов, тяжело дыша, перехватил двух лейтенантов-режимников прямо у здания контрольной вахты.

– Оформляй своего деда в изолятор! – сказал один из лейтенантов, моложавый, высокий, улыбчивый.

– Да, да, – тихо сказал начальник отряда. – Все сделаю. Я сам...

Говорил Свинопасов вдумчиво, убеждая. Вся свою жизнь он проработал в клубе заведующим, а когда из клуба уволили, так как сам клуб поселковый развалился, пришел Свинопасов работать в зону – другой работы в поселке было не сыскать с его культпросветучилищем, законченным в молодости.

Лейтенант Свинопасов, когда остался наедине с Михайловым, ругать его не стал, а сказал тихо и настойчиво:

– Пойдем, Мишаван, в отряд. Отдохнешь.

И пошел огромный, как медведь, притоптывая, а следом за ним пошел низенький зэк, хмурый и мокрый, как слепой за поводырем.

Мочила

Рабочий день в столовой заканчивался. Горы чистых алюминиевых мисок стояли стройными рядами. Старик в дерматиновом фартуке, седой, с водянисто-синими выцветшими глазами, высокий, полный, подслеповато щурясь, перевел дыхание. Пора было идти в отряд. Выйдя из столовой, медленно побрел он в сторону жилого помещения.

Только во снах к нему возвращалась жизнь. Наяву же он не чувствовал ее дыхания. И лишь когда приходил кто-то этапом из земляков и встречал старик его в столовой, всплывали воспоминания о былом... Тяжкая стариковская доля – доживать свой век на зоне.

На следующий день, после того как отобедала первая смена, пришли в столовую люди с этапа. Их было легко отличить: худые, бледные, после следственного изолятора.

– Привет, Мочила! – произнес, шепелявя Андрюха – Резаный.

– А, Андрюша! – улыбнулся старик.

– Опять я на зону...

– Вижу. Погулял немного. И назад. А я вот седьмой годок без выхода...

– Но ты ведь у нас рецидивист, – подчеркнуть так неумело хотел тщедушного вида Резаный свое уважение к Мочиле или так сказал для продолжения беседы, но старику явно не понравились эти слова.

– Я гуманный, но тронешь меня, тогда... – тихо, но угрюмо сказал Мочила.

Сидел он за убийство. В его жизни это было второе преступление. Статьи были похожими.

Никто никогда на зоне не спрашивал о деталях преступления у Мочи-лы, зная, что на воле он долгое время проработал убойщиком скота на бойне, и, несмотря на старость, его побаивались. Да и сам он относился к себе с каким-то подозрением – не желал вспоминать свои минуты ярости, когда сознание захлестывалось и он становился полубезумным...

Принес Мочила Андрюхе лишнюю миску каши. И тот поблагодарил. Рассказал о воле – они были с Мочилой земляки. Старик молча слушал. Он сидел неподалеку от Андрюхи, чинно положив на дерматиновый выцветший фартук руки, и слушал. Потом встал с лавки, попрощался, надо было идти работать в посудомойку. Андрюха еще раз поблагодарил и тоже поспешил на выход из столовой, обратно в этапную комнату.

В эту ночь снился Мочиле странный сон. Будто идет он вдоль ручья, а в нем огромные карпы то и дело всплывают, показывая свои блестящие бока. И вроде бы они совсем рядом, лоснящиеся, с большими рыбьими губами. К чему этот сон, старик так и не понял. Проснувшись, подумал: может, давно рыбки не ел? Или это все о воле? Захотелось душе побродить по бескрайним просторам родного края. Вот и причудился этот ручей. И он, еще молодой, идет беззаботно вдоль него. Впереди был подъем. Потом снова столовая – посудомойка. Мочила перевел дыхание. Отчаянно жглось где-то в груди старое сердце, не давая дыханию перевестись, потом все отлегло. Мочила лежал, не двигаясь, как изваяние, ждал подъема, и не хотелось ему ничего вспоминать из своей старой жизни. Достаточно было и снов, уносящих его далеко-далеко от зоны.

Ночью

Ночной дневальный Степанов писал письмо. Он сидел на стуле возле гладильной доски и с волнением выписывал строчки на листе из про-

стой ученической тетради. Эта возможность как-то приобщиться к той вольной жизни давалась нечасто. Два письма в месяц было положено отбывающему наказание осужденному в колонии строгого режима. Письма отправлялись не сразу. Сначала их читали в цензорском отделе администрации колонии. Поэтому Степанов, который писал любимой девушке, подсознательно испытывал какое-то гадливое чувство, будто за его жизнью подсматривали в замочную скважину.

Тусклое освещение жилого помещения давило на глаза. Вдруг из глубины спального помещения послышались громкие голоса, ругань. В одних серых подштанниках выскочил на освещенную площадку у входа в отряд, рядом с ночным дневальным, бригадир Сенька – худой, с затравленными глазами, подслеповато щурясь. А за ним длинный, с нижней крупной челюстью и огромными кулаками Семен, в руках последнего была заточка, острая, блеснувшая в свете лампочки, и охнул бригадир от боли, почти без криков затих на полу, только что помытом Степановым.

Ночной дневальный вскочил со стула. Подходить не стал, а просто глядел на Семена, опасаясь и за свою жизнь. Но тот уже обмяк, воровато поглядел на ночного дневального и ушел, покачиваясь, в спальное помещение. Из комнаты, где спал завхоз, послышались шорохи. Вот и сам завхоз, крупного сложения, как медведь, косолапо переваливаясь, вышел в коридор. Все сразу же поняв, юркнул опять в кабинет свой, где спал, и затих. Позвонил на вахту, догадался Степанов.

...Ему было жалко своего состояния, ушедшего в никуда. Он поглядел на листок бумаги, беспомощно лежащий на гладильной доске. Сейчас прибегут с вахты сотрудники. Начнется беготня. Уведут бригадира в санчасть, в изолятор Семена. И все успокоится. Тогда он сможет спокойно дописать свое письмо.

Отстойник

Ночью был еще этап. Люди, как рыбы в консервной банке, томились в собственном поту, грязном воздухе, отравленном дымом сигарет, чадом от тряпок, разжигаемых для того, чтобы в алюминиевой кружке заварить тайком от охраны чифира. Это было высшей отрадой для эзков – горький напиток из чая, укрепляющий волю, поднимающий настроение. Горбатый чифирил второй раз. Он понимал, что для его сердца это излишняя нагрузка. Но тяга к чифиру, привычная здесь и отходящая на воле, снова вернулась. Подсел он по мелочовке, и, оказавшись вновь в этой камере, где собирали арестованных перед тем, как распределить по следственным камерам, он даже с интересом

оглядывал этот скудный страшный мирок. Казалось, ничего в нем не изменилось с тех пор, как несколько лет назад он был в подобных условиях. Все повторялось, как будто время пошло вспять. Те же люди, в наколках, те же резкие жесты, ухмылки, подхалимство. Какая-то особая порода людей была здесь – так вдруг показалось Горбатому. Он и сам принадлежал к ней...

На воле у него была дочь. С женой он давно был в разводе. Но с дочерью поддерживал отношения. В последнее время беспокойство за ее судьбу становилось для Горбатого все сильнее и сильнее. Он вдруг понял, что она единственный человек, который по-настоящему ему дорог. Она уже взрослая. Сама разберется, как жить. Так думал Горбатый. Со стороны, это был мрачный старик, а может и не старик, а просто испытания так сгорбили его, со зловещей ухмылкой на худом лице, с выпученными глазами, которыми он иногда обводил камеру, – взгляд у него был жесток и тяжел. Попадающие под него люди сразу же становились как провинившиеся школьники перед учителем. Но сейчас он не думал ни о своем авторитете, ни об этих людях, ни даже о море, откуда его забрали. Думал о дочери, тоскливо, как старик.

Клацнула открываемая дверь. Вошли новые этапники. Вокруг них закурился худощавый Вьюн. Он все норовил что-то урвать, изловчиться, обмануть. Пристал к пацану, явно напуганному, бледному, с синяком под глазом. Все выпрашивал его о сале, о деревне...

Горбатый привстал с нар и негромко, но отчетливо приказал:

– Вьюн, ты тряпок найди. Чайку пусть мне заварят. Возьми «индюшки» у меня.

Горбатый хотел отвлечь Вьюна от паренька, которого ему стало просто жалко. Это необычное в себе сострадание к другим, беззащитным людям Горбатый стал замечать только сейчас, попав снова в «клетку», в этот закрытый мир, где правили жестокость и подлость.

Вьюн был послушен. Он быстро сообразил, что недовольство Горбатого связано с его настроением, и занялся «чифиром».

Отпивая горький, крепко заваренный индийский чай, Горбатый повеселел, он уже балагурил с теми, кто находился рядом, и даже Вьюн, этот подлый подлиза, готовый на любую гадость, чтобы угодить более сильному, не казался Горбатому в эту минуту таким ничтожным. Хотелось как-то почувствовать себя человеком, которому было просто хорошо.

Взгляд Горбатого уперся в самодельный календарь, оставленный кем-то на нарах. Выделенное карандашом сегодняшнее число вдруг точно обухом топора по голове оглушило его. А как же! Ведь он забыл,

что сегодня день рождения его дочери!!! И не говоря ни слова, Горбатый думал сейчас об этом, улыбался, мысленно он был сейчас далеко от этой грязной камеры, называемой эсками «отстойником».

Отъявленные негодяи

Любовь, искусство, наслаждение, счастье – как обо всем этом забываешь, находясь в колонии! Может быть, поэтому в предложении Борьки романтика сыграла свою роль. В вечерней тишине жилого помещения отряда колонии строго режима и всплыл этот разговор.

– Был у меня случай. Писал я одной крале. Посылки слала, писала, то-се, ну ты сам, Санька, понимаешь, – мечтательно говорил Борька, сидя на втором ярусе железных кроватей. Настроение у него было приличным после выпитого ядерного чифира. Задумчивый, в йогвской позе, он был похож на индийского жреца, размышляющего о суете происходящих событий. Но Борька, тертый калач, прошедший крытую, гнул свою линию с четкой целью, и она была не романтической, а уголовной. Развести бабу!

– Понимаешь, Санек, я человек азартный. Но в данном деле, так сказать, рылом не вышел. Тут нужен парень яркий, как ты, – объяснил Борька. – Тогда игра стоит свеч.

Идея Борьки была проста, как детская слеза. Написать сотруднице колонии из комнаты свиданий, которая выдавала бандероли и посылки, любовную записку, но не просто так, о том о сем, а сразу же, в лоб, сказать: переезжай ко мне, вот мой домашний адрес, родители мои будут тебя ждать.

Именно на это могла клюнуть молодая женщина.

Замужем она была за молоденьким, усатеньким лейтенантом – начальником отряда.

Санька думал недолго. Идея ему показалась заманчивой. Иметь хорошие отношения с прапорщиком, выдающей посылки и бандероли, это, значит, можно в зону вытащить чай – задача наиважнейшая в колонии. Те две пачки чая, которые давались в ларьке, – капля в море для чифириящих мужчин. Чай в колонии – первейшая валюта. На него можно и одежду поменять, и найти что-то из еды... Короче, Борька, вразумительно объяснил, что надо сделать. И записка была написана.

На следующий день был выходной. И на контрольную вахту в сопровождении шныря из оперативной части, который нес мешок за плечом с бандеролями и посылками, прошла прапорщик. Внутри контрольной вахты была комната, где и находилась эта милая рыженькая женщина. Окошко этой комнаты выходило прямо на площадку перед

контрольной вахтой. Туда и подходили зэки получать посылки и бандероли. Выйдя из своего сектора, Санька прошел по плацу к контрольной вахте, подождал своей очереди у окошка. И, протянув женщине сложенный вдвое листок из ученической тетради, спокойным голосом сказал:

– Мне бы узнать в спецчасти, какие льготы положены.

Женщина мельком взглянула на письмо. На мгновение лишь посмотрела на молодого зэка. И, кивнув, продолжила свою работу. Следующий зэк уже стоял у окошка. А Санька направился в свой локальный сектор. Борька стоял у входа в помещение отряда, где они жили. Взгляд его прищуренных глаз, не отрываясь, наблюдал за Санькой. Все нормально. Борька перевел дыхание.

Работал Борька парикмахером в этом же секторе. У него в помещении всегда было чисто и уютно. Уже через две недели после нескольких записок пришла бандероль Саньке, весом в один килограмм, и в ней был плиточный чай – вся бандероль, весь килограмм – плитка чая. И прапорщик отдала эту бандероль.

Казалось, цель достигнута. Но Борька не успокаивался. Инстинкт охотника за чаем отошел на второй план. Он хотел почувствовать себя любовником. И в рабочей зоне, во время обеденного перерыва, он открыл отмычкой дверь кабинета начальника цеха, и по внутреннему телефону позвонил в комнату свиданий, и от имени Саньки стал говорить какие-то любовные слова, переключило ему голову – в комнате свиданий была другая прапорщик. И быстро сообразив, что звонит зэк, тут же вызвала оперативников. Установить, откуда идет звонок, было делом несложным. И вскоре Борька был уже в оперативной части. Начальник оперативной части, тучный, хмурый, носатый, с презрительно оттопыренной толстой нижней губой, выслушав сбивчивый рассказ Борьки о чае, о Саньке, только буркнул:

– Вот тебе лист бумаги, Боря, и все обстоятельно изложи.

Через час покрасневшая прапорщик была в том же кабинете, и начальник оперативной части, и без того недолюбливавший эту сотрудницу за ее горделивое поведение, за какую-то спесь, удовлетворенно спрашивал:

– Значит, любви, Любовь Васильевна, вам захотелось с зэком? Романтично. А муж-то в курсе?

Вскоре Любовь Васильевну перевели на другую должность. Она работала вне колонии с расконвоированными осужденными. А Саньку

по причине травмы случайной вывезли в больничку, и это спасло его от неминуемого изолятора. Борьку не тронули. Он по-прежнему работал в цирюльне, и была у него одна забава. Из столовой приносил он остатки еды и подкармливал крысеныша. Он жил тут же, в цирюльне, среди чистоты, стульев и зеркал, и уже был почти ручной. Забавляло это Борьку, он всегда любил использовать что-нибудь для своих забав и при этом выходить сухим из воды. Такая была у него натура, изворотливая, хитрая, способная в любую минуту, как хамелеон, принять нужное положение, нужную окраску, нужное поведение.

Пересылка

Позади длинный путь из Ростова. Очередная пересыльная тюрьма – знаменитая Владимирская. Подвальное помещение с низким каменным потолком. Неряшливые железные нары. Сырость и затхлость. Привыкший к неудобствам этапного пути, Колесов с интересом оглядывал попутчиков. Вмести с ним с Ростова ехало несколько человек. Они были даже внешне похожи друг на друга: притихшие, с тощими вещевыми мешками, незаметные. С Кавказа, откуда-то из Грузии, шла другая группа этапников. Они общались между собой. Выделялся среди них высокий парень, с красивым, благородным лицом. Лихорадочный блеск глаз, неестественный румянец на впалых щеках говорили о болезни. Парень то и дело покашливал. Он смотрел на окружающих с видом человека, многое повидавшего и привыкшего ко всему. Почему-то именно Колесов приглянулся ему – то ли своим спокойствием, то ли бывалым видом опытного зэка, несмотря на молодость.

– Везут на Север, а у меня туберкулез, – неожиданно пожаловался кавказец.

Колесов понимающе кивнул. По тому, как относились к этому парню другие кавказцы, было видно, что это их авторитет.

Спрашивать ни о чем Колесов не стал. Этап. Какие уж тут могут быть вопросы?

Древнее здание тюрьмы накладывало отпечаток и на настроение. Казалось, что многие люди, побывавшие здесь со времен Екатерины, оставили свою память о страданиях, болях в этих зданиях. Мрачные каменные строения как бы подчеркивали вечность этих тюремных переживаний. Страдания, оставленные в камне, не ушли, они были тут же, рядом.

Открылась «кормушка». Начали давать какой-то жидкий супчик. Хлеб черный, отчего-то приторно-липкий, похожий на пластилин. Пошли. Разговаривать особенно было не о чем. Колесова перевозили в

Тульскую область. Поближе к родным местам, по какому-то указу. Хотелось, конечно, быть ближе к родным – ведь на свидания им до него добираться теперь гораздо легче. До этого Колесов отбывал наказание в колонии строгого режима в Ростовской области.

Мысли о доме, мечты о свободе в этом каменном мешке казались особенно неправдоподобными. Та, иная, жизнь была где-то вдали, как будто в другой галактике.

А снилась Колесову все та же березовая рощица, которая во снах приходила к нему уже не раз. И идут они с отцом, он еще маленький, и собирают грибы. Это место всегда давало им радость. Потом сидели они, уставшие, на пригретом солнцем пригорке. Вольготно кругом...

Проснулся Колесов от этого яркого сна. Тусклое освещение камеры, чье-то сопение вернули к действительности. Подумал Санька Колесов об отце. К Саньке он всегда относился с уважением. Санька в семье был единственный сын. И конечно, ударом для отца была его судимость. Но никогда, ни одним словом не упрекнул Колесова отец. В письмах, которые писала мать, только передавал приветы. Он всегда был сдержанным в эмоциях, его тихий, спокойный отец.

И именно сейчас Санька до глубины своего сознания осознавал, какими мучительными переживаниями были наполнены дни его отца, когда он оказался под следствием. Эта мужская сдержанность, воспринимаемая порой Колесовым даже с обидой, теперь вдруг открылась совсем с другой стороны. Отец верил в него и потому был всегда сдержан.

Тихо было в камере. Так тихо, что думалось легко и просторно, будто бы не было этого каменного мешка, в котором Колесов находился. Точно этот огромный каменный древний корпус подсказывал ему какие-то решения, какие-то новые осознания, помогая решить дальнейшие задачи в судьбе Саньки Колесова, молодого арестанта, которого везли поближе к родным местам отбывать наказание.

Незаметно пришло утро. В коридоре послышалось бряцанье мисок. Начался завтрак. Столкнувшись у двери камеры с высоким кавказцем, еще сонный, Колесов посторонился, но товарищ его по несчастью улыбнулся открыто и доверчиво и сказал:

– Кушай, братишка, кушай.

И подвинулся, чтобы Санька получил свою миску с едой. Эта вежливость, такая неожиданная, заставила и Колесова, и высокого кавказца улыбнуться. Будто бы что-то доброе связывало их – по существу, случайно встретившихся, незнакомых друг другу людей.

На «больничке», в следственном изоляторе, в камере, которая просторнее остальных, гораздо светлее. Солнце свободно проникает через большое окно с решетками, но без «ресничек», так арестанты называют надетые специально на окна железные пластины, не дающие возможность видеть окружающий мир. А самая большая роскошь «больнички» – деревянные полы. Попадая сюда, изолированные от мира люди как бы преобразуются, веселеют.

Витьке-побегушнику стало легче к обеду. Теперь он лежал на кровати, худой, с лихорадочным румянцем на впалых щеках, но уже азартно оглядывал новое свое прибежище. Его перевели на «больничку» из следственной камеры, где он ждал суда за очередную неудавшуюся попытку побега с зоны. Пытался он с приятелем сделать подкуп в рабочей зоне в «запретку» – прямо рядом с цехом, где лежали сваленные в кучу отходы, шел предполагаемый подкуп, да сдали их... И вот теперь светила Витьке добавка к сроку и возможный «тюремный» режим. С такой перспективой и «больничка» покажется раем.

Витька находился в этой камере уже два дня. Среди новых своих знакомых он не находил, с кем бы поделиться сокровенным, а молчаливое почтение, к которому он уже привык на зонах, ничего ему не давало.

Витька лежал на постели неподвижно, как мумия. В течение последнего часа новая идея овладела им. Понравилась Витьке дежурная. Звали ее все за глаза Людка. Ладная, белокурая, она была единственным светлым пятном в воображении мужчин, находящихся на «больничке». О ней мечтали втайне, наверное, никак ни меньше, чем о самой свободе. И избалованная этим вниманием Людка-прапорщик вела себя даже миролюбиво, доставляя арестантам непередаваемое наслаждение, когда они могли перебраться с нею парю фраз. «Эх, такую бы бабу на свободе, и ничего больше в жизни не надо. Сидишь на кухне, чифирок пахнет душисто, она рядом что-то кухарит с толстыми ляжками и упругой грудью, в домашнем платье», – думая так, в воображаемой картине Витька так задержался, что даже не услышал, как хлопнула «кормушка». Пришло время обеда.

Дежурила как раз Людка-прапорщик, и эзки гурьбой суетились у кормушки, как пчелки около своего улья, норовя «поймать сеанс», позэкзовски – поближе рассмотреть желанную женщину.

А она таяла от снисходительных добрых комплиментов, но вела себя строго, командовала, одним словом, начальник.

Мысль о том, чтобы написать «письмецо» Людке, у Витьки возникла будто бы случайно. Поделиться наболевшим, почувствовать, что ты

мужчина и ты нравишься... Решил Витька, что к ужину он сварганит послание.

Во время раздачи ужина, улучив момент, когда у «кормушки» не осталось других арестантов, Витька, наклонившись к кормушке, задушевно сказал: «Примите заявление, хочу узнать, когда мне положена передача». Он даже присел у двери, держа в руке миску с кашей, а в другой сжимая кусок черного хлеба. Прапорщик взяла свернутый вдвое лист из ученической тетради написанный красивым неторопливым почерком, прочла любовную записку и украдкой глянула на зэка, раздающего пищу, он тоже заинтересовался неожиданным заявлением, сложила снова лист бумаги и закрыла «кормушку».

Весь вечер до проверки Витька не находил себе места. Он чувствовал себя именинником.

Тем временем в коридоре послышался ляг открывающегося замка, какая-то команда, а затем истощный крик.

– Э, не иначе Садист делает проверку, – сказал кто-то из Витькиных сокамерников.

Так и оказалось. На «больничку» пришел Садист-прапорщик, низкий, с влажными пороссячьими глазами, с большой нижней челюстью, в хорошем настроении. Арестованные торопливо прошли в коридор. Прапорщик пересчитал их, потом вытащил из кармана помятый лист из ученической тетради, и Витька почувствовал, как что-то у него в груди оборвалось. Он узнал свое послание.

– Так, Виктор, – сказал Садист. – Любовник ты наш. Писатель. Кто же это такой?

Глаза прапорщика пробуравили строй, останавливаясь на мгновение на каждом из зэков.

Витькина любовь стояла чуть поодаль, прислонившись к шершавой холодной стене коридора. На глазах ее были слезы. Она была изумительна в своем испуге. Ее плотные бедра, обтянутые юбкой, выделялись заманчивыми полуокружностями, и Витька на миг даже забыл о проверке, перевел дыхание, услышав мат, – это ругался Садист.

– Что, нет смелых?! – орал он – Хотите, чтобы всю вашу хату под «дубинал» пустили! Это мы сделаем...

И Витька сделал шаг вперед.

– Я написал.

– А! На лирику потянуло, романтик ты наш. Писатель! – Садист замахнулся на Витьку дубинкой, но удар пришелся по его же сапогу – звонкий и упругий. Это Людка-прапорщик смело толкнула Садиста в плечо, быстро подойдя к нему сбоку. И лицо ее, покрасневшее от воз-

мущения, еще ярче было среди серых тонов длинного тюремного коридора: блондинка, с ярко накрашенными губами... Витька глядел на нее не отрываясь. А Садист вдруг затих. Невидимая власть Людки-прапорщика тут навалилась, как будто камень упал на голову Садиста и оглушил его...

– Ну ладно. Раз не хочешь, чтобы я его наказал, твое дело, – миролюбиво сказал Садист, и Витька заметил, как блудливые глаза прапорщика тоже устремились к упругим ляжкам его женщины, которую он сейчас всей душой любил.

Закончилась проверка. Арестованные зашли в камеру. Витька сел за длинный стол, стоящий посередине камеры, взял шариковую ручку, вырвал резко лист из ученической тетрадки и стал быстро писать. Потом, внимательно перечитав записку, подошел к двери и позвонил. Долго не было слышно ее шагов. Потом стук сапожек стал приближаться. Она открыла «глазок» на двери. Звякнула «кормушка». Витька стоял у двери как парализованный, потом тихо сказал:

– Я написал тебе еще. Но если и эта записка попадет к Садисту, то мне уже мало не покажется.

– Сдали меня зэки из obsługi, – совсем по-зоновски сказала Людка-прапорщик. – Суки.

И взяла записку. Хлопнула закрываемая «кормушка». Витька тяжело перевел дыхание. Только сейчас он почувствовал, как отяжелели его ноги. Он снова прошел к столу. Сел на деревянную, отполированную многими людьми, привинченную к полу лавку. Он так сидел неподвижно, как изваяние, минут десять, ожидая, что сейчас распахнется дверь камеры и его выдернут в коридор и отшибут все бока, но в коридоре стояла гробовая тишина.

Побег

В большой камере тихо. Подследственные после вечерней проверки укладываются спать. На верхних нарах, в дальнем от двери углу, сидит худощавый парень с бледным лицом и сосредоточенно смотрит на самодельный, висящий на шершавой стене камеры календарь. Он еле шевелит губами, повторяя: «двадцать первое ноября, двадцать первое ноября...» Слова его тихи, и буквы он выговаривает с той немислимой четкостью, что ясно: человеку важно уже то, что он может произносить сами слова. Когда реальность и деятельность мозга, граничащая с безумием, почти сливаются в зыбкую картину туманного будущего, представляемого в сознании, но которого может и не быть.

Предыдущую ночь Виктор, а это он сидел на нарах, почти не спал, но сон не шел – нервное напряжение не дает успокоиться. Напарник Виктора, рыхлый мужчина с бледным лицом, лежит на нарах, чуть поодаль, закрыв глаза, и лицо его имеет страдальческое выражение, будто внутренняя боль разрывает его каждую секунду...

Время будто замерло. За прошедшую ночь их усилиями, усилиями двух человек, был подготовлен лаз: на потолке заточенными супинаторами. Они нащупали щель между бревнами перекрытия, и теперь надо только ее расширить, чтобы вырваться на чердак, – камера была на последнем этаже следственного изолятора.

Из черной неровной дыры лаза, ведущего на чердак, пахло свежестью морозного воздуха... Бесшумно, словно тени, два арестанта скользнули в темную пустоту.

Выбравшись на крышу, Витька ползком добрался до ее края. Порывистый ветер кружил хлопья снега в свете прожектора, и, словно маятник, качался на вышке часовой, одетый в тулуп. От окружающей тьмы еще страшнее белел внизу припорошенный снегом асфальт.

В первые мгновения нерешительность овладела Витькой, стискивая страхом все тело. Но путь назад был уже отрезан. Послышались торопливые шаги и шум поднимающихся на чердак людей. И Витька прыгнул вниз, рядом плюхнулось тело его напарника. Хлопнул выстрел, другой. Послышались растерянные крики преследователей, от которых беглецов уже отделяла головокружительная высота.

Перед самой стеной, ведущей к воле, на колючем ограждении тело Витьки свела судорога, руки и ноги стали ватными и отказывались повиноваться.

– Ток! – резануло сознание.

На руках беглецов были резиновые перчатки, взятые заблаговременно. Они знали, что их ожидает на пути к свободе.

Пересохшим ртом Витька глотал морозный воздух и лез, и лез по этой прожигающей тело «колючке», уже не сознавая того, что с ним происходит...

Свет прожектора с пустой вышки ослепил глаза и вернул Витьку к действительности. Ему удалось добраться до стены и залезть на нее, оставалось каких-то пять метров, чтобы добраться до угла стены и выбросить на свободу свое измученное, полуживое тело. Тонкие провода, по которым надо было идти до угла стены, поблескивали в стене прожектора ядовито-стальным цветом и явно не были способны выдержать тяжесть человеческого тела.

– Что же ты, Витек! Давай! – надрывно подбодрил Витьку напарник.

Витька осторожно ступил на провода. Завыла сигнализация. Хотелось рвануться вперед, к углу стены. Но опасность упасть в «запретку» сдерживала.

Шаг за шагом, метр за метром приближался Витька к заветному углу стены... Свет прожектора носился по «запретке» как умалишенный, как сошедший с ума солнечный зайчик. Выла сигнализация. Доносились отрывистые команды, Витька первым спрыгнул со стены и, не медля ни секунды, рванулся в окружающую тьму – подальше от тюрьмы. Оглянувшись, он не увидел напарника, хотел подождать было, но рядом услышал топот ног и лай собаки.

Петляя между домами, проскакивая темные дворы, Витька все дальше уходил от следственного изолятора.

На кладбищенской маленькой церкви холодный ноябрьский ветер раскачивал колокол, и его приглушенный звон слышал только тот, кто притаился неподалеку. Торжество, что ушел, вырвался, несмотря ни на что, понемногу уступало место усталости.

Близилось утро. Стали показываться одинокие прохожие, идущие на работу.

Витька решил отсидеться день где-нибудь на чердаке, а вечером пойти «на адрес», который предусмотрительно дал ему напарник. Витька догадывался, что его взяли, но мысль, что он сам мог в любой момент оказаться в таком же положении, заставляла забыть о жалости.

Витька нашел многоэтажный дом. Потянул на себя ручку двери одного из подъездов. И чуть было не столкнулся с невысокой симпатичной женщиной, даже вскрикнувшей от неожиданности:

– Испугали вы меня...

Витька поспешно уступил дорогу, подумав: «Знала бы ты...»

Весь день Витька промаялся на чердаке дома. Было холодно. Ветер заносил снег в открытое чердачное окно и стелил его белым пятном на грязное поле чердака.

Витька осторожно прикладывал свою ладонь к снежному пятну, а затем мочил губы зимней свежестью, и это как-то утоляло жажду.

Когда вечерние сумерки сгустились над городом, Витька вышел из своего убежища. Он шел по улице, глядя на встречающихся ему людей, спешащих по своим делам, и не мог уйти от ощущения, что все происходящее с ним – это сон.

Он долго плутал по незнакомым улицам, стараясь добраться пешком до нужного адреса. Спрашивать лишний раз ему не хотелось, чтобы не привлекать внимания.

Когда он остановился в очередной раз, чтобы сориентироваться, кто-то тронул его за плечо:

– Дай-ка прикурить, молодежь.

Витька увидел стоящего рядом пожилого мужчину с помятым лицом и внутренне усмехнулся своему недавнему испугу.

– Не курю я, отец.

– И не пьешь тоже? Видать, студент.

– Знаешь, действительно на улице пить не привык, – искренне ответил Витька. – И студент. Как ты только, отец догадался. На юриста учусь.

– Вот так номер. А на тебя-то и не подумаешь. Щуплый. Одежка кой-какая...

– Это я с дороги, отец. Переоденусь – не узнаешь.

– Понятно. А что, может, зайдём ко мне, – неожиданно оживился незнакомец. – Меня Виктором зовут..

Витька внутренне вздрогнул. Оказывается, они тезки.

– А я Сергей.

– Выручишь меня, – говорил мужчина. – Я-то на работу не попал. Встретил приятелей, выпили... А теперь жена меня будет пилить. А тут такое дело – ты. К тому же у меня дочка, Любка, тоже в том году поступала на юридический. Провалила, а на обучение платное – дорого. Вот теперь пока работает..

– Ну если только не надолго.

Вскоре они сидели в уютной комнате, и хозяин, познакомив Виктора с приветливой женщиной средних лет, своей женой, говорил:

– Мы-то что, люди маленькие, а вот страну жалко, беззаконие!..

– Хватит тебе, Виктор, балаболить... Ты бы лучше парня чаем напоил, раз привел. Только не пей больше, – тихо сказала жена.

На кухне она побыла с ними еще немного и вышла. А хозяин дома, выскочив в прихожую, принес начатую бутылку вина, аккуратно закрытую бумажной пробкой, разлил остатки вина по стаканам.

– За знакомство!

Они выпили.

Тут зазвонил звонок в прихожей.

– Никак, Люба пришла с работы, – сказал хозяин.

И вправду вскоре на кухню вошла раскрасневшаяся с мороза приятной внешности девушка. Виктор встал, представился. Они познакомились. Совсем не по-домашнему присела Люба на стул.

– Вот Сергей, не в пример тебе, учится на юриста, – сказал хозяин и добавил: – Ладно, молодежь, поговорите. Я пойду. Устал я.

Оставшись вдвоем, помолчали.

– А хорошо, наверное, знать закон, искать преступников, – вдруг мечтательно произнесла Люба.

Виктор, до этого внимательно глядевший на нее, радуясь ее юности и красоте, от неожиданности даже опешил.

– А кем ты, Люба, мечтаешь стать?

– Может, следователем...

Витька невольно перевел дыхание, представляя ее в ненавистной ему форме, но сдержался, только, видимо, лицо его выдало внутреннее волнение.

– Вам нездоровится?

– Да, знобит немного...

– Сейчас я чайку поставлю, – засуетилась девушка и вмиг стала домашнему доброй и уютной. Она быстро сделала бутерброды с колбасой, нашла в серванте конфеты. Витька, наблюдая за ней, невольно улыбнулся. То домашнее, чего он был давно лишен, вдруг вернулось. Эх, побыть бы этим студентом, за кого себя выдаю! Эта мысль как-то расслабила Витьку, но тут он вспомнил, что дал слово напарнику, если и не удастся тому вырваться, то найти нужных людей – и отдать письмо, что было у Витьки сейчас в боковом кармане. Напарник, видимо, понимал, что шансы его по сравнению с молодым парнем невелики, все предусмотрел.

Пили чай, разговаривали о всяких мелочах, больше не касаясь обучения Витьки, и вдруг Витьке опять представилась камера, потом крыша следственного изолятора, асфальт внизу...

– Мне надо идти, – сказал Витька.

Люба понимающе кивнула. Она очень внимательно поглядела на него, будто чувствовала какую-то скрытую тайну. И Витька забеспокоился, засуетился, быстро вышел в прихожую. Обулся. И когда уже закрылась за ним дверь, в тусклом свете подъезда, перевел дыхание. Мысль о том, что эти добрые люди, невольно могут пострадать по его вине, отошла. Теперь он снова был один на один со своей судьбой и всей правоохранительной системой. Он знал, что сейчас перекрываются вокзалы и дороги, милиция дежурит в больших магазинах, а к его дому, в другом городе, уже наверняка направлена оперативная группа.

Витька вышел из подъезда многоэтажного дома и пошел, не оглядываясь, подставляя раскрасневшееся свое лицо от тепла квартиры и близости красивой девушки холодному зимнему ветру.

Он шел, изредка чертыхаясь про себя, и его высохшие от жажды и переживаний губы шептали: «Размечтался, размечтался...»

Шли вторые сутки поиска опасного преступника.

Полит

Начальник отряда на «больничке», где лежали зэки-туберкулезники, низкий, кругленький, с седым редким волосом у висков, в вечно помятой форме, с надвинутым козырьком фуражки, вошел на территорию, где он был главным. Нарочито спокойно оглядел большой двор, покрытый зеленой первой травкой раннего лета, и взгляд его точно уткнулся в две высокие стройные березки, стоявшие около высокого каменного забора – красноватого, выцветшего. Откуда взялись тут эти деревья, начальник отряда уже и не помнил. Предыдущий начальник колонии, подполковник Сидоров, рослый, с важными повадками, любил «озеленять» территорию, а так как «больничка» была расположена внутри колонии, то досталось и ей – две березки сейчас точно вросли в асфальт, весь в трещинах, сквозь который и пробивалась непокорная трава. «Надо бы эти деревья срубить. Ни к селу ни к городу», – думал офицер, которого все, в том числе и зэки, называли почему-то Политом. Эта кличка осталась у начальника отряда от того же подполковника Сидорова, который, желая подтянуть его «политический уровень», упорно заставлял готовить начальника отряда для сотрудников колонии политинформации, а капитана, «заведующего туберкулезниками», даже от одной мысли «выступать» перед кем-то бросало в дрожь. Вот почему, видимо, он был самым счастливым человеком в колонии, когда провожали в уютном кабинете начальника колонии со спиртным и застольными историями подполковника Сидорова «на заслуженный отдых». Давно уж нет Сидорова, а кличка Полит осталась.

Зашел начальник отряда в тусклый длинный коридор «больнички», стены которого были выкрашены пожелтевшей зеленой краской, и оттого вид помещений был неуютный, какой-то вокзальный. Офицер быстро зашел в одну из палат. Зэки дружно поднялись, поздоровались. Один из них, высокий, с каким-то здоровым румянцем, все выстукивал «четечку», приплясывал, хотя и видел, что офицер стоит почти рядом с ним.

– Ты что же, Андрей Викторович, никак не успокоишься? – вежливо спросил Полит.

Этого зэка он запомнил с этапа – его независимый вид раздражал.

– Тренируюсь, – весело сказал больной.

– На зоне будешь тренироваться, у станка, – дал установку капитан. – А сейчас стой смирно. Уважай начальство.

Ээки притихли, застыл как изваяние, дурачась, и чечеточник. Один лишь косой, хмурый, низенький зэк глядел на офицера мрачно, не отрываясь.

– А у тебя, Бражников, что за вид? – спросил начальник отряда.

– Зуб болит.

– Сходи к врачу.

– Да там же лепила.

– Как вы говорите! – оборвал его начальник отряда. – Дипломированный специалист, между прочим.

– Алкоголик. Он мне уже дергал один зуб в том году, раскрошил весь, десну поранил. Руки у него дрожат, будто он всю ночь из пулемета стрелял.

– Ну, ладно, ладно. Попрошу Ивана Сергеевича к тебе отнестись повежливее.

– Нет уж, Полит, уволь, – неожиданно заартачился зэк. – Не пойду я. Лучше мучиться!

– Непорядок это, – как-то вдруг заволновался Полит, почувствовав смутную тревогу, будто кто-то выступает против режимной дисциплины. – Пойдешь как миленький.

– Не пойду...

– Да не спорь ты с ним, – вступил в разговор чечеточник, опять приплясывая как назло. – Он что, колбасы наелся, бабку помял. Что ему до нас...

– Э! – завопил начальник отряда. И уже думал, как бы наказать примерно обоих. Что касается Косого – тут возможностей мало. Открытая форма «тубика» – его на зону не примут, а вот чечеточник...

После обеда, улучив момент, Полит, заскочил в кабинет к тучному, круглолицему начальнику оперативной части майору Перепелкину. Тот доброжелательно спросил, не вставая со стула и глядя исподлобья:

– Что, опять «косой» набедокурил? Ну ты же знаешь, его на зону нельзя – всех заразит...

– Да нет, тут другое дело, – вкрадчиво начал Полит.

– Да какое у тебя дело! Мрут и мрут, туда им и дорога...

– Да мутит тут воду один.

Позже, возвращаясь в «больничку» в свой кабинет, начальник отряда во дворе у березок увидел нескольких больных, они о чем-то оживленно говорили, чечеточник все приплясывал. И глухая злоба к этим людям проснулась в груди Политы. Чему радуются?! Жизнь их на волоске. А он, он-то что? Разве лучше их живет? И вспомнилась пустая однокомнатная квартира с холостяцкой нехитрой обстановкой. В гру-

ди у начальника отряда даже перехватило... И он поспешно прошел в коридор «больнички», в котором и находился его кабинет. И только здесь, среди грамот, сидя за уютным столом, офицер приободрился. Вспомнил о том, что начальник оперативной части пообещал поговорить с врачами и, возможно, уберут чечеточника в зону, потом подумал вдруг Полит о березках. Ладно, и до них очередь дойдет. Срублю...

Помидор

В эту хмурую зимнюю пору колония потеряла всякие очертания. Бараки как-то смазались. Центральная аллея, пустынная, с грязным асфальтом, подсвеченным желтизной света прожектора, напоминала безлюдностью беговую дорожку. Молодой осужденный в черном костюме, с биркой на груди, в шапке, неряшливо одетой на голову, стоял в раздумьях. А задуматься ему было о чем. До конца месяца оставалась всего-навсего маленькая неделя. Времени настолько мало, что «забросить» деньги в зону, как ни старайся, почти нереально. А карточный долг – дело страшное. Не пощадят. Напротив, в секторе возле центральной аллеи отряд, где живут эти люди, отверженные уголовным миром. Кто проигрался, кого сломали... И их доля – страшнее даже любого зонавского житья-бытья, даже самого худого. Без поддержки с воли... Блуждающий взгляд Помидора остановился на этом бараке, где и находились эти отверженные люди, и среди них были и бывшие нашкодившие авторитеты, и всякие люди, в том числе и не отдавшие вовремя карточный долг...

Из барака вышел знакомый молодого зэка. Это был средних лет мужчина. Неряшливо побритый. С золотой «фиксой». Глаза глядели на парня спокойно, с хитринкой.

– Что, не спится, Помидор? – глядя на худое с ямочками на щеках лицо, произнес мужчина.

– Дела мои плохи, Миха, – совсем по-детски сказал Помидор.

– Когда садился играть, о чем думал? Сан Саныч таких, как ты, ломал десятками. Такие для него, как сладкие орешки, – сказал Миха. – А ты возомнил себя игроком...

– Что-то в голове перевернулось. Азарт... – сказал Помидор.

Вздохнул. И было от чего. Сумму проиграл он приличную, мама не горюй.

– «Затянем» деньги... Есть возможность...

– Написать бы мог матери...

– Вот и пиши. Постараюсь...

В эти дни Помидор ходил как неприкаянный. Ошалевший от навалившейся на него беды он осунулся, и даже юношеский румянец на щеках, за который и прилипла к нему эта несуразная для зэка кличка – Помидор, – куда-то ушел, будто его и не было. Даже глаза, всегда озорные до этого момента в его недолгой тюремной биографии, и те стали точно два мышонка – поглядит Помидор и отведет их, будто пряча. А Михаил, его земляк, суетился. «Загнать» деньги в колонию дело непростое. Но так подвернулось. Один приятель Михаила шел на длительное свидание, должна к нему приехать мать. Вот на его домашний адрес и нужно было выслать деньги, а мать тайком должна их привезти сыну, тот – «вытянуть» в зону для Помидора. И отблагодарить этого человека надо. И договориться. Кому нужны чужие заботы? Тут для Помидора бы никто и не старался, если бы не Мишка. Он не раз выручал земляков – как мог. И подраться мог, за справедливость. И советом помочь. Зэк он был опытный, отсидел уже три срока на строгом режиме, научился не выпячиваться без дела. Про таких говорят «прикрылся бушлатом», а по характеру – волевой был Мишка человек. Но что-то там не сложилось, и не приехала та мать на длительное свидание, заболела. Слегла в больницу с сердечным приступом.

Оставалось до конца месяца всего три дня. Заканчивался год. Новогодняя суета в колонии – это, конечно, не вольные хлопоты о подарках. А все же приятно каждому зэку, что «год долой». Ведь время в представлении зэков оно как хищный зверь – прогоняешь его, прогоняешь, чтобы ушло поскорее – время срока. А Помидору и того страшнее, эти дни окаянные, до конца года. Хоть реви.

А как-то зашел Помидор в комнату для личных дел, взял у завхоза ключ, пояснил, что хочет погладить костюм. И впрямь включил утюг, постоял у большого зеркала, поглядел на себя, хмурого, высокого, худого, будто примериваясь – если что, может он и покинуть этот мир, навсегда... Не позволит гордость Помидору быть в числе отверженных.

Мишка тем временем тоже осунулся. Понимал, что-то в судьбе Помидора сломалось – фортуна была явно не на его стороне. И как-то вечером, уже после отбоя, Михаил прошел к «проходняку», где находился Сан Саныч. Опытный игрок. Сидел он и сейчас на кровати, затачивал стеклышком самодельную колоду карт – умелыми движениями.

- Привет, Сан Саныч...
- А, Миха, привет. С чем пожаловал?
- Хочу вот поиграть...
- Э! Да не замечал за тобой...

– А вот теперь так.

– Ну что ж, ночь у меня свободна.

Остроносое лицо Сан Саныча, с зоркими не по возрасту глазами, напоминало Мишке крысиную мордочку, но он, умело скрывая свое настроение, сел напротив на кровать. Осужденный, тут же сидевший, пухлый, коротконогий, вопросительно поглядел на Сан Саныча.

– Бритый, ты нам купеческого чайка организуй, – тихо сказал Сан Саныч. – А поспишь вот там, в соседнем проходняке, я договорюсь, чтобы не мешать нам. Сам видишь, уважаемый человек зашел в гости...

Осужденный понимающе кивнул. Пошел в умывальник, предварительно взяв с тумбочки, стоявшей в проходняке между кроватями закопченный, но чистый внутри, как отполированный, «чифирбак».

– Что же, Миха, решил картишки-то передернуть. Деньжата появились или просто тоска заела? – все так же тихо проговорил Сан Саныч.

– И тоска, и деньжата, – как-то неопределенно сказал Миха.

И это была правда. Тоска от этой жизни, его окружающей уже пятый год, съела изнутри Мишкино сознание. Хотелось на волю, в родной городок, у моря. А тут еще Помидор, земляк. Надо спасать!

Попили крепко заваренного чайку с конфетками-карамельками, которые Сан Саныч проглатывал как наживку хищный окунь, переговаривали обо всех известных правилах для порядка, и Сан Саныч вытащил из своей подушки колоду карт. А Мишка, чуть помедлив для вида, вытащил из своего бокового кармана запечатанную новую колоду карт – настоящих, атласных, с воли.

– Не доверяешь, Миха, – тихо сказал Сан Саныч.

– Игра есть игра, – неожиданно жестко произнес Михаил.

– Согласен, – доверительно сказал Сан Саныч, зорко просматривая, не на зоне ли припечатали колоду, предварительно пометив. Нет, вроде бы упаковка новенькая.

Стали играть, шуршали картишки в опытных шулерских пальцах Сан Саныча, когда их раздавал, да и Миха не промах тасовать картишки умел...

Час за часом шла эта безмолвная дуэль в тихом ночном бараке, подсвечиваемая полной луной.

Сначала везло Сан Санычу, потом Михе, потом Сан Санычу, но под утро молодость взяла верх. Сан Санычу стало тяжело. Он пару раз криком поднимал с постели из соседнего «проходняка» своего приятеля, и тот бежал в умывальник заваривать чифир – уже не «купеческий», а крепкий, ядреный, чтобы не хотелось спать. Но это не помогло. Сан Саныч проиграл.

– Вот что, Сан Саныч, с Помидора долг спиши за счет моего выигрыша, – спокойно сказал Миха.

Сан Саныч блеснул глазками, но покорно мотнул своей головой. Миха ушел. Сан Саныч как сидел на кровати, так и сидел, точно истукан, еще минут двадцать, потом завалился на кровать, не раздеваясь...

С утра Помидор, после подъема, в умывальнике на электрической печке заваривал в «чифирбаке» чифир. Тут к нему подошел Михаил.

– Сан Санычу ты теперь не должен. Ты мне должен, – вяло пояснил Миха.

– Не понял.

– А что тут понимать. Обыграл я Сан Саныча, а он мне заплатил твоим долгом. Но тебе я его перенесу на месяц, он уже не карточный. Я так решил.

– Хорошо, Михаил... – сказал Помидор, чувствуя, как от облегчения кружится голова. – Мать должна приехать на длительное свидание через неделю...

– Да знаю я. Не забивай голову. Все будет хорошо.

Новогодняя ночь на зоне – особенная. Зэкам дают посмотреть телевизор. До поздравительных слов. Потом телевизор уносится в кабинет завхоза. И там только он да его приближенные могут посмотреть концерт. Помидору и без того праздник. В шумном темном помещении «чифируют» зэки, переговариваются. Вдруг – включен яркий свет. В комнату вошли несколько солдат и офицер. У одного из солдат на поводке вяло переставляющая лапы немецкая овчарка. Ищет наркотики, вынюхивает. Проходит мимо двухъярусных кроватей. Все. Чисто. Уходят солдаты. А зэки снова веселятся, вспоминая домашних, чифируя, и так всю ночь.

Приехала мать к Помидору. Пожилая женщина еле дотащила сумки с едой. В комнате свиданий долго рассказывала о тяжелой дороге. А Помидор помалкивал. И только когда из двойного дна сумки извлек он деньги, повеселел...

– Зачем же, сынок, столько денег понадобилось? – проговорила мать.

– Да сразу загнать, мама, на питание, – успокоил Помидор.

Шли часы свидания. Все вроде бы переговорено. Мать глядела на сына, стараясь не расстраивать его своими невзгодами. Ему-то ведь тяжелей...

Вышел Помидор из комнаты свиданий. Пронес деньги, умно, не ухватишь. В тихом бараке отдал Мишке нужную сумму. Пожал ему руку. Мишка, не пересчитывая, спрятал деньги подальше, в тайник под тумбочкой.

Вдвоем вышли в локальный сектор. Прогуливались, будто не замечая мороза. Свежий воздух обжигал лица.

– Ну, что я тебе скажу, парень. С игрой завязывай, затянет, не выпутаешься, – негромко сказал Мишка. – Я это по себе знаю. Чуть в петлю по молодости не полез.

Помидор искоса поглядел на Михаила. Он-то его понимал сейчас, как никто иной.

Прощальный поцелуй

На перроне, у самого его края, в тупичке на корточках сидели несколько мужчин, одетых в одинаковые установленного образца серые робы. Рядом с ними стояли три прапорщика, как на подбор, высокие, с автоматами на изготовку. Подъехал автобус, и из него вывели рыжую, непричесанную женщину и девушку, красивую, голубоглазую, точно яркий цветок среди этого серого поля. Она недоверчиво покосилась на мужчин, сидящих на корточках. И Санька узнал Валентину. Судьба свела его с этой девушкой пару месяцев назад, когда он находился в КПЗ, ждал суда. Вместе они ехали, как и сейчас, на этап. И везли их в этом же автобусе. Мужчин, тогда попарно «закоцанных» в наручники, посадили назад, перед ними была сетка, она отгораживала их от остального автобуса. Девушка, а это была Валя, сидела рядом с этой сеткой, и Санька сказал:

– Ну что, красавица, давай поцелуемся. Когда нам еще доведется!

И они целовались, жадно, врасос. И помнилось Саньке, что на девичьем лице, когда они оторвались друг от друга, остались красноватые линии от железной сетки.

Валя тоже его узнала и просияла улыбкой.

– Саня, – сказала девушка и пошла к нему.

Оставалось дойти метра три, когда опомнившийся прапорщик, куривший до этого сигарету, на нее заорал:

– Куда пошла! Совсем с ума сошла, девка. Да они тебя растерзают. До этапа не доживешь.

Но Санька потемневшими глазами глянул на прапорщика, сказал:

– Это моя девушка. Сестра по несчастью. Понимаете?

И прапорщик, высокий, рыжий, встретившийся с этим взглядом, пронизывающим насквозь, вдруг сказал:

– Ну, раз твоя девушка... Попрощайтесь.

Александр привстал. Затекие колени не давали ощущения крепкого тела. Валя к нему подошла сама и обняла, они поцеловались, страстно и долго.

– Ну ладно, иди, иди в сторону! – заторопил девушку охранник, уже, видимо, жалевший, что дал слабину.

В конце перрона раздался гудок тепловоза. И прапорщики сразу стали серьезными, взгляды их настороженно оглядывали арестованных, руки крепко держали оружие, один палец – на спусковом крючке.

В стольпинский вагон арестантов погрузили в течение нескольких минут. Один из прапорщиков отдал кипу «дел» начальнику конвоя, и состав двинулся дальше.

Стольпинский вагон – это обычный с виду вагон, только плацкартные отделения для пассажиров отгорожены железными решетками.

Валя ехала через два отделения от Саньки. И он стал писать ей записку. На этапе солдаты обычно благожелательно относятся к этому нехитрому общению. Арестованные скручивают газеты в длинную трубочку, прикрепляют к ней записку и просовывают руку через решетку. Так записка попадает в другое отделение. В этот раз солдаты были говорливые и наглые, видимо, уже второго года службы. Истоковавшиеся по женскому теплу, как и ээки, точно похотливые псы, они не отходили от отделения, куда поместили Валу и рыжую непричесанную женщину, визгливо крикнувшую:

– Эх, мужичка бы сейчас!

И Санька, бывалый уже не раз на этапах, сказал солдатику, низенькому и угрюмому, когда стали разносить по отделениям воду для питья в маленьком бидончике:

– Там молоденькая девица едет. Хороша. Плохо только, что «сифиллика». У нас в городе она столько мужиков заразила!

Солдатик опешил, быстро посмотрел на ээка и отошел от его отделения. Санька уже знал, этот молчать не будет, а значит, к Вале никаких домогательств... Собственно, в этом и была задача Саньки.

Вечерело. За окном вагона пробегали картинки воли. Будто в кинематографе – перелески, рощи, уютные поселки. И как в кинозале зритель не может войти в происходящее на экране, так и Санька не мог сейчас почувствовать, что окружающая жизнь ему доступна. Было какое-то странное ощущение, что нет в этих картинках ни реальности, ни смысла. Пришла записка от Вали. Теплые, хорошие слова заставили Саньку с добрым чувством подумать об этой почти ему незнакомой девушке. Он ей уже передал свой домашний адрес с предложением ему написать, в ее ответной записке был ее домашний адрес.

Состав стал замедлять ход, и наконец вагоны остановились. С перрона послышался лай караульной собаки. Отделение, где находился Санька и другие эски, ехавшие в колонию, открылось, солдат-конвойный с сосредоточенным лицом скомандовал:

– На выход! С вещами.

И помчался Санька, когда настала его очередь, по длинному вагону, без оглядки, не желая получить тумака от солдат, выскочил в тамбур, быстро спустился по железным порожкам и побежал к серому автозаку. Все, впереди зона! Прощай, милая Валентина! Спасибо тебе за твой прекрасный поцелуй! Свидимся ли мы снова?

Траншея

Моросил мелкий надоедливый дождик. Трое расконвойников по очереди залезали в траншею и углубляли ее, стараясь докопать до идущего по ней кабеля. То ли порвалась телефонная связь, то ли еще что приключилось, Степанов не знал. Но сама ситуация, поначалу его радовавшая, так как работали вдаль от колонии, теперь начинала его раздражать. Их охраняла прапорщик Виолетта. Невысокая, полная, с ярко накрашенными губами, она то и дело курила, и запах тонких женских сигарет доставал Степанова и в траншее, заставляя тихонько чертыхаться. Втроем в траншее было не развернуться. Поэтому работали по двое, один отдыхал. Наконец настал черед отдыхать Степанову. Он вылез из траншеи, с интересом поглядывая по сторонам. Неподалеку был лесок. А почти рядом проходила проселочная дорога, ведущая от серых корпусов химического комбината. Смена на комбинате кончалась, из ворот химического комбината стали выходить люди, их становилось все больше и больше, они шагали торопливо по дороге к полустанку, откуда в город шли электрички. Рабочие, мужчины и женщины, переговариваясь, проходили в пяти метрах от траншеи. Виолетта перестала курить, нервно бросила окурки в грязь.

Степанов смотрел на проходящих людей и помалкивал. Вдали показались две девушки. И одну он узнал. Когда-то Степанов учился в этом городе. Она шла и что-то увлеченно рассказывала подруге. Круглолицая, с зачесанными назад светлыми волосами, синими глазами, она почти поравнялась с траншеей, когда их взгляды встретились. Она остановилась, точно вкопанная, хотела что-то сказать, но, увидев прапорщика, вмиг все поняла и прошла мимо. Она оглянулась, лишь когда была уже далеко, остановилась, что-то сказала подруге, та тоже поглядела в сторону Степанова. И они пошли дальше. Подруга взяла его знакомую под локоток, точно поддерживая... Они, Николай и Надя, когда-то были очень дружны.

– Эй, Степанов, хватит балдеть, давай, лезь в траншею, – скомандовала грубо Виолетта, вновь закуривая.

И Степанов послушно сменил напарника, залез в траншею с лопатой и начал выбрасывать наверх вязкую глинистую почву, углубляя траншею.

Тухан

Светало. Утро над мятежной колонией было мрачным. Догорающий клуб чадил дымом, и у Тухана першило в горле. Он сидел один на лавке, выброшенной из зала, и глядел вперед. Затравленно, как загнанный в западню, обложенный красными флажками волк. Вся жизнь его перевернулась.

А ведь началось с ерунды. В рабочей зоне выпили. Был обход «режимников». Его и двух его приятелей заметили. Отвели на вахту. И тут белобрый прапорщик стал говорить что-то обидное, и сработало какое-то внутреннее реле у Тухана, ударил он прапорщика головой в его глупую рожу. Их стали избивать, а он вырвался, выскочил с контрольной вахты. Добежал через центральный плац в свой сектор, благо дверь сектора оставалась почему-то открытой, и поднял братву. Вывалили ээки на улицу и начали орать...

Начался бунт в колонии строгого режима именно так. Потом все перемешалось. И ээки, остервенело кричащие, и испуганные солдаты из роты караула, выстроившиеся в реденькую шеренгу, с автоматами наперевес. И начальник колонии, худощавый, нервный майор, выхвативший автомат у чернявого солдата, когда камень, брошенный ээком, угодил в лицо его сына – молоденького лейтенанта. И первые выстрелы. И кто-то раненый, его крик там, в локальном секторе. И потом черная «ээковская» масса, как неукротимая морская волна, идущая к контрольной вахте, сметающая все на своем пути. И ОМОН, прибывший через два часа. И вертолет, севший на просторное поле возле колонии. И этот храбрый полковник, подошедший к клубу в одиночестве и выслушавший ээков. И вот теперь развязка... Тухан поглядел на небо. Ни облачка. Впереди был срок – явно немаленький. И вся жизнь – рухнувшая в очередной раз.

Когда-то в четырнадцать лет в родном городке на берегу вольной Оки познакомился он с ээками, которых выпустили на «химию». Они строили завод. Их лихая речь, романтика, уголовные будни, которые они отбывали красочно, взбудоражили его – он стал им подражать, подворовывать... Сел по малолетке, потом строгий режим... Он всегда был напористым, как бычок, а его излюбленным приемом был неожиданный удар головой в лицо противнику – так научил его один приятель-уголовник. Этот удар на

вахте и стал началом событий, о которых Тухан сейчас старался не думать... Он понимал, что не пройдет и получаса, как колония, уже сейчас окруженная кольцом спецназа, будет захвачена.

И впрямь в это время отдавались последние приказы. Рослые омовцы, вооруженные до зубов, ровной цепью шли к КПП. Солдаты, окружившие квадрат колонии с вышками, колючей проволокой, наблюдали за этой цепью и помалкивали. Многим еще помнилось, как надвигалась на них «зэковская» масса. Спецназовцы шли спокойно. Натренированные руки не дрожали от волнения. Лица были сосредоточенными. Они просто выполняли свою работу.

Вначале зачистка пошла по рабочей зоне, там зэки не участвовали в бунте, но опасность главная исходила с той территории. Здесь было много такого, что можно использовать как оружие. Зэков сгоняли на плац, сажали на холодный асфальт, с заведенными за голову руками. Потом омовцы вышли к вахте и под командованием полковника пошли к разрушенным, с пустыми глазницами окон, жилым помещениям. Локальные сектора с сорванными дверьми, покореженными оградами были пустыми. Зэки не оказывали сопротивления. Их пыл уже угас. Впереди их всех ждала нелегкая участь. Разбор происшедшего, изоляторы, кому-то добавка к сроку. Их угрюмые лица тоже были обреченно спокойными. Их выводили на грязный двор, заваленный камнями, обрезками железных труб, – их страшным оружием, и они покорно садились на асфальт, заводя руки за голову.

Полковник, рослый, с седой на висках, тот самый, что ходил в одиночку к клубу, чтобы выслушать требования зэков и узнать от них о причине бунта, смотрел на эту картину спокойно. В его голове было много разной информации о происходящем в стране. Шла перестройка. Ее влияние на умы людей было неоднозначным. И этот бунт казался полковнику тоже элементом этого влияния. Когда это было видано, чтобы зэки из-за того, что нескольких из них на вахте стали избивать, вышли в локальные сектора? И отчаянно пытались как-то изменить ситуацию, выступили организованно. И вот тут для полковника наступил важный момент его размышлений – организованные беспорядки. Нужно было выяснить, кто же организатор. Безусловно, одним из них был этот мальчишка, что ударил прапорщика на вахте. Вот с него и надо будет начать следствие, когда приедут из прокуратуры, подсказать им. Но вначале полковнику захотелось самому поговорить с этим мальчишкой. Вскоре Тухана привели на контрольную вахту, и в маленькой комнатухе, полностью отравленной табачным дымом, офицер, попросив всех сотрудников выйти, остался один на один с предпола-

гаемым зачинщиком бунта. Он увидел перед собой крепкого парня, с широким простецким лицом, но глаза его смотрели настроенно и нагло, даже сейчас.

– Что же, Сергей, не нравилось, что ли, в колонии? Знаю, что с режимом тут никто не перегибал, – начал издали полковник.

Молчаливый зэк его даже позабавил. Парень просто-таки пронзал его своим взглядом.

– Все было в колонии нормально, – сказал Тухан. – Плохо только то, что нас не уважали...

– Но вы ведь отбываете срок! – напомнил офицер.

– Это не повод для оскорблений...

– Логично, – чуть помедлив, сказал полковник.

Он уже знал, какие слова сказал прапорщик этому парню. За это и на воле могли набить морду. Но дело было даже не в этом. Откуда у этого парня взялась воля, и откуда появился этот авторитет, что он смог сплотить зэков и они пошли за ним? Полковник смотрел на зэка и не находил ответа, и только глаза говорили ему – не сомневайся, полковник, это за мной они пошли... за мной... а не за кем другим, бывалым и осторожным. Это я своим порывом, своей силой воли смог вывести людей. И они пошли за мной, может, кто-то из страха передо мной. И многие теперь страдают. Да я опасный... Ведущий в бездну. И это, написанное где-то в подсознании Тухана, не осознанное им самим до конца, глядело на офицера – и веяло бедой от этих сумрачных серых глаз осужденного. Полковник отвел свои глаза и сказал:

– Ну что ж, следствие во всем разберется.

Прошло несколько месяцев, состоялся суд. Тухана и нескольких других активных участников бунта осудили. Позже Тухан, после освобождения, активно участвовал в каких-то организованных преступных группировках, только начавших формироваться в девяностых годах. Прошло немного времени – и Тухан снова совершил преступление. Был осужден. И при какой-то разборке, при мутных обстоятельствах, погиб. Такая молва ходит о Тухане.

Шарф

По вечерам больничная палата затихала и наступало время Ерша. Так звали худого, высокого, как высохшая жердь, с носатым лицом зэка. Он с мельчайшими деталями пересказывал прочитанные книги. Голос у него был монотонно уверенный, будто говорит по радио диктор. Под его истории и засыпали зэки.

Больничка располагалась на территории колонии. Отгорожена она была от нее только высоким каменным забором. Впрочем, на зону из тех, кто находился на излечении, никто не хотел – свои зоны надоели. На областную больничку свозили из разных колоний, с разных режимов. Здесь были и сложные заболевания, и травмы, и те, кто сам себя повредил, чтобы побыть на «больничке» – отдохнуть от изоляторов... Разный люд собирался в этом месте, напоминающем о вольной больнице. Чистые были палаты. Врачи, медсестры, лекарства – все как положено.

Степанова привезли сюда с травмой глаза. Он помнил, что когда осколок стекла выпал из форточки, которую он закрывал в жилом помещении отряда, то он поначалу даже не понял, что с ним произошло. Слишком все было неожиданно. Острая боль. Он прислонил ладонь к пораненному глазу, да так и пришел в санчасть – не отрывая ладони, и только там, быстро сообразив, резкий в движениях чернявый Колька-санитар сказал: «Проникающее ранение, повезут на областную больничку!» А дальше был автозак. Торопливые команды конвойных. И он, ошеломленный таким неожиданным поворотом судьбы. Операция. Жгучая, томительная боль. Успели спасти ему глаз хирурги. И только теперь, когда прошла неделя и со здорового глаза сняли повязку, смог Степанов осмотреться. До этого только слушал он увлекательные пересказы книг по вечерам...

Надо сказать о том, что человек видящий не вполне осознает своею счастья. Так не осознавал его и Степанов. До тех пор это было, пока неделю не пролежал в палате, не видя земного света. Может, поэтому сейчас, притихший, худой, лежал он на своей постели и вглядывался здоровым глазом в тусклые очертания больничной палаты, и вслушивался в удивительный рассказ Ерша.

Он уже знал, что Ерш болел раком горла. Постоянно носил «романист» повязку на шею. Что-то в его судьбе было еще более страшным, чем у других эзков. И они это чувствовали. Относились к Ершу с каким-то почтением.

Затихшую палату встряхнул ввалившийся в дверь Мотыль. Человек этот был огромного роста, с рыхлым, бледным лицом, искаженным ухмылкой. Он пришел вместе с тощим, юрким приятелем с первого этажа – там, в палате попроще, находились те, кто сам себя повредил. Что-то бурча, Мотыль быстро прошел к кровати Ерша и попытался ударить того. Приятель Мотыля, быстрый в движениях, остановил его. Послышалась какая-то возня. Затих «романист».

– А что он здесь байки загибает? Я вот больной по-настоящему, а меня завтра на зону, – с тоскливой пьяной грустью бурчал Мотыль.

Но вот он успокоился. Послышалось его оседание на кровати, будто мешок картошки бросили на нее. Осталось от Мотыля только его дыхание: перегарное, наполнившее палату смрадом, тухлятиной. Приятель Мотыля как-то успокоил Ерша и быстро ушел.

До утра Степанов не спал. Происшедшее его взволновало. Он не мог ничем помочь Ершу в трудную минуту. И от этой робости было неловко...

Утром Мотыль, молча собравшись, ушел – его вызвали на этап. Прошел день. А вечером в палате было непривычно тихо. Ерш замолчал. Ему просто не хотелось рассказывать больше книги... Что-то остановилось в этом нарочито бодром человеке.

Увозили на этап Ерша через неделю. Перед тем как уйти, он со всеми попрощался, пожал руки. Слушая ободряющие слова, только нервно кривил губы. Степанов вытащил из вещевого мешка шерстяной шарф, переданный родными на свидании в колонии, протянул его молча Ершу. Их взгляды встретились. Они не сказали друг другу ни слова. Только пожали друг другу руки. У Ерша ладонь была холодная и костлявая.

Шнурок

Монотонный шум городского универмага неожиданно был прерван какими-то криками, и вскоре к выходу два дюжих мужчины провели высокого худого старика, одетого чисто, но безвкусно. На его худом лице азартно поблескивали глаза. У входа в магазин, скрипнув тормозами, затормозил милицейский «уазик». И не дожидаясь подталкивания, старик юркнул внутрь. Последнее, что он помнил, что запечатлелось в его памяти на пыльной улице, – это две березки, точно впаянные в асфальт, сиротливо стоящие рядом с магазином.

В отделении милиции, сумрачном и тихом, даже голоса казались приглушенными. Женщина, рыжая, раскрасневшаяся, у которой старик украл из небольшой хозяйственной сумки кошелек, только безвольно разводила руками на очной ставке, разглядывая морщинистое лицо преступника.

– Как же вы могли? Ведь такой пожилой человек...

Старик отмалчивался. Что говорить? Раз попался – крутить толку нет...

Когда захлопнулась дверь камеры, старик перевел дыхание. С молодости не любил он этих допросов, опознаний. Оглядев лежащих на досках мужчин, снял свой поблекший черный пиджак, тоже улегся на нары. Закрыв глаза, точно подытоживая свою жизнь. Что он потерял?

Комнату в общежитии с вечно пьяными соседями – командировочными, не дающими своими ночными скандалами покоя. А все же в груди давило – опять этапы, колония.

Прошло несколько месяцев. Старика привезли в колонию, после того как осудили, дали три года строгого режима. В этапной комнате, заставленной двухъярусными кроватями, ему не сиделось. Он то и дело выходил в небольшой локальный сектор. И ему подфартило. Мимо проходил невысокий, в отглаженной форме, с острым носиком, на котором, точно надвигаясь на лицо, поблескивали очки, начальник отряда старика – по предыдущему сроку.

– Иван Васильевич! – жалобно позвал старик.

– А, Шнурок, опять к нам! – воскликнул офицер, не то радуясь, не то огорчаясь, и подошел к поржавевшей железной ограде локального сектора.

– Попался я, Иван Васильевич. «Трешку» дали. По мелочи, – быстро пояснил старик, которого почему-то много лет уже в колониях и на пересылках звали Шнурком.

– Что же на воле-то не удержался? – внимательно глядя на старика, поинтересовался начальник отряда. Ему и впрямь было любопытно, почему таких, как Шнурок, так и тянет сюда – назад, в колонию.

– Да нет там порядка, – тихо сказал старик.

Видя перед собой бледное лицо, застывшее, как маска, плотно сжатые губы, офицер перестал любопытствовать и просто спросил:

– Пойдешь ночным дневальным?

– Мне бы в «рабочку». Одиночества я боюсь, – тихо произнес Шнурок.

Та радость, которая в нем возникла при виде Ивана Васильевича, уже улетучилась. Представляя знакомую жизнь в отряде, Шнурок тяжело перевел дыхание...

Уже на следующий день старик был в жилом помещении отряда. Расхаживал вдоль рядов двухъярусных кроватей, в новой «чисовской» сероватой одежде, явно ему великоватой, с важным видом. С ним здоровались, спрашивали, как там, на воле, и старик обстоятельно отвечал. Ему было приятно, что не забыли его... Кто он был на воле? Какой-то старик, работающий сторожем, – так, видимо, воспринимали его командировочные и часто потешались над ним, выпив. Здесь же он знал себе цену.

Устроился работать старик уборщиком в цех. Подпоясав телогрейку проволокой, с метлой, какой-то журавлиной походкой прохаживался

он по цеху. Убирал хлам, оставшийся возле станков... Громко били ножницы для резки железа. Урчали надрывно, с визгом, токарные станки. Шипели прессы...

К обеду, когда над рабочей зоной, точно рев невиданного животного, пронеслась сирена, заметно уставший Шнурок вместе с другими осужденными вышел на плац. По бригадам осужденные по команде прапорщиков-контролеров проходили в большое здание столовой, тесно заставленное столами, по которым дневальные уже разнесли бачки с едой.

Тут встретил Шнурка его старый приятель Мочила. Тучный, с блеклыми безжизненными глазами, в замызганном дерматиновом халате, он поздоровался с приятелем, дружески хлопнул его по плечу, сказал:

– Привет, Шнурок. А я вот тебе подарочек припас.

Мочила принес чашку с жареной картошкой. Поистине царский подарок. Шнурок, вытащив ложку из бокового кармана, стал есть и иногда поглядывал на Мочилу, точно соображая, что в нем изменилось за те полгода, пока они не виделись.

– Вот ты, Шнурок, молодец, на воле успел побывать, а я вот уже шестой годок без выхода, – с тяжелой грустью в голосе сказал Мочила.

– Понимаю, – вежливо ответил Шнурок, облизнул ложку, аккуратно положил ее в боковой карман.

Ему и впрямь было от всей души жалко Мочилу. Сидел тот за убийство. На воле долгое время проработал убойщиком скота, и вот на старость лет убил шахматной доской соседа, отставного полковника, что-то там они не поделили по игре...

– Ладно, Мочила, бывай. Увидимся, – заторопился Шнурок, видя, что осужденные его бригады уже встают из-за стола.

После окончания рабочей смены осужденные строились на сером плацу, и под командой прапорщиков, озлобленных от холодного осеннего дождя, проходили осужденные к большому, без окон, зданию санитарного пропускника. Серый поток одноцветных телогреек, шапок, сапог – все это вливалось в большую дверь.

Шнурок с наслаждением мылся под душем, подставляя теплым струйкам воды свое худое тело.

Тут кто-то из рядом мывшихся осужденных пошутил:

– Совсем отощал старик...

– Все «маклюет».

– Это у него от жадности...

Обидные слова, раздосадовали старика, выводя из опьяняющего состояния блаженства. Он торопливо домылся и пошел в раздевалку,

где висела уже одежда, в которой он ходил в жилой зоне. По старой привычке старик одежду берег и всегда выглядел аккуратно: сапоги начищены, телогрейка со всеми пуговицами. Одевшись, Шнурок вышел в локальный сектор, который примыкал к санпропускнику. Тут, дождавшись, пока соберется немного народу, вместе с остальными прошел в свой локальный сектор. В жилом помещении отряда, сидя на своей кровати, Шнурок занялся нужным делом: сшивал себе безрукавку-душегрейку из старой телогрейки на зиму, чтобы согрета была простуженная в северных лагерях еще в молодости поясница.

Тут и нашел его невысокий, краснощекий незнакомец.

– Коммерсанты должны жить дружно – тихо сказал он – Ты, Шнурок, старик проворный. А ко мне чаек катит в полный рост. Ты помоги продавать. И будешь иметь свою дольку.

Предложение было заманчивым. И Шнурок даже заерзал на своей кровати. Но, поглядывая на холодные глаза коммерсанта, все же поостерегся, понимая, что дело пахнет изолятором.

– Стар я стал. Не хочу по изоляторам гнить...

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

– А мне его и не надо.

За Шнурком водилась такая привычка. Выполнял он различные просьбы: на чай менял то костюмчик, то телогрейку – искал нужный обмен, так как люди доверяли ему, и хлопотал старик за заварку чая или кулечек конфет.

Вот и в этот вечер удалось ему у банщика «надыбать» хороший обмен, отдал Шнурок шесть пачек чая, а получил сапоги и теперь, уже после отбоя, пытался пройти через центральный плац в свой сектор вместе с завхозами отрядов, возвращающимися в свои сектора после докладов.

Но Шнурку не повезло. Был он замечен низеньким прапорщиком и так, вместе с сапогами, предстал перед дежурным по колонии – седым майором, в отглаженной, щеголеватой зеленоватой форме.

– А, Шнурок, «маклюешь», – спокойно сказал офицер, поглядывая на понурого старика.

– Есть такое, – признался Шнурок.

– Ты бы лучше бы подумал о будущем, – привычно как-то проговорил офицер и осекся, думая, ну какое у Шнурка может быть будущее, с его то биографией...

– Ну ладно, старик, иди в отряд.

Радуюсь, что пронесло, вышел Шнурок в тесный коридор контрольной вахты и тут едва не споткнулся о носилки, стоявшие на гряз-

ном полу. На них лежал человек, с головой прикрытый грязной простыней с какими-то кровавыми пятнами. Рядом находился раскосый санитар, нервно переступая с ноги на ногу.

– Откинулся, – сказал Шнурок и быстро прошел мимо санитара, осторожно – мимо носилок, стараясь не глядеть в их сторону. Какая-то тревога засела в груди Шнурка от этой грустной картины.

В локальном секторе своего отряда Шнурок постоял немного, подставляя ветерку свое худое серое лицо, от употребления крепкого чая приобретает коричневатый оттенок, а затем вошел в теплое жилое помещение. Отдал сапоги, получил за услугу две пачки «Примы». Думал старик, что отдаст сигареты знакомому повару, ибо сам не курил, а тот принесет ему что-нибудь повкуснее на обед. И предвкушение этого радостного события как-то отвлекло Шнурка от горькой картины, виденной на контрольной вахте.

Ночью Шнурка одолевали кошмары. То снилось ему, что лежит он в гробу, а знакомый ему майор, дежурный по колонии, укоряет: «Что же ты, Шнурок, срок свой не отсидел по законному приговору, в побег, значит, собрался».

Утром в локальном секторе, запахнув потуже телогрейку, в строю своей бригады, Шнурок, яростно жестикулируя длинными руками, убеждал какого-то хмурого осужденного, что явно завышена та цена за костюм установленного образца, который тот хотел поменять на чай. И если б были сторонние наблюдатели, то болели бы, конечно, за менялу.

Я жду тебя

Поезд стал замедлять свой ход, монотонный стук колес все убавлялся, будто заканчивали свой ход огромные часы. По столыпинскому вагону пронеслись команды конвойных, заставляющие «этапируемых» торопливо застегивать телогрейки, завязывать вещевые мешки, натягивать на уши зимние шапки-ушанки. С перрона донесся лай собаки. «Ну, кажется, доехал», – окончательно приходя в себя после тревожного то ли сна, то ли размышления с закрытыми глазами, подумал Санька. Его перевозили из одной колонии в другую, но самое главное – в ту область, где он родился. И уже оттого, что родные места будут рядом, на душе повеселело. Кто-то внизу, в «купе», чихнул. «Будь здоров!» – громко сказал Санька.

Началась высадка этапа. Конвойные – молодые солдаты – были сосредоточенны и внимательны. Зэки выскакивали из вагона, бежали, как оглашенные, к стоящему тут же, на перроне, «автозаку». И исчезали. Некогда даже было оглядеться бегущему человеку, подгоняемому

лаем собак и командами солдат. В «автозаке» Санька умудрился сесть поближе к двери – и он мог видеть кусочек воли, как экран другой жизни, через «тамбур», где тоже было окошко, пробегающие мимо улочки сонного городка.

За те годы, что он не видел той, другой, жизни, он похудел, глаза поблескивали усталым блеском, характерным для человека, забывшего, что такое покой. Постоянная борьба за выживание сделала его угрюмым, немногословным и внимательным к окружающим его людям, которые, как и он, были всегда готовы к неожиданностям. Превратности судеб, чем-то похожие, делали этих людей и близкими – ибо страдания сближали, и враждебными друг к другу – потому что в жестоком мире неволи все равно каждый был за себя.

... В оконце, за которым была воля, вдруг промелькнул забор, опутанный сверху колючей проволокой, и это виденье в сознании Саньки сразу же оборвало все другие мысли. Надо было приходиться в себя, впереди ждала обычная жизнь – колония.

Прибывшие с этапа зэки притихли. Каждый, видимо, сейчас представлял, каково будет на новом месте. Машина остановилась, «автозак» открыли. По одному зэки выходили из него. Строились в одну шеренгу.

... В этапной комнате сквознячок проникал сквозь старые, потрескавшиеся окна, и от этого на душе у Саньки было как-то муторно. То ли сказывалась усталость с дороги, то ли обычное оживление от перемен места жительства сменилось заботой – а как будет здесь? К тому же близость родного дома обострила воспоминания. Именно в родном городке, после армии, и начал он свою тюремную «карьеру». Решил всем доказать, видимо, что он сильный – и за девчонку всегда разберется. Разобрался – с ее подругами, избил их, заставил попросить прощения.

И тот темный переулочек, и плачущие девушки, и какая-то бабуля, пытающаяся успокоить его, пьяного и грозного, – эта не уходящая с годами картина сейчас заставляла себя стыдиться... Потом была «химия» – по Указу об амнистии его перевели работать на «стройки народного хозяйства» в ту область, откуда его сейчас привезли. Сказать, что там нельзя было выжить, было бы обманом. Спецкомендатура с нормальными комнатами и свободным передвижением до определенного часа намного лучше колонии, и снова, спяну, он избил случайных людей, сделавших ему замечание. И снова это были две женщины, помешавшие ему спокойно сидеть на ступеньках возле квартиры, где жила его знакомая. И эта повторяемость событий сейчас и забавляла

Саньку, и заставляла роковым считать всякое общение с женщинами в его жизни. Но ведь на свете было и другое. И была у него в юности любимая девушка. И сейчас они иногда писали друг другу. Перед отправлением на этап Санька написал Любе письмо, и сейчас оно было в вещевом мешке, как и письмо родным, – надо было проставить новый адрес и сразу же отправить письма.

...В окошко этапной комнаты осторожно, но настойчиво постучали. Молоденький худой зэк стрелой метнулся к окну. Услышав просьбу, громко сказал:

– Кто тут у нас Колесов?

Санька подошел к окну. Увидел приятеля, еще по воле, Колю Резаного. Его звали так за жестокий шрам через всю щеку. Рослый, с широкоскулым лицом, он стоял, как вкопанный, глядя на Колесова.

– Привет, землячок! Узнал, что ты приехал. Зашел. После отбоя шнырь дверь откроет, в отряд сходим. Земляки будут тебя ждать.

– Хорошо, – Санька, чуть подумав, быстро сказал: – Письма я написал. Брось в ящик, если не трудно.

– Передай шнырю. Сделаю.

Колесов подошел к двери и постучал. Дверь открылась. Высокий, худой, как жердь, осужденный, узнав о Санькиной просьбе от Резаного, взял два конверта у Колесова и закрыл дверь.

Саньке хотелось быстрее связаться с родными, а письма от Любы он всегда ждал с большим волнением, ибо это навевало ему мысли о том, что в жизни его еще будет немало хорошего.

После отбоя Колесов лежал на кровати с открытыми глазами, ожидая, когда его позовут к двери. И вот дверь открылась, и знакомый уже Саньке высокий, худой осужденный поманил его к себе пальцем. Колесов торопливо надел сапоги, телогрейку, шапку. И выскользнул из этапной комнаты. Был уже вечер. Морозный воздух заставил перевести дыхание. Коля ждал Саньку у локального сектора. Высокий, худой осужденный, следовавший за Колесовым как тень, открыл дверь локального сектора.

Санька поздоровался с Колей, и они пошли торопливо по колонии. Им удалось беспрепятственно прошмыгнуть мимо белеющего здания контрольной вахты. Потом кто-то из obsługi колонии, из эзков, открыл им дверь сектора, где находился центральный плац колонии. Они пересекли его. Снова щелкнула открываемая дверь, и они очутились в секторе, где жил Коля Резаный.

В «проходняке» между кроватями на двух стульях лежали на бумаге сало, консервы, хлеб. Принесли «чифир» в закопченном «чифирба-

ке». Стали «чифирить», сидя на постелях, передавали кружку с горячим крепко заваренным чаем друг другу, пили по два глотка и дальше передавали другому человеку. Это было как ритуал – два глотка.

Колесов, кроме Резаного, не знал никого. Но, как оказалось, все эти эзки были с ним земляки – из одного с ним городка. И воспоминания о нем, о каких-то общих знакомых быстро развязали языки. Говорили много и шумно. Тут возле «проходняка» началась какая-то приглушенная суета, на стулья поставили небольшую железную бадью – и в нос Саньки ударил запах браги.

Выпили понемногу, но в голове у Колесова начало приятно кружиться. Он как бы поддался общему взвинченному состоянию, и его мысли о доме отошли на второй план. Коля уже высказывал кому-то какую-то обиду.

Постепенно в «проходняке», где Резаный «банковал», становилось все шумнее...

Санька натренированным мозгом уже чувствовал приближающуюся опасность и потому попросил Резаного провести его в «этапку». Тот только отмахнулся было от него, занятый своими делами, но тут же все организовал. Пожилой зэк провел Колесова обратно в «этапку». Но заснуть Санька не успел. В этапной комнате включили свет. Сотрудники колонии – два прапорщика – подошли к кровати Колесова.

– Колесов, вставай, – скомандовал один из них.

– Так и есть, «бухой», – сказал быстро второй.

Вскоре Саньку вывели из этапной комнаты в локальный сектор, повели на контрольную вахту. Уже издали в свете, падающем из большого окна, за которым находилась комната дежурного по колонии, Колесов увидел Резаного, которого тоже два сотрудника колонии – офицер и прапорщик, – держа под руки, вели к контрольной вахте. Хлопнула за ними резко закрываемая дверь.

– Нажрались, свиньи! А завтра локти будете кусать! – громко сказал прапорщик, который стоял возле Саньки.

Они все остановились возле контрольной вахты. Колесов внимательно оглядывал территорию колонии. В этот поздний час, перегороженная на сектора, она напоминала ему зоопарк, а сам он был тут каким-то зверем, загнанным в угол.

– Ладно, пошли, – докурив сигарету, сказал прапорщик, стоящий возле Саньки.

Для него эти люди, сопровождающие его, были как бы без лиц. Он не ожидал от них ничего хорошего. И они следовали с ним как знак его беды – его жизни, в которой испытания шли одно за другим, без конца.

В штрафном изоляторе Колесова провели в длинный коридор. В комнате, набитой старой, пропахшей сыростью и потом одеждой, Саньку переодели.

В изоляторе Колесова поместили в маленькую камеру. Он прилег на открытые нары. Резкий скрежет ключа спугнул надвигающийся сон. Дверь открылась, и, поддерживаемый двумя контролерами, в камеру ввалился парень. Один рукав телогрейки у него был оторван и почти ввалился по полу. Рухнув прямо на пол, незнакомец сразу уснул.

Утром, глянув на Саньку, парень спросил:

– Виделись мы вчера, да. Тебя в отряд Резаный привел.

– Наверно, виделись, – согласился Колесов, хотя сам он этого человека не помнил.

– Мне хана, бригадира я вчера подрезал, – пояснил парень.

Вскоре его увели, и Санька остался один. И когда прошли, как один сплошной серый день, пятнадцать суток и Колесова вывели из изолятора, он не испытывал обычной радости. В этапной комнате, на тумбочке возле его кровати, лежали два письма. Первое было от матери. Успокаивающие слова, написанные крупным неровным почерком, приободрили Саньку. Потом он бережно открыл конверт, где было письмо от Любы.

«Все эти годы я жила без тебя. Думала, что мы расстались навсегда. Да, я устала ждать тебя. Я думала, что годы сотрут память о нашей любви. Я думала, что время сотрет твой голос, воспоминания о ласковых твоих руках... Но чем шире пропасть разлуки, тем сильнее моя память высвечивает те прекрасные мгновения нашей любви, которые нам подарила судьба. Я не хочу жить без тебя, будь со мной. Верь мне. Я жду тебя. Люба».

Колесов читал эти строки как замороженный. Калейдоскоп событий всей его жизни вдруг сосредоточился на этом листке бумаги из ученической тетрадки. И вся недавняя история, пьянка, Коля Резаный были как бы из другой жизни. А в его настоящей жизни были родные, любовь – он был нужен людям, которые верили в него.

Саньке, как никогда, хотелось сейчас жить! Он вышел в локальный сектор и, не замечая мороза, ходил один. Шло время прогулки – люди общались, делились новостями, но, в сущности, каждый из них был всегда один на один с собой, со своими проблемами и мечтами.

Тюремные и лагерные выражения

Автозак – тюремная машина.

Братва – слово, объединяющее людей одинаковых взглядов.

Бузить – буяннить.

Больничка – больница на территории исправительно-трудового учреждения.

Банковать – пользоваться авторитетом.

Ва-банк – играть с большим риском.

Влипнуть – попасть под следствие.

Десантура – служба в воздушно-десантных войсках.

Запретка – система ограждений территории колонии, тюрьмы.

Затянуть деньги – доставить нелегально в колонию.

Закоцанный в наручники – человек с наручниками на руках.

Косорезить – поступать плохо.

Кормушка – открываемое на двери камеры отверстие.

Маклевать – менять.

Мехрин-лаг – одно из управлений исполнения наказаний.

Милюстиновый костюм – черный костюм с отливом установленно-го образца.

Малолетка – колония для несовершеннолетних преступников.

Надыбать – найти.

Проходняк – место между двумя двухъярусными кроватями.

Поиграть по-крупному – игра на крупные ставки.

Передача – продукты питания и предметы обихода, положенные осужденным.

Побегушник – человек, совершивший побег.

Пустить под дубинал – подвергнуть избиению.

Рабочка – место работы осужденных.

Расконвойник – осужденный, работающий за территорией колонии.

Режимник – сотрудник одной из частей.

Столыпинский вагон – спецвагон для перевозки арестованных.

Сифиличка – большая сифилисом.

Трешку дали – приговор, колония, три года.

Узколейка – железнодорожное полотно.

Фикса – одетая на зуб коронка.

Химия – стройки народного хозяйства.

Хата – камера.

Чисовская одежда – ЧИС, специальная часть, ведающая одеждой установленного образца.

Чифир – очень крепко заваренный чай.

Чифирбак – кружка для заваривания чифира.

Этапируемые – находящиеся в спецвагоне.

Этапка – комната, где находятся прибывшие с этапа.

Тюрьмы мира

1. Возраст заключенных

	Средний возраст	Заключенные, не достигшие возраста 18 лет		Заключенные молодежного возраста (18–21 год)	
		Количество	%	Количество	%
Австрия	* ¹	196	2,2	700	8,0
Азербайджан	*	111	0,6	*	
Англия и Уэльс	30	2440	3,1	8738	11,2
Армения	35	33	0,6	*	
Бельгия	33	33	0,3	480	4,8
Болгария	35,7	78	0,6	865	7,1
Венгрия	34,8	487	3,1	1155	7,4
Германия	33,1	1422	1,8	4951	6,3
Греция			*		
Грузия	*	244	1,8	*	
Дания	31	13	0,3	311	8,3
Испания	*	*	1462	2,3	
Италия	36	*	1105	2,9	
Нидерланды	33	38	0,2	1224	6,0
Норвегия	*	10	0,3	153	4,8
Польша			*		
Португалия	35	143	1,1	364	2,9
Россия	*	15786	1,8	*	
Румыния	32,5	845	2,4	2801	7,8
Турция	30	2060	3,0	5305	7,8
Украина	*	3001	1,8	7428	4,5
Финляндия	34	4	0,1	90	2,4
Франция	32,5	646	1,1	4322	7,5
Чехия	34,5	128	0,7	*	
Швейцария	*	52	0,9	*	
Швеция	35	14	0,2	206	2,9
Шотландия	30	225	3,1	796	11,1
Эстония	30,2	89	2,1	361	8,4

Источник: Statistique penale du Conseil de l'Europe. Space I. Strasbourg, 23 January 2008;
 pc-cr\space\documents\pc-cr (2007) 09 rev3-f

Подготовил Юрий Александров

Приводятся данные по некоторым странам Совета Европы по состоянию на 1 сентября 2006 года.

¹ * – нет данных.

2. Распределение осужденных по составам преступления

	Убийство (или поку- шение)	Умышлен- ное нанесе- ние тяжких телесных повреждений	Изнаси- лование	Кража, сопряжен- ная с насилием	Другие виды краж	Преступле- ния, свя- занные с наркоти- ками	Остальные составы преступ- лений
Австрия	*						
Азербайджан	4,3	4,3	1,6	5,7	10,1	24,9	49,0
Англия и Уэльс	9,9	1,6	5,8	13,3	18,8	16,8	33,8
Армения	нет данных						
Бельгия	5,0	11,1	5,3	16,3	17,6	14,3	30,3
Болгария	10,5	2,4	6,4	15,9	52,0	5,6	7,1
Венгрия	*						
Германия	7,1	11,0	7,7	12,7	21,6	14,9	25,0
Греция	*						
Грузия	4,8	1,1	0,5	7,4	37,6	3,8	44,7
Дания	6,0	27,3	2,3	12,0	14,8	23,9	13,1
Испания	5,8	4,2	5,9	45,6	27,4	11,1	
Италия	31,8	*	7,2	6,8	3,2	29,4	22,0
Нидерланды	13,8	6,9	2,9	13,6	14,2	18,9	29,7
Норвегия	6,7	10,5	4,9	5,0	11,6	29,1	32,2
Польша	6,8	*	2,6	19,2	41,4	*	30,0
Португалия	12,7	2,1	2,1	13,8	15,6	27,3	26,3
Россия	17,3	14,6	3,3	11,9	24,2	9,3	19,5
Румыния	21,6	0,2	5,8	19,4	35,4	3,3	14,2
Турция	26,0	5,0	5,8	15,4	10,2	5,5	32,1
Украина	14,9	7,8	2,2	10,5	31,1	14,7	18,7
Финляндия	19,2	20,0	3,2	6,7	19,2	15,2	16,5
Франция	8,9	19,6	20,7	9,9	7,2	13,9	19,7
Чехия	0,9	21,7	3,0	9,7	24,3	8,0	32,4
Швейцария	*						
Швеция	9,1	11,1	5,2	9,2	7,3	23,9	34,3
Шотландия	13,9	16,3	3,4	7,1	10,8	14,4	34,1
Эстония	22,5	*	3,1	18,2	28,0	9,6	18,6

3. Общие сведения

	Численность заключенных на 100 тыс. населения	Число заключенных, приходящих на 100 мест в пенитенциарных учреждениях	Кол-во заключенных, не достигших возраста 18 лет (в % от общего числа заключенных)	Кол-во заключенных женщин, включая подсудимых (в % от общего числа заключенных)	Кол-во заключенных иностранцев, включая подсудимых (в % от общего числа заключенных)	Кол-во смертельных случаев среди заключенных, из них – суицидов (через дробь) ¹
Австрия	105,4	103,4	2,2	5,1	42,9	36/6
Азербайджан	211,9	79,3	0,6	1,9	3,4	148/5
Англия и Уэльс	145,1	96,7	3,1	5,8	14,0	174/78
Армения	188,8	140,0	0,6	1,6	0,8	19/3
Бельгия	95,6	117,9	0,3	4,4	41,6	33/11
Болгария	158,8	115,6	0,6	3,6	1,9	51/1
Венгрия	155,0	137,0	3,1	6,7	3,7	46/4
Германия	95,8	98,7	1,8	5,1	26,9	160/81
Греция	90,9	168,0	*	5,7	58,4	*/6
Грузия	302,7	117,7	1,8	4,2	1,4	49/5
Дания	69,2	91,6	0,3	4,5	18,9	14/8
Испания	146,1	140,0	*	7,8	31,2	275/41
Италия	65,2	88,6	*	4,7	32,3	172/57
Нидерланды	124,9	93,0	0,2	6,4	32,7	39/20
Норвегия	67,8	95,0	0,3	5,4	18,2	7/5
Польша	229,9	117,3	*	3,0	0,7	122/32
Португалия	119,4	104,3	1,1	7,0	20,2	93/9
Россия	608,6	91,2	1,8	6,9	2,8	4131/*
Румыния	166,8	94,6	2,4	4,6	0,7	110/8
Турция	91,7	92,4	3,0	3,4	1,7	52/30
Украина	355,3	103,4	1,8	6,1	1,6	868/16
Финляндия	70,6	105,5	0,1	6,6	8,1	7/4
Франция	91,6	114,8	1,1	3,7	19,8	249/122
Чехия	185,6	99,9	0,7	4,6	7,3	18/6
Швейцария	79,0	87,3	0,9	5,7	69,0	11/6
Швеция	79,0	106,2	0,2	4,1	21,4	25/7
Шотландия	140,6	112,5	3,1	5,0	1,8	19/10
Эстония	321,6	96,4	2,1	4,8	40,4	9/1

¹ По состоянию на 31.12.2005.

4. Побег из тюрем с помощью вертолета

Дата	Страна	Удачно (+) или неудачно (-)
19.08.71	Мексика	+
31.10.73	Ирландия	+
Январь, 1983	Австралия	-
26.05.86	Франция	+
5.11.86	США	+
10.12.87	Великобритания	+
17.04.89	США	-
19.08.89	США	+
1991	США	+
1992	Франция	+
18.09.97	Нидерланды	-
25.03.99	Австралия	+
5.06.00	США	+
2000	Франция	+
2001	Франция	+
24.03.01	Франция	+
28.05.01	Франция	-
17.01.02	Бразилия	+
30.12.02	США	+
2003	Франция	+
Июль, 2005	Франция	-
10.12.05	Франция	+
6.06.06	Греция	+
15.04.07	Бельгия	+
15.07.07	Франция	+
28.10.07	Бельгия	+
22.02.09	Греция	+
27.04.09	Франция	+
23.07.09	Бельгия	+

Английская Википедия

Всевластие слова

Когда мы получали аттестаты за 9-й класс, классный руководитель поздравила нас с «первой в жизни корочкой» и с грустью прибавила: «сколько их еще будет». Второе, естественно, оправдалось – у каждого из нас дома есть заветная коробка (папка, комодик, сундучок), полная эти пресловутых «корочек», «бумажек», etc. Но вот первое утверждение вряд ли истинно. Можно ли считать аттестат за девятый класс первой «корочкой», первым документом, дающим право как-то поновому прокладывать траекторию своей жизни, ведь к этому моменту каждому из нас приходилось получать куда более значимые в его судьбе «бумажки». Это и медицинские карты, удостоверяющие, что человек принадлежит к миру здоровых и не обязан состоять на учете в пятистах диспансерах, и справки от кучи разного рода специалистов для того, чтобы попасть в детский сад, а следовательно, получить шанс на необходимую в дальнейшем социализацию, и характеристика перед школой, дающая право учиться в обычном классе, а не в классе коррекции или, того хуже, в лесной школе. И зависят эти корочки (в отличие от пресловутого аттестата) исключительно от доброжелательности некоего должностного лица, от его умения формулировать и, наконец, от его настроения в тот момент, когда тебе «посчастливилось» появиться в его кабинете. Под влиянием всех этих факторов «небольшие дефекты дикции» у ребенка могут превратиться в «недоразвитую речь», «подвижность» в «неуправляемую моторную активность», «необычные увлечения» в «странное времяпрепровождение» и т. п.

Таким образом, в руках того, кто властен писать формулировки, сосредотачивается если не абсолютная, то достаточно весомая власть над будущим человека. Причем мы сталкиваемся с этим начиная с возраста месячной яйцеклетки, когда врачи в женских консультациях – благожелательно или нет – описывают нашу наследственность и по-

ведение наших матерей, причем даже сухость казенного медицинского языка не спасает от оценочных формулировок. Чего стоит один термин «старородящая»! Означает он всего лишь то, что женщина рождает первого ребенка позже двадцати пяти лет, но назвать этот термин не-оценочным никак нельзя. В детской поликлинике, в яслях, в детском саду нас опутывает сеть формулировок. Но в этом нежном возрасте мы еще не понимаем силы слова и не видим дамоклова меча, повисшего над нашей головой.

Впервые мы замечаем эту опасность, пожалуй, в школе. Те, кто, подобно мне, родился и вступил в свою первую alma mater в СССР, помнит, как важна была эта самая пресловутая характеристика уже в первом классе перед получением знака первой инициации – октябрятской звездочки. Не то чтобы характеристика играла большую роль: гребли в общем-то всех, кроме априорных изгоев: детей деклассированных элементов и «врагов народа». Но характеристики тем не менее составлялись. И не просто составлялись – детям семи-шести лет давался первый опыт знакомства со «всевластием слова»¹.

По моим воспоминаниям (а также по воспоминаниям довольно большой референтной группы), происходило это так: каждый кандидат в октябрята выходил к доске, любой желающий из одноклассников поднимал руку и давал свою характеристику. При этом ребенок мог получить характеристики прямо друг другу противоречащие. Например, характеризуют некоего Ваню. Зинка Петрова, симпатизирующая ему за курносый нос и за то, что машинку дал поиграть, может охарактеризовать его как очень чистоплотного и аккуратного. А Васька Иванов, наоборот, недолюбливающий нашего Ваню за то, что пишет аккуратно и вообще не с нашей улицы, может охарактеризовать его как нечестного, сославшись на опрокинутый в столовой стакан и испачканные мелом штаны.

Не то чтобы эти мнения что-то значили, но это урок, показывающий, насколько чужой взгляд, добрый или не очень, может оказаться важным

¹ Замечу, что эта практика – предшественница товарищеских судов, так популярных в пионерской организации, весьма напоминает психологический тренинг «горячий стул». Во время него человека сажают в центр круга, и каждый из участников тренинга говорит ему, что в нем нравится (или не нравится, или какое-то пожелание, или еще что-то, что тренер сочтет полезным и важным в данный момент, – вариантов множество). Многие специалисты на настоящий момент считают эту практику опасной и недопустимой, особенно «горячий стул» с оценочными высказываниями, так она может привести к катастрофическим последствиям для самооценки и самоидентификации участников. При этом речь идет о взрослых людях, пришедших на тренинг добровольно, имеющих поддержку ведущего-психолога, а не о первоклашках.

в твоей судьбе. Классу к пятому–седьмому понимаешь, что на одноклассников как раз можно не обращать внимания, но зато абсолютно невозможно игнорировать директора, завуча и классного руководителя.

В советские времена был страх – и различные выговоры с занесением и без, и возможность, что не примут в пионеры, потом в комсомол, а значит, прощай, карьера, и пресловутые «волчьи билеты» – характеристика, с которой не то, что в институт, в заборостроительный техникум не возьмут. Была возможность не дать человеку нормально продолжать обучение, просто не допустив его в старшую школу.

Сейчас, по крайней мере, в Москве и Петербурге этой проблемы нет. Школ достаточно и платных, и бесплатных. Проблему можно решать и связями, и деньгами, и даже вовсе без оных, но по сути ничего не изменилось. Страха больше нет, но любой гражданин остается во власти формулировки, выдуманной властью предержащим. Причем, зачастую «власть предержащим» оказывается малограмотный секретарь, методист или другой «труженик бумаги» младшего звена.

К примеру, характеристика «по месту жительства» дается в ДЭЗе. Что же про каждого из нас знает наш ДЭЗ? Например, то, что в нашей квартире проживает кто-то «не по прописке» (то, что это может быть супруг, брат, сват, во внимание не принимается); то, что мы два раза протекали на соседей; то, что в прошлом году у нас отрубилась электроэнергия и мы звонили в этот самый ДЭЗ, изволив интересоваться причинами ЧП на повышенных тонах; и... да в общем-то и все. А теперь представьте себе, что вам при этих параметрах необходима характеристика в суд. Предлагаю три варианта в зависимости от настроения работника (или, что чаще, работницы) ДЭЗа:

1) У работницы ДЭЗа прекрасный день, с утра ей поклонник подарил фиалку с соседней клумбы, и вообще вы с ней собачек вместе гуляете: «Имярек, проживающий по такому-то адресу, является добросовестным квартирновладельцем, регулярно и своевременно вносит коммунальные платежи. Соблюдает общественный порядок. Проживает с родителями и гражданской женой. Любит животных, легко находит общий язык с соседями, участвует в общественных мероприятиях по обустройству территории».

2) Работнице ДЭЗа не важна ваша судьба, ей бы поскорее отписаться: «Имярек, проживающий по такому-то адресу, своевременно вносит коммунальные платежи. В конфликтах и нарушениях правопорядка не замечен. Проживает с семьей».

3) Работнице ДЭЗа с утра наступили на ногу, вчера лишили премии, а неделю назад вы оскорбили ее, пожаловавшись на нетрезвого сан-

техника: «Имярек, проживающий по такому-то адресу, поселил у себя сожительницу, не прописанную по данному адресу. Проживает с ней и с престарелыми родителями. Нарушает общественный порядок: выгуливает собаку в ночное время, мешая лаем соседям, регулярно заливает граждан, проживающих этажом ниже, вступает в конфликты с соседями. Склонен устраивать скандалы. Неоднократно немотивированно оскорблял работников коммунальных служб».

Чувствуете разницу?

И хорошо если характеристика вам нужна по нейтральному поводу. Можно привести пример, как такая «игра в слова» привела к настоящей трагедии – «Новгородское дело». 19 апреля 2007 года Новгородским городским судом по ходатайству следователя было вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Следователь обосновывал ходатайство тем, что Федорова «обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, *нигде не работает, постоянно находится в контакте и проживает совместно со своей малолетней дочерью и может вновь совершить насильственные действия в отношении своего ребенка*. Кроме того, тяжесть предъявленного обвинения может свидетельствовать о том, что обвиняемая скроется от органов следствия и суда и таким образом воспрепятствует производству по делу» То, что девушка не работает, как раз чтобы «постоянно находиться в контакте с малолетней дочерью», следователь Колодкин во внимание как-то не принял. Суд в своем решении основывался лишь на тяжести предъявленного обвинения; никаких конкретных обстоятельств, дающих основания опасаться, что Антонина может скрыться от следствия либо совершить насильственные действия в отношении своей дочери, следователем представлено не было.

После принятия постановления суда Антонина была отправлена в следственный изолятор.

Чем беззащитнее человек, тем более роковую роль может сыграть с ним недоброе бюрократическое слово. Самые незащищенные в этом смысле (впрочем, как и во всех остальных смыслах) категории – это люди, находящиеся в дисциплинарных заведениях²: пенитенциарных учреждениях, армии, школах и особенно в детдомах. В последнем слу-

² Тут термин «дисциплинарные» употреблен в том значении, в котором его вводит Мишель Фуко в своей работе «Надзирать и наказывать».

чае особенно, потому как даже шанса нет опровергнуть жесткие несправедливые формулировки, – жертва обыкновенно не видит документа, ставшего причиной ее несчастья, а даже если вдруг увидит, еще не умеет (да и не имеет права) написать встречную кляузу. С высокой концентрацией этого явления я столкнулась в одном из детдомов, расположенном в далеком Подмосковье. Когда кто-то из воспитанников своим поведением окончательно утомляет педагогов (а судя по всему, у этих господ хроническая усталость от своих подопечных), они пишут характеристику, с которой ребенка отправляют в психиатрическую клинику³. Тут момент тонкий – особенность современной психиатрии в том, что любое абсолютно нормальное проявление человеческого бытия можно описать в терминах, позволяющих врачам не лукавя ставить тот или иной диагноз.

Прекрасный пример Егор Летов. В 80-х он насильственно был отправлен в психиатрический стационар. Всеми это было воспринято как гонения на андеграундного музыканта, человека, пошедшего против системы. Сам он описывал это так: *«Пока не началась перестройка, я лежал в психушке на „усиленном обеспечении“. Там меня сразу стали накалывать сверхсильными дозами нейролептиков. После особенно страшной дозы я даже временно ослеп. Я впервые столкнулся со смертью и с тем, что куда хуже смерти.*

Это лечение нейролептиками везде одинаково – что у нас, что в Америке. Все начинается с “неусидчивости”. После введения чрезмерной дозы лекарств типа галоперидола человеку приходится мобилизовать все силы, чтобы контролировать собственное тело. <...> Эти препараты делают из человека дебила. Эффект – как от лоботомии. Ты становишься мягким, покладистым и сломанным на всю жизнь. Как в романе «Пролетая над гнездом кукушки».

В один прекрасный день я понял: либо сейчас сойду с ума, сломаюсь, либо мне надо бежать. Например, когда выносят бачки с мусором. Но бежать только для того, чтобы добраться до девятиэтажки, которая стояла напротив, и броситься оттуда вниз. В основном так поступали пациентки из женского отделения. Они повторяли этот суицидальный маршрут почти ежедневно: ускользали из отделения, до-

³ Что происходит с этими детьми дальше – оставим за кадром. Вариантов не так уж и мало: от растерянности медиков, которым прислали толпу здоровых, но невоспитанных и весьма девиантных детишек, с которыми теперь не понятно что делать, до преступлений, которые связаны уже вовсе не с формулировками, а с беспрецедентной человеческой жестокостью.

бегали до девятиэтажки и бросались. Дальше убежать было невозможно. Сибирь, Омск, морозы страшные.

Когда я до конца понял, что смерть рядом, это и дало мне силы. Во мне произошло как бы расслоение: я увидел свое тело со стороны. Тело болело и рвалось на части. А само мое „Я“ было светящейся спокойной точкой, которая находится где-то рядом с телом, но не очень-то с ним и связано. Тело можно искалечить и уничтожить, но сам „Я“ все равно останусь.

И вот после этого я начал писать новые песни.

Совсем другие».

Чтобы было понятно, по каким признакам Летова упекли в психиатрический стационар, привожу выдержку из МКБ⁴-10 (хотя в те годы действовал еще МКБ-9, разница не велика) о симптомах шизофрении: «Хотя четких патогномичных симптомов нет, для практических целей целесообразно разделить вышеуказанные симптомы на группы, которые являются важными для диагностики и часто сочетаются, такие как:

г) стойкие бредовые идеи другого рода, **которые неадекватны для данной социальной культуры и совершенно невозможны по содержанию**, такие, как идентификация себя с религиозными или политическими фигурами, заявления о сверхчеловеческих способностях (например, о возможности управлять погодой или об общении с инопланетянами);

д) постоянные галлюцинации любой сферы, которые сопровождаются нестойкими или не полностью **сформированными бредовыми идеями без четкого эмоционального содержания**, или постоянные **сверхценные идеи, которые могут появляться ежедневно в течение недель или даже месяцев;**

е) прерывание мыслительных процессов или вмешивающиеся мысли, которые могут привести к разорванности или **несообразности в речи; или неологизмы;**

...

з) „негативные“ симптомы, такие как выраженная апатия, бедность речи, сглаженность или неадекватность эмоциональных реакций, что обычно приводит к **социальной отгороженности и снижению социальной продуктивности;** должно быть очевидным, что эти признаки не обусловлены депрессией или нейрорепитической терапией;

и) **значительное и последовательное качественное изменение поведения, что проявляется утратой интересов, нецеленаправленностью, бездеятельностью, самопоглощенностью и социальной аутизацией».**

Полагаю, врачи, ознакомившись с авангардным творчеством Егора Летова, с его идеями, казавшимися совершенно невозможными на тот момент, абсолютно искренне считали его больным и нуждающимся в помощи, а вовсе не стремились притеснять неформала. Но ужас в том, что под эти формулировки симптомов подходит любой человек, не признающий систему, отказывающийся от социализации по общепринятому пути⁵, с достаточно оригинальным мышлением и развитой фантазией.

Подводя итоги, можно сказать, что мы очередной раз нашли ответ на вопрос «кто виноват?», – бюрократы конечно же, злобные бюрократы, наследие нашего предыдущего государства, они, конечно, всегда и во всем виноваты. Но вот как быть с вопросом «что делать»? Отменить характеристики? Я думаю, не надо объяснять, почему это невозможно. Ввести стандартные термины? Их в любом случае не удастся сделать безоценочными. Например, на данный момент термин «сожитель» является юридически более приемлемым, чем «гражданский супруг», но в восприятии современного человека (включая судей и присяжных) он негативно окрашен, так же как термины «отчим» и «мачеха». С последними в современной ситуации совсем тяжело, так как повторные браки стали распространены повсеместно, и ребенка часто воспитывает не родной отец, а как раз отчим. При этом отношения могут быть самыми близкими и теплыми, а вот «паспортного» папашу человек может даже и не помнить в лицо, но фраза «воспитывался отчимом» звучит как своеобразный приговор. Существует стереотип, что отчим или предполагаемый отчим может относиться к приемному ребенку только как к помехе. Так в уже упомянутом «Новгородском деле». 20 декабря 2007 Мартыновой было предъявлено следующее обвинение: «Мартынова безразлично относилась к своей дочери, придавая ее жизни и здоровью меньшее значение, чем своему личному благополучию и своим дальнейшим планам, полагая, что наличие ма-

⁵ А в любом тоталитарном обществе это не просто общий план стратегии построения социальной траектории, а всего несколько четко расписанных последовательных действий.

лолетнего ребенка может стать препятствием для устройства ее личной жизни, учитывая, что она находится в разводе с отцом Алисы и с ним не проживает, желая вызвать чувство жалости со стороны своего *сожителя*, Мартынова К. К., приняла решение избавиться от дочери путем убийства⁶. То, что вышеупомянутый Кирилл Мартынов к моменту написания этой бумаги был уже не сожитель, а муж, нежнейшим образом относится к своей приемной дочери, ведет непрерывную борьбу за благополучие своей семьи и в результате этой борьбы сам оказался под следствием⁷, во внимание не принимается. Так же, как во время суда не были приняты во внимание (то есть даже рассмотрены как «не имеющие отношения к делу») результаты независимых психологических экспертиз, зато выступила психолог от прокуратуры с уникальным в своей адекватности и научности экспертным заявлением о том, что «маленькие дети просто так по лестницам не лазают». Результат, вердикт присяжных: «Виновна, не заслуживает нисхождения». На настоящий момент Антонина в бегах *вместе с ребенком*, а шансы на благополучный законный исход этого дела стремятся к нулю.

Характеристики с вольными формулировками встречаются и озадачивают людей не только у нас, но и в гораздо более правовых странах. Из воспоминаний человека, работавшего в Германии: *«В характеристике с уже бывшего места работы (собственно, с аахенской кафедры) среди прочих многочисленных весьма хвалебных словес написана фраза, ввергшая меня в недоумение. "Даже в стрессовых ситуациях, когда дела шли не так, как задумывалось, ему удалось переопределить задачу и найти способ решения". Теперь о том, что меня смутило. Дело в том, что на Западе принято писать положительные характеристики. Вообще. Все это делают и все об этом знают. То есть, если написано, что "в ряде случаев ему не удавалось справиться с работой в полной мере", – это означает, что человека*

⁶ <http://www.flickr.com/photos/26129360@N04/sets/72157604789134688>

⁷ 22 февраля 2008 г. следователь Фомичев по рапорту Д. Пальчук, следователя по делу Антонины Мартыновой (Федоровой), возбудил уголовное дело против Кирилла Мартынова по ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования»: «...умышленно, с целью формирования негативного общественного мнения относительно методов ведения следствия и доказательств обвинения... находясь в неустановленном месте на территории Российской Федерации... публично разгласил данные предварительного расследования... распространив сведения о содержании показаний свидетелей, постановлений о привлечении в качестве обвиняемой...»

уволители за профнепригодность, а если написано "он сделал все возможное для решения задачи" – это значит, что он с ней не справился. Конечно, не так радикально, но вот эту поправку делают все и всегда. В свете этого вышеприведенный пассаж вызывает недоумение – то ли я настолько крут, что справился со сложными обстоятельствами, то ли такой дурак, что довел дело до больших проблем, а потом героически их преодолевал».

То есть мы видим все ту же историю – написано одно, читаем другое, причем вместо тезауруса существует некое кривое зеркало, правила искажения которого не выражены эксплицитно. И тут напрашивается вывод, что, пока мы не создадим единый словарь, состоящий из эмоционально не окрашенных терминов и все характеристики не начнут писаться только по строго оговоренным правилам, не позволяющим слову стать всевластным оружием в руках бюрократов, мы все остаемся их подданными, зависящими от предрассудков, личностного отношения к нам и сиюминутного настроения мини-монархов с печатями.

**Состояние преступности в России
в I полугодии 2009 года
(по данным Генпрокуратуры, МВД,
Минюста, Верховного суда)**

	<i>I полугодие 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к I полугодию 2008 г.</i>
Зарегистрировано преступлений	1574,6	92,9
в том числе:		
особо тяжкие	69,6	103,6
тяжкие	371,3	93,4
средней тяжести	564,5	90,8
небольшой тяжести	569,2	93,6
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным состовам преступлений:		
убийство и покушение на убийство	9,6	89,2
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	22,5	96,8
изнасилование и покушение на изнасилование	2,5	81,9
разбой	16,0	88,0
грабеж	107,3	85,9
кража	570,9	84,8
в том числе из квартир	75,9	86,5
вымогательство	4,9	81,3
присвоение или растрата	47,3	100,4
мошенничество	109,1	95,9
хулиганство	5,0	67,3
взяточничество	9,1	106,4
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	21,2	95,0

В I полугодии 2009 года зарегистрировано 915,3 тыс. преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, что на 7,5% ниже уровня соответствующего периода 2008 года. Их удельный вес составил 58,1% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Зарегистрировано: 146 фактов бандитизма (в I полугодии 2008 года – 199), 340 фактов похищения человека (381), а также 5,0 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (6,0 тыс.), и 4,4 тыс. фактов нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (5,8 тыс.).

Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения в I полугодии 2009 года составило 1110 против 1193 в I полугодии 2008 года (снижение на 7,0%). Максимальное значение этого показателя зафиксировано в Хабаровском крае (1715), Республике Бурятия (1703), Республике Алтай (1652), Пермском крае (1623).

В июне 2009 года зарегистрировано 295,6 тыс. преступлений, что на 0,6% ниже уровня июня 2008 года и на 9,6% выше уровня мая 2009 года. Тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано 82,5 тыс. (на 1,2% выше уровня июня 2008 года и на 12,0% выше уровня мая 2009 года).

По сравнению с июнем 2008 года произошло уменьшение числа убийств и покушений на убийство (на 5,8%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (на 2,1%), изнасилований и покушений на изнасилование (на 8,7%), разбоев (на 5,3%), грабежей (на 8,6%), краж (на 2,8%), хулиганств (на 27,1%). Увеличилось число фактов присвоения или растраты (на 12,3%), преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (на 5,0%), выявленных фактов взяточничества (на 22,5%).

Из общего числа преступлений, зарегистрированных в I полугодии 2009 года, 440,8 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким, что на 5,1% меньше аналогичного периода предыдущего года. На долю подобных преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений приходилось 28,0%. Среди раскрытых преступлений удельный вес тяжких и особо тяжких составил 27,3%. Их раскрываемость повысилась до 60,2% против 58,2% в I полугодии 2008 года.

В I полугодии 2009 года было зарегистрировано 168,4 тыс. преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупных и особо крупных размерах, что на 1,1% больше, чем в соответствующую

щем периоде предыдущего года. Их раскрываемость составила 65,0% против 63,5% в I полугодии 2008 года.

Значительно возросло число преступлений, **связанных с незаконным оборотом наркотиков**, выявленных правоохранительными органами в I полугодии 2009 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

	<i>I полугодие 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к I полугодию 2008 г.</i>
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ	126,7	103,7
из них тяжкие и особо тяжкие	88,5	105,1
из общего числа преступлений совершены:		
в крупных размерах	54,9	109,5
в особо крупных размерах	29,7	113,8
из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде, совершены:		
группой лиц по предварительному сговору	5,6	118,5
организованной группой либо преступным сообществом	5,4	116,9

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 91,4% составляли факты незаконного производства, сбыта, пересылки, приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки, а также нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В I полугодии 2009 года из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела о которых окончены расследованием, 8,1 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения, что на 19,5% больше, чем в соответствующем периоде предыдущего года.

Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 8,3% и составило 112,1 тысячи.

В I полугодии 2009 года было зарегистрировано 20,6 тыс. преступлений, связанных с **незаконным оборотом оружия**, что на 11,3% больше, чем в I полугодии 2008 года. Зарегистрировано 876 случаев хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (увеличение на 10,2%). Раскрываемость этих преступлений в I полугодии 2009 года составила 59,4% против 61,4% в аналогичном периоде предыдущего года. С применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 4,7 тыс. преступлений, из них 2,2 тыс. преступлений совершено с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Раскрываемость последних составила 70,4% против 69,0% в I полугодии 2008 года.

В I полугодии 2009 года **в общественных местах** зарегистрировано 296,1 тыс. преступлений (на 2,1% меньше, чем за соответствующий период предыдущего года). На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 171,0 тыс. преступлений (уменьшение на 3,7%), из них 54,0 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким (снижение на 11,5%). Из числа преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, увеличилось число краж на 6,4%, в том числе краж транспортных средств – на 0,8%, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – на 17,1%. Уменьшилось число убийств и покушений на убийство на 16,0%, случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 9,2%, изнасилований и покушений на изнасилование – на 5,4%, разбойных нападений – на 21,5%, грабежей – на 17,2%, хулиганств – на 35,6%. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 40,6% всех зарегистрированных грабежей, 34,4% – краж транспортных средств, 32,7% – хулиганств, 29,1% – разбойных нападений.

Число зарегистрированных в I полугодии 2009 года **экологических преступлений** составило 25,7 тыс. (на 8,0% больше, чем в I полугодии 2008 года).

Число выявленных **лиц, совершивших преступления**, в I полугодии 2009 года снизилось на 2,8% по сравнению с аналогичным периодом 2008 года.

Число лиц, совершивших преступления

	<i>I полугодие 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к I полугодю 2008 г.</i>
Выявлено лиц, совершивших преступления	650,4	97,2
из них:		
женщины	105,8	96,0
несовершеннолетние	45,3	76,9
не имеющие постоянного источника дохода	412,8	102,6
из них безработные	30,3	82,3
ранее совершавшие преступления	203,2	102,5
из них ранее судимые	151,3	95,7

В I полугодии 2009 года число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 6,2 тыс. человек, что на 7,6% меньше, чем в соответствующем периоде предыдущего года. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 4,3 тыс. человек (уменьшение на 26,6%).

Шла демонстрация, посвященная Дню Победы.

Полковник Зотов отер лицо рукой – стояла жара. Мутные капли пота упали ему на грудь, где висели знаки отличия за безупречную службу. В сорок пять лет Андрей Анатольевич стал солидным мужчиной.

– Добрым, – поправлял он окружающих, когда ему неосторожно давали понять, что вырос он из размеров парадного кителя. Борта сходились с трудом, угрожающе шевелился живот, нижние пуговицы держались на честном слове.

– Того и гляди оторвутся во время марша...

Более широкого размера военной одежды промышленность не выпускала. Андрей Анатольевич расстегнул тяжелый китель, но рубашка тоже трещала по швам. С избыточным весом уже не «гарцуют на празднике», а пьют лекарство от гипертонии. Такой саркастический «диагноз» ему поставил терапевт во время последней медицинской комиссии. Впрочем, до инсульта иной воитель нужен Отчизне, если он на административном посту. Более двадцати лет жизни Зотов отдал решению теоремы: «Как перевоспитать преступника без применения физической силы и специальных средств». Кое-какие подвиги были. Зона, в которой он верховодил, имела лучшие показатели в управлении во всем, несмотря на финансовый кризис.

Зотов оглянулся на подчиненных ему офицеров. Они стояли в строю, как и он, – нараспашку, растаявшие от солнца. У многих светился живот. Рядом с ними он выглядел вполне опрятно.

Долгие годы зона была единственным военным подразделением в городе. Ее солдаты слыли любимцами детворы, мечтавшей о воинской службе. По праздникам офицеры внутренних войск надевали парадную форму и маршировали, отдавая честь ветеранам войны и труда.

Андрей Анатольевич не единожды хаживал во главе колонны солдат под звуки военных маршей.

В этом году парадом командовал другой офицер. Недавно на окраине города появилась войсковая часть, в которой проходили службу воины-пограничники. После развала Советского Союза демаркационная линия располосовала Россию и Казахстан, как сабельный след. И хотя народы этих стран жили в мире, табачок курили врозь. С Востока везли наркотики в обмен на богатства Запада, на «черные» деньги, не контролируемые властями. Обстановка была тяжелой. Время от времени «свежие» пограничники вставляли палки в колеса перевозчикам конопли и героина. Их молодые офицеры еще не успели окабачить, не брали взятки. Сегодня они торжественно чеканили шаг по главной улице города.

Смена ведущих ролей на параде не тронула самолюбия Зотова. Поджарые пограничники были лучше подкованы, нежели рота исполнения наказаний. Но грызла досада.

– Вот это армия!.. – шептались гражданские лица.

– А это – свиньи... – кивали чубами в сторону подопечных Андрея, когда на аллею воинской славы выкатились располневшие мужики. Нестройно, вразвалку, не по ранжиру, как из-под палки, не в ногу, они продвигались к месту возложения венков, чтобы салютовать из автоматического оружия павшим героям. Стоявший сегодня среди народа, Зотов потупился.

– Работать не хотят, душегубы... – звучало отовсюду.

Каждый из его стрелков весил не менее центнера. Торжественная «иноходь» пограничников оставила доброе впечатление и дала пищу для насмешек над Федеральной службой исполнения наказаний...

«Стыдоба-то какая!.. – подумал Зотов. – Все идут, а мы канаем...»

Офицеры отдали салют, собрали гильзы, разошлись по домам. Андрей Анатольевич вернулся в штаб части, чтобы выслушать доклад дежурного по колонии о положении дел в лагере. Осужденный контингент не чурался патриотизма и по-своему отмечал героические вехи в истории Родины. Случалось, что лагерное пьянство заканчивалось кровью, и ладно бы, если б разборки шли между сидельцами, так нет, подвыпившие зэки «мелочились» и качали права перед администрацией за всякую недодачу: в белье ли, в столовой – то молока им подавай на диету, то новые ботинки. Найти бы того мерзавца, кто надоумил и распечатал им нормы довольствия, ставшие камнем преткновения во всей системе исполнения наказаний. Меры против таких выступлений при-

нимали жестокие. Выявляли зачинщиков, вывозили их в другие зоны, прятали в изоляторах, не допуская к ним родных, чего греха-то таить – пытали и добивались порядка, но временно. Пьянки у эзков не прекращались, требования их росли...

Жара на улице достигла апогея после полудня. Рубашка у Зотова промокла насквозь, испарина на лице сочилась даже в тени кабинета. Он скинул китель, прикинув, что на нем килограмма четыре веса: миллицейские медали за выслугу лет, почетные знаки отличия, кресты от новой власти – немало их начеканили демократы. Тяжелое бремя носить оплывшее тело и награды... Но, слава богу, не каждый день. Утомительные праздники сменяют неутомимые будни. Аккуратно повесив китель на плечики стула, Андрей Анатольевич включил кондиционер и удобно устроился за столом, вытянув гудевшие ноги. Заверещал телефон.

– Товарищ полковник!.. Тут один назойливый посетитель... – начал дежурный по штабу, но Зотов его оборвал на полуслове:

– Гоните прочь!..

– Он говорит, что вы обязательно его примите и будете рады...

Полковник задумался. Не иначе, опять какой-нибудь родственник осужденного домогается внеочередного свидания или, хуже того, предложит взятку, чтобы документы на его чадо ушли своевременно в суд.

– Меня еще нет! – отрезал Зотов.

Андрей Анатольевич не был ангелом в жизни, не чурался взяток. Не боялся прокуратуры, что возьмут его за руку с полицным, – ворон ворону глаз не выклюет. Будучи отрядником, брал у эзков игрушки. Оперативником – их отшманывал. Замысловатые поделки пылились по всей квартире. Каждая подписанная бумажка чего-то стоила. Платили за то, что «шевелил»: снял взыскание, оформил свидание, охарактеризовал «как положено» – с положительной стороны. «Встал на путь исправления, – гласила такая виза, – достоин УДО». Прирастая корнями к штабу части, Зотов брал деньгами и ни разу не споткнулся на этом, поднимаясь по иерархической лестнице ФСИН. Но в последнее время, в роли «хозяина», он давал от ворот поворот любому паломнику. Не раскаяние, а страхи терзали душу – достиг пенсионного возраста. «Узнает генерал, – задумывался Зотов, – не пощадит самолюбия». Академию внутренних войск они кончали вместе. Советская власть ковала кадры на совесть. Офицеров, претендующих на генеральское место, было немало: понаторели на службе, заматерели, обросли орденами, как рыба чешуей. Шла нешуточная борьба за выживание на административном посту. «Телегу за телегой катают на генерала в Москву ано-

нимы, зоны „кипят“ и... не сегодня-завтра... все может быть!» Глава управления был старше Зотова на восемь лет и тоже боялся отставки. Дважды он засыпал провокаторов с деньгами к таким же академикам, как и Зотов, и один из офицеров попался на удочку. Взяточника отравили на заслуженный отдых. Он уже не помеха администратору. Полковник поднял глаза на изображение медведя, висевшее через дорогу от зоны на фасаде пятиэтажки, и ехидно заметил: «Какая тут, к черту, борьба с коррупцией, Дмитрий Анатольевич, это борьба за место под солнцем!» Далее на эту тему думать не следовало. В системе исполнения наказаний глаза и уши были повсюду. Кроме голубого медведя на баннере был нарисован трехцветный российский флаг и толстыми буквами написано: «Единая Россия!»

Ноги у полковника остыли от марша, боль в них утихла. Отдышавшись от праздника, он решил принять человека. «Выгонишь на улицу, прочь, – подумал хозяин, – перетолкуют иначе: невнимателен к людям; не выполняет обязанностей по службе, да проинформируют генерала».

– Он еще здесь? – перезвонил на вахту и распорядился: – Проводите посетителя ко мне.

Что-то было знакомое в облике гостя. Очень похожий на зэка мученик стоял на пороге, не решаясь начать беседу первым. «Такой не сотрудничает с администрацией, хотя и не борзый, – заметил Зотов по состоянию морщин на лице вошедшего. – Но я его где-то видел... В каком году, по какому делу?» Осведомителей полковник помнил и дорожил ими как людьми, облегчавшими жизнь. Не того поля ягода, значит – взятка...

Андрей Анатольевич усмехнулся, приоткрыл ящик письменного стола и достал из него... ножик! Маленькую игрушку чуть более ладошки, отделанную умельцами до блеска. Это было произведение декоративно-прикладного искусства. Полковник взял его в правую руку и, глядя на посетителя, начал им наносить осторожные удары по столу между пальцами левой руки, раздвинутыми врозь.

«Он не знает с чего начать разговор», – догадался Зотов. Постукивание ножа о стол успокаивало его. Темп игры заметно вырос. Много людей приходило к нему с подарками за четверть века. Бизнесмены – важные, серьезные люди. Они по-деловому пересчитывали деньги и, едва только тень сомнения касалась лица соискателя взятки, находили резервы. Не меняясь в лице, не торгуясь, уверенно «отбашляли» столько, сколько надо было для решения вопроса, и даже одну или две купюры клали поверху, делая вид, что обсчитались при расчете... Были обманщики. Эти любили поторговаться и, в отличие от первых,

не доложить одну или две бумажки в конвертик. Знали, что если и будет пересчитывать деньги сотрудник, то не сиюминутно, не потребует доплаты – сумма и так была запрошена немалая – «добрая» сумма... Встречались и шулера. Денежные купюры ходили веером, словно карточная колода. Даже поток воздуха из кондиционера менял направление и холодило не лицо, а спину... Самые бедные посетители – старики и старухи, их было очень много, жаловались на свою несостоявшуюся жизнь. Они просили у Зотова прощения за сыночка, плакали, раскаивались, долго перебирая дрожащими руками деньги в платочке... Андрей Анатольевич краснел, отказывался от этих денег, обещал им помочь по-божески, по-братски – «за бесплатно», но забывал... Повторно этих людей к нему не пускали.

У стоящего перед ним человека денег не было. В прошлом опытный оперативник, Зотов оценил ситуацию, он был дока по части шмона – ничего похожего на портмоне не оттопыривало карманы.

Посетителя звали Виктор Рогов. Он пришел к другу детства Зотову, с которым не виделся тридцать лет. Газеты часто писали о зоне. Недавно полковник баллотировался в горсовет и его портрет занял половину передовицы. Однако воочию Рогов товарища не узнал. Хотел извиниться и уйти, подумав, что перед ним другой офицер. Военная форма меняет лики.

– Вы по какому вопросу?... – спросил полковник.

А вот манера разговаривать у Андрея осталась та же, что и тридцать лет назад. Рогов осторожно спросил:

– Андрюха, ты ли это?... – И, вдруг сообразив, что перед ним почти генерал, поправился: – Андрей Анатольевич! Я – Витька-оболтус, вы помните?..

Так его «величали» в детстве не только взрослые, а между тем назвешь человека свиньей – захрюкает, известная поговорка. Однажды сеструха Ленка подарила ему на день рождения перочинный ножик. Она была старше Витьки на десять лет – самостоятельная девчонка. Ничего криминального в подарке не было. Упругое лезвие величиною с ладошку со скрипом выпрыгивало на свет и легким бесшумным движением пальца укладывалось обратно в ложе.

– Ох, и натворит беды твой брат-сорвиголова... – вздохнула матушка. – Сядет в тюрьму – прямая дорога... Не отдам ему ножик!.. – И отобрала игрушку.

Но Ленка не согласилась. Она повысила голос и отстояла право на подарок. Витька нашел ему применение сразу – деревянная лавка. Вечером он нацарапал на ней свое имя. Отец его выдрал как сидорову

козу и поставил в угол на целый день. Упомомрачительные пионеры из школы тоже оценили «художества», назвали Витьку оболтусом и собрали совет дружины, где прорабатывали его после уроков, пока тот не расплакался, как дошкольник. Рогова бойкотировали все, кроме Андриухи, – жили они по соседству и безобразничали на пару с яслей.

– Надо бы хорониться от лишних глаз... – решили приятели и ушли в подполье.

В подвале они сколотили из досок мишень, в которую по очереди метали подарок, как в воображаемого врага, – играли в войнушку. Однажды их застукали старшеклассники Борька и Вовка, жившие в соседнем подъезде, дали по шее и отобрали ножик. Покидая подвал, салаги глотали кровь.

Дома Витька ревел – раскаивался. Пожаловался сеструхе, но реванша не состоялось. Хотя и боевая была девчонка Ленка, да вот только ножика у грабителей не оказалось. Шпана ухмылялась в лицо:

– Не пойман, не вор!.. – и свистела вслед незадачливой заступнице: – Судью на мыло...

– И поделом, – подытожила матушка, узнав о причине ссоры. – Нечего было связываться с хулиганами!

Витька хныкал, тузил кулаками подушку. Андриуха тоже переживал, грозился убить обидчиков – всех по очереди, когда вырастет и станет сильным.

Зотов обрадовался встрече. Нож у него в руках запрыгал быстрее, отбивая немислимую чечетку. И вдруг... Не по весу резко, энергично офицер поднялся на ноги и бросил свою игрушку в самый дальний угол кабинета. Живот у него при этом нелепо подпрыгнул.

– Десятка!.. – торжественно крикнул он и показал посетителю рукой на деревянную мишень, висевшую на шкафу, на боковой его части. – Ты знаешь, как я рад тебе, Витек!

Какая бы ни была толстая шкура у человека, но, чем выше он поднимается по службе, тем меньше у него остается настоящих друзей. Более лизоблюды пресмыкаются около в надежде на благосклонность. Проверяют на прочность, не упуская шанса нанести удар из-за угла. Душа покрывается коростой, как рана: гноится, ноет от одиночества, ищет выхода на поверхность и прорывается наружу...

– Андрей Анатольевич!

– Для тебя я Андриуха. – Зотов подошел к другу, обнял его за плечи. – Ты видел мой бросок?

– Отлично!

– Как ты меня нашел?

– Весь город знает, что ты полковник...

– Ругают, поди, недобрым словом?

– Ругают...

– Поначалу многие шли за помощью. Я отказывал – служба... Расскажи о себе.

– Нет у меня никого, Андрюха... Ленка на пенсии, внуки у Ленки, а родители умерли почти в один день. Вот уже два года на кладбище.

– Ты не горюй... Хочешь водки? Вечером – баня, брат, банкет, девицы из штаба... Да что там наши оплывшие девицы чудо-семейницы, телок таких отыщем на улице – без предрассудков. При теле, ни грамма жира, как журналистки на телевидении: подвижные, бойкие, остроумные – есть такие.

– Не вписался я в новую экономическую доктрину. Уволен и мне не до девок. Вечером уезжаю на Север, искать работу. Денег не видел уже полгода.

– Иди ко мне отрядником, устрой. Увидишь деньги...

– Мне много лет.

– И в самом деле... Я знаю, ты воевал.

– Шоферил...

Они выпили водки. Витька задумался, захмелел, окунулся в прошлое. Седой перевал остался позади, но дорога все еще изворачивалась хуленькой змейкой между горами. Солдаты везли гуманитарную помощь мирному населению, пострадавшему от набега врагов: теплую одежду, медикаменты, уголь, цемент. В полуразрушенном кишлаке измученные люди ожидали их, выживая на холоде. Голая, местами желтая от слякоти скала громоздилась у обочины дороги, где автоколонна попала в засаду. Рогов вел головную машину. Услышав первые разрывы, Витька помчался быстрее ветра, но трасса была пристрелена, шквал огня достал грузовик. Машина вспыхнула, тормоза отказали – ее понесло на скалу. Была опасность стать среди дороги, мешая другим машинам дойти до цели – в кишлак. Повернулся ли Бог тогда лицом или осерчал, Рогов гадает и ныне, но на пути неожиданно выросло укрытие – ниша в скале, и, теряя управление, более по инерции, нежели по доброй воле, ослепленный водитель в нее нырнул, освобождая путь...

– Вторая, третья, четвертая, пятая...

Одна за другой машины успешно проехали страшную зону. Витька вывихнул ногу, сломал два ребра. Опираясь на автомат как на костыль, он покинул горящий грузовик, спрятался за камнями. Когда огонь не-

приятеля утих, его нашли санитары. Дальнейшая жизнь у Рогова не сложилась, ни семейная, ни рабочая. Нездоровый человек – обуза для государства. Домашние сцены, развод, увольнение – экономический кризис, туманное завтра. И все же было у Рогова утешение: дома на кителе висела медаль «За боевые заслуги», и она, казалось ему, была весомее всех регалий столоначальников, вершивших его судьбу. Маленькое пятно, но светлое... Пускай обман, но красивый.

Андрей достал из мишени ножик.

– Нравится? – спросил он у Виктора.

– Да, хороший ножик...

– Я помню, как мы играли в подвале в войнушку, где нас избили Вовка и Борька. Тебе никогда не хотелось их наказать?

– Обиды проходят...

– А я злопамятный человек. Заходил недавно в этот подвал, а там – пустота, тараканы величиною в полпальца да кошки, покрытые лишаями. Но мишень на двери была еще целой. Вот она, на шкафу!

– Оригинальный какой-то шкаф.

– Сделан в столярном цехе промзоны по моим чертежам. В нем у меня, Витек, музей...

Полковник открыл деревянные створки шкафа. На полках лежали поделки осужденных: ножи, авторучки, четки, резные игрушки – то ли шахматы, то ли идолы, – новогодние маски. Были иные вещи: шкатулочки из камня, разделочные доски, ложки да чашки, окрашенные веселыми красками «под Хохлому». В самом большом отсеке хранились две сабли, кольчуга и щит. Перед ними качалась пеньковая веревка, на нижнем конце которой со знанием дела был завязан висельный узел.

– Анахронизм, – заметил Зотов, – символ. – Он с уважением погладил веревку и добавил: – Она мягкая только на ощупь...

Порывшись на полке, полковник достал охотничий нож. До блеска отполированное лезвие, два желобка для стока крови, белая костяная ручка с набалдашником, вырезанная в виде сказочной птицы, говорили о незаурядном мастерстве творца.

– Моржовая кость, – объяснил хозяин. – Бери, Витек, он твой по праву. Сделал его Борис из второго подъезда.

– Неужели тот самый Борис?..

– Он и доньше работает в сувенирке. Ожидает УДО...

– Ну, дай-то бог... Золотые руки...

– У меня или у него? – рассмеялся начальник.

– У него, – удивился гость. – А Вовку ты видел?

– А Вовки, Витек, уже нет – умер Вовка. Он был непослушным.

– Жалко Вовку, – ответил Рогов, заворачивая ножик в газету.

Прощаясь, добавил:

– Мне давно уже никто ничего не дарил. Спасибо, Андрей.

Дома, надев очки, он увидел на лезвии гравировку: «Жить – значит делать вещи, а не приобретать их. Аристотель».

Ночью дежурившие в зоне офицеры изъяли у осужденных четыре «полторашки» самогона, два тазика браги и пакет сушеной травы, непохожей на чай. Утром нетрезвые головы предстали перед судом. «Окрестил» их хозяин. Дал всего ничего – пять суток, но несговорчивые буяны оправдывались, ругались, отказываясь писать объяснительные записки по поводу найденной «соломки», утверждая, что это мята, доставленная в зону законным путем. Под руки, почти волоком, упрямы были отконвоированы на воспитание в комнату для бесед. Душераздирающие вопли и глухие удары дубинок около часа были слышны всем присутствующим на совещании у Зотова офицерам через неплотно закрытые двери. пытки сопровождалась нравоучительным матом сотрудников ФСИН.

– Да заткнетесь же вы наконец, – не выдержала на вахте телефонистка. – Алло, алло, я не слышу! – орала она в телефонную трубку. – Повторите, пожалуйста, кого и куда направить.

– Хватит их бить, – распорядился полковник. – У нас исправительное учреждение, а не гестапо. Современные тенденции пенитенциарной педагогики связаны с гуманизацией воспитательного процесса.

Он никогда в жизни не брал дубинки, не повышал на осужденных голос, даже успокаивал их, как умел. Систематически помогал им, публично отчитывая нерадивых отрядников за бездеятельность на службе. Образцово выращенный администратор Андрей Анатольевич Зотов прослыл новатором в педагогике, и гуманитарные замашки сменяли авторитарные почти во всем его учреждении. «В час по чайной ложке», – острили правозащитники. Но другие-то управленцы вообще топталась на месте. Порою Зотов корил себя за взятки, но тут же оправдывал меркантильное прошлое тем, что это был подвиг, а не срам: «А кто их не брал, когда трещала страна? Позорно было не брать, имея доходное место, – детей кормил и думал о внуках» Только нимба на голове не было, хотя медалей и звезд хватало, чтобы затмить настоящее солнце. Но небольшое пятно мешало светилу полыхать в полной мере. Он не признавался в этом ни себе, ни окружающим, ни вчерашнему гостю, гнал эту тему прочь – в шкаф висела веревка, на которой повесился Вовка.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушения прав заключенных (март – август 2009 года)

Саратовская область

3 марта 2009 года

Следственными органами Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации по Саратовской области возбуждено уголовное дело по ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) по факту массовых беспорядков в одной из колоний области.

Установлено, что 2 марта 2009 года примерно в 21 час 30 минут **в исправительной колонии № 33**, располагающейся на территории Ленинского района города Саратова, **начались массовые беспорядки**. Около ста осужденных из локального участка 12-го и 14-го отрядов колонии самовольно открыли двери, проникли в помещение отряда карантина, в котором содержатся вновь прибывшие, и затеяли драку.

По информации начальника ГУ ФСИН по Саратовской области генерал-лейтенанта Леонида Шостака, в 12-м отряде содержатся ВИЧ-инфицированные осужденные с неоднократными судимостями, а 14-м отряде находятся заключенные, злостно нарушающие режим отбывания наказания. В результате нарушений заключенными требований режима причинен ущерб имуществу колонии, один сотрудник ГУ ФСИН получил телесные повреждения. Об этом сообщает пресс-служба СКП РФ.

В настоящее время по уголовному делу проводятся неотложные следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего.

Самарская область

24 марта 2009 года

Прокуратурой Комсомольского района города Тольятти в суде предъявлено обвинение **инспектору безопасности ФБУ ИК № 16 Александру Ефремову в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.**

В декабре 2008 года Ефремов для одного из осужденных пытался пронести на территорию колонии более 9,6 грамма героина, за что должен был получить 4000 рублей. Однако на контрольно-пропускном пункте он был задержан, и указанный наркотик был у него изъят.

Суд, с учетом мнения прокурора, признал Ефремова виновным и назначил наказание в виде восьми лет шести месяцев лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Пермский край

30 марта 2009 года

Усольским прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях утверждено обвинительное заключение по уголовному делу в отношении начальника исправительной колонии № 19 ГУ ФСИН России по Пермскому краю, подполковника внутренней службы Демури Шанидзе.

Офицер обвиняется в совершении двух преступлений предусмотренных ч. 1 ст.209 УК РФ – получение взятки, ч. 1 ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий.

При реализации оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками оперативного управления ГУ ФСИН России по Пермскому краю установлено: в период с мая по октябрь 2008 года Шанидзе за содействие в условно-досрочном освобождении лиц, отбывавших наказание в данном исправительном учреждении, получал взятки в виде денежных средств. По предварительным данным, от осужденных и их родственников он получил около 50 тысяч рублей.

Свердловская область

6 апреля 2009 года

Накануне, 5 апреля, около 22.40 **между осужденными, содержащимися в ФБУ ИК-62 Ивделя, произошла драка**, в которой приняли участие 11 осужденных. Сотрудниками ГУ ФСИН в отношении зачин-

щиков драки применены специальные средства. К 23.00 драка была прекращена.

Осужденным, получившим телесные повреждения, оказана медицинская помощь.

Представителями прокуратуры по надзору за соблюдением законности в исправительном учреждении, посетившими ФБУ ИК-62, действия сотрудников ГУ ФСИН признаны законными.

В настоящее время в ФБУ ИК-62 обстановка стабильная и контролируемая. ГУ ФСИН России по Свердловской области проводит служебную проверку.

Челябинская область

6 апреля 2009 года

В челябинской исправительной колонии № 8 вечером в цехе, где трудятся заключенные, на изготовленной собственными руками веревке **повесился Айрат Юсупов 1985 года рождения.**

Тело Айрата Юсупова обнаружили вечером в безлюдной части цеха. После обнаружения самоубийцы ему в течение 10 минут пытались оказать помощь. Однако непрямой массаж сердца и искусственное дыхание не вернули молодого человека к жизни. Врачи диагностировали смерть от удушения.

По предварительным данным, следов насильственной смерти на теле Айрата Юсупова не обнаружено. При нем нашли записку, в которой Юсупов объясняет, что решил свести счеты с жизнью из-за семейных неурядиц.

Известно, что Айрат Юсупов был осужден на два года за кражу. Срок его пребывания под стражей исчислялся с октября 2008 года. Ранее не был судим.

Челябинская область

14 апреля 2009 года

Прокуратурой Челябинской области **утверждено обвинительное заключение в отношении бывшего заместителя начальника ИК-1 ГУ ФСИН** России по Челябинской области, избличенного в получение взятки. Следствием установлено, что 32-летний заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе ИК-1 в марте 2009 года получил 30 тысяч рублей от матери осужденного за содействие его условно-досрочному освобождению.

Материалы уголовного дела направлены для рассмотрения по существу в Копейский городской суд Челябинской области.

Кировская область

27 апреля 2009 года

Двадцать заключенных кировской колонии ФГУ ИК-5 **вскрыли вены**, протестуя против избиений со стороны сотрудников колонии.

Утром 23 апреля часть заключенных кировской колонии ФГУ ИК-5 отказались выйти на хозяйственные работы. Реакция администрации колонии была стремительной и неадекватной – все отказавшиеся были жестоко избиты сотрудниками. В знак протеста против избиений двадцать заключенных вскрыли себе вены.

В последнее время из Кировской области поступил целый ряд тревожных сигналов о нарушениях прав человека – от избиений заключенных до отправления в психиатрическую больницу активистов оппозиции. (К примеру, в августе 2008 года избиению подверглись заключенные штрафного изолятора ЛИУ-12 Кирово-Чепецка Кировской области.)

Московская область

4 мая 2009 года

Прокурор Московской области Александр Мохов **провел проверку соблюдения действующего законодательства в следственном изоляторе № 4** Управления ФСИН России по Московской области, расположенном в городе Можайске. В ходе проверки были выявлены многочисленные нарушения требований к условиям содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений.

На каждого содержащегося в СИЗО-4 арестованного в день проверки в среднем приходилось 2,34 кв. м жилых площадей при установленной норме санитарной площади в камере на одного человека в размере 4 кв. м.

За счет неравномерного распределения арестованных и увеличения их численности в выходные дни в отдельных камерах положение дел еще более неудовлетворительное. По состоянию на 30 марта в камере № 36 площадью 9 кв. м содержались 6 человек, то есть на одного арестованного приходилось 1,5 кв. м.

Некоторые арестованные не обеспечены индивидуальными спальными местами. Так, в одной камере на 8 койках было размещено 11 человек, в другой – на 4 спальных местах – 16 человек и т. д.

По результатам проведенной проверки прокурор области внес представление начальнику УФСИН России по Московской области об устранении нарушений Федерального закона. В представлении поставлен вопрос об ответственности виновных должностных лиц.

Челябинская область

5 мая 2009 года

В Челябинске в исправительной колонии № 8 общего режима (улица Российская) в минувшую пятницу, первого мая, **повесился осужденный, отбывавший наказание за кражу.**

По словам начальника пресс-службы ГУ ФСИН по Челябинской области Валентина Гуренкова, «в том, что осужденный покончил с собой, сомнений нет – вор находился в “одиночке”».

Разбираться в колонийской трагедии будет Следственный комитет. Следователям предстоит выяснить, откуда у осужденного в одиночной камере взялись подручные средства, с помощью которых он якобы лишил себя жизни.

Свердловская область

8 мая 2009 года

Восемь заключенных изолятора временного содержания города Асбест Свердловской области **совершили попытку массового самоубийства, вскрыв себе вены.**

Все они были госпитализированы, медики оказали им необходимую помощь. После этого их вернули в изолятор.

При этом ГУ ФСИН по Свердловской области опровергло сообщения о попытке массового самоубийства в изоляторе Асбеста.

В свою очередь руководитель пресс-службы ГУВД Свердловской области Валерий Горелых рассказал, что в четверг в ИВС Асбеста попытались покончить с собой двое арестованных за административные правонарушения. По его словам, одному из неудавшихся самоубийц 22 года, второму – 25 лет. В настоящее время сотрудники милиции выясняют причины поступка молодых людей.

Иркутская область

21 мая 2009 года

Следственным отделом по Казачинско-Ленскому району СУ СК при прокуратуре РФ по Иркутской области **окончено расследование уголовного дела в отношении пяти сотрудников ГУ ФСИН** России по Иркутской области.

Установлено, что сотрудники колонии-поселения (УК-272/39) ГУ ФСИН России по Иркутской области, расположенной в поселке Улькан Казачинско-Ленского района, ночью 2 декабря 2008 года нанесли телесные повреждения шести осужденным. В качестве обвиняемых по уголовному делу привлечены сотрудники службы безопасности и оперуполномоченные отдела розыска колонии, всего пять человек.

Всем им предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, совершенное с применением насилия, с применением оружия).

Якутия

29 мая 2009 года

Накануне утром во время раздачи завтрака в ФБУ ИЗ-14/1 (СИЗО-1) УФСИН России по Республике Саха (Якутия) **заключенные, содержащиеся в камерах режимного корпуса, отказались от приема пищи с одинаковой формулировкой – «несогласие с условиями содержания».**

Для проверки данного факта в СИЗО-1 незамедлительно выехали сотрудники органов прокуратуры республики и УФСИН по Якутии, которые организовали и провели прием лиц, обратившихся с заявлениями об отказе в приеме пищи.

В ходе приема конкретных жалоб и заявлений не поступило. Установлено, что условия содержания, качество и количество питания соответствуют установленным требованиям. Опрошенным лицам разъяснена неправомерность отказа от приема пищи. В настоящее время по данному факту проводится проверка. По некоторым данным, от пищи отказались более 90 человек.

Свердловская область

1 июня 2009 года

Прокуратура Свердловской области и Нижнетагильская прокуратура по надзору за соблюдением законности в исправительных учреждениях **проводят проверку сообщений о бунте в исправительной колонии Нижнего Тагила № 12.**

Ранее Союз заключенных распространил информацию, что в колонии начались волнения среди заключенных. В частности, по словам представителей Союза, утром 30 мая прикомандированные к лагерю бойцы спецназа ФСИН подвергли истязаниям четверых заключенных ИК-12. Осужденных остановили на пути в столовую якобы за ношение «обуви неустановленного образца», отвели в дежурную часть колонии и избили резиновыми дубинками до потери сознания. Кроме того, сообщается, что заключенных пытали электрошокером, требуя написать заявление о вступлении в секцию дисциплины и порядка.

По информации Союза заключенных, в настоящее время колония находится буквально на «осадном положении»: она окружена БТР, отрядами ОМОН и подразделениями спецназа ФСИН. По малейшему поводу заключенных жестоко избивают и бросают в карцер. В настоящее время в карцере колонии, рассчитанном на 50 человек, находится около двухсот осужденных, многие из них нуждаются в срочной медицинской помощи.

Между тем пресс-служба ГУ ФСИН по Свердловской области опровергает информацию о беспорядках на территории колонии и сообщает, что в ИК-12 «обстановка контролируемая». По словам сотрудников пресс-службы, колония работает в обычном режиме согласно распорядку выходного дня, по графику проводятся длительные свидания осужденных с родственниками. Также пресс-служба сообщает, что 30 мая в колонию прибыл начальник свердловского управления ФСИН Александр Ладик. Генерал провел прием осужденных ИК-12.

Орловская область

17 июня 2009 года

В городе Ливны Орловской области **возбуждено уголовное дело по факту смерти осужденного в изоляторе временного содержания.** На теле мужчины были обнаружены множественные травмы, которые и стали причиной смерти.

По данным предварительного расследования, смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы грудной клетки с ушибом сердца.

Уголовное дело возбуждено по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), которая предусматривает до 15 лет лишения свободы. Расследование продолжается.

Самый громкий аналогичный случай последнего времени рассматривался в январе 2009 года в Челябинской области. На скамье подсудимых оказались 16 сотрудников ФСИН, в том числе начальник Копейской исправительной колонии № 1, которые обвинялись в зверском избиении двенадцати заключенных. В результате расправы четверо пострадавших скончались.

Следствием установлено, что 31 мая 2008 года дежурной сменой колонии избиты 12 осужденных, отказавшихся выполнять их незаконные требования. Среди шестнадцати предполагаемых виновников зверского избиения, после которого каждый третий заключенный скончался, оказался не только начальник колонии, но и начальник оперативного управления ГУ ФСИН по Челябинской области. Оба принимали участие в попытке скрыть совершенное их подчиненными массовое убийство.

Обвинения были предъявлены по ч. 3 ст. 286 (превышение должностных полномочий с применением насилия, специальных средств и причинением тяжких последствий) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевших). Расследование уголовного дела продолжается.

Красноярский край

30 июня 2009 года

Из колонии строгого режима, расположенной в селе Старцево Красноярского края, 29 мая **поступила информация о смерти сторонника оппозиционной коалиции «Другая Россия» Рима Шайгалимова.**

Родственники оппозиционера не верят в случайный характер его смерти, утверждая, что покойный обладал отличным здоровьем и полным отсутствием суицидальных наклонностей. В самой колонии причин смерти пока не сообщают.

По словам супруги Рима, Людмилы Шайгалимовой, ее муж не раз утверждал, что живым из колонии его не выпустят.

С зимы перестали поступать от него письма родственникам и соратникам, в колонии информации о его состоянии никакой не давали.

Во время его нахождения в СИЗО возник эпизод с якобы имевшей место попыткой самоубийства Шайгалимова. По словам сотрудников милиции, конвоировавших его, скованный наручниками 50-летний

мужчина смог вырваться и вскрыть себе вены о некие острые детали, имеющиеся на корпусе автомобиля. Адвокат обвиняемого тогда заявил, что имевшиеся на его руках повреждения могли быть нанесены только остро отточенной сталью вроде ножа или бритвы. Сам оппозиционер утверждал, что раны были ему нанесены умышленно.

Рим Шайгалимов был приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы за то, что он якобы напал 9 мая прошлого года на милицейского начальника и нанес ему удар древком от красного флага. Обвиняемый своей вины не признал.

Адрес редакции: 127224, г. Москва, пр. Шокальского, д. 61, кор. 1.

Телефон горячей линии по нарушению прав граждан в уголовно-исполнительной системе и правоохранительных органах: 8-916-667-2076

Российский тюремный журнал

Этот журнал для тех, кто хочет знать плюсы и минусы современной тюрьмы, ее прошлое, настоящее и будущее, ее проблемы и достижения, стоящие перед ней вопросы и ответы на эти вопросы.

Первый номер «Российского тюремного журнала» посвящен пенициарной медицине.

*Главный редактор «Российского тюремного журнала»,
председатель Комитета за гражданские права А.В. Бабушкин*

Юридический практикум

В колонию-поселение – своим ходом

Минюст России приказом № 102 от 6 апреля 2009 года утвердил Инструкцию, определяющую порядок направления в колонию-поселение осужденных, в отношении которых принято решение, предусматривающее их самостоятельное следование к месту отбывания наказания.

Осужденные, как правило, направляются в колонию-поселение, расположенную в том субъекте Российской Федерации, в котором они были осуждены.

Направление в колонию-поселение, расположенную в другом субъекте РФ, возможно только в трех случаях:

- по состоянию здоровья;
- для обеспечения личной безопасности осужденных;
- с их согласия.

Если же по месту жительства или по месту осуждения колонии-поселения отсутствуют или нет возможности размещения осужденных в имеющихся учреждениях, то по согласованию с центральным аппаратом ФСИН России осужденные направляются в исправительные учреждения, расположенные на территории других субъектов Российской Федерации, в которых имеются условия для их размещения.

В соответствии с утвержденной Инструкцией территориальный орган ФСИН РФ, в частности:

- обеспечивает направление осужденного в колонию-поселение не позднее 10 суток со дня получения заверенной копии приговора суда, вступившего в законную силу;
- выдает осужденному деньги на проезд;
- обеспечивает продуктами питания или деньгами на время проезда;

– формирует личное дело осужденного (производит дактилоскопирование, составляет анкету, фотографирует, составляет справку-ориентировку).

Срок отбывания наказания исчисляется со дня прибытия осужденного в колонию, при этом время следования засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день.

Личное дело осужденного и копия предписания направляются в исправительное учреждение фельдъегерской связью в сроки, обеспечивающие поступление документов до прибытия осужденного к месту отбывания наказания.

В случае уклонения осужденного от получения предписания для направления в колонию-поселение или неприбытия осужденного к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок территориальный орган ФСИН России, выдававший предписание, направляет в суд, вынесший приговор, документы для решения вопроса о заключении под стражу и розыске осужденного.

Разъяснен порядок применения УДО

В связи с вопросами, возникшими у судов при применении законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 21 апреля 2009 года № 8 дал судам соответствующие разъяснения и рекомендации.

Постановления этого ждали давно и судьи, и прокуроры, и сотрудники уголовно-исполнительной системы и конечно же осужденные. Ведь предыдущие разъяснения были даны Верховным судом СССР в далеком 1971 году в Постановлении № 9 «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким». И хотя позже в это постановление неоднократно вносились различные изменения (в 1976, 1977 и 1985 годах), проблемы это не решало уже хотя бы потому, что за прошедшие годы были приняты новые УК, УПК и УИК.

Первое и главное, что решил Пленум: в каждом конкретном случае надо решать индивидуально, достоин ли человек того, чтобы его выпустили на свободу. Если подошел срок, когда осужденного можно досрочно освободить, это еще не значит, что он должен быть освобожден. В данном случае у конкретного осужденного имеется только одно неотъемлемое право – обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении.

При решении вопроса об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд должен учитывать в первую очередь мнение представителя исполнительного учреждения и прокурора. Это понятно: именно сотрудники УИС, непосредственно работающие с осужденными, вправе высказать свое мнение о том, можно ли тому или иному претендующему на УДО осужденному оказать доверие и позволить жить на свободе.

В постановлении, в частности, указано, что:

– решая вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания либо замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, суд не вправе заменять неотбытый срок наказания в виде лишения свободы условным осуждением в порядке статьи 73 УК РФ, сокращать неотбытый срок наказания, а может лишь условно-досрочно освободить осужденного от неотбытой части наказания либо заменить ее более мягким видом наказания или отказать в этом;

– судам надлежит обеспечить рассмотрение ходатайств осужденного, его законного представителя, а также – по их поручению – и адвоката об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и представлений учреждения или органа, исполняющего наказание, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в разумные сроки (например, применительно к указанным в части 3 статьи 227 УПК РФ срокам рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, содержащихся под стражей, то есть в течение 2 недель). При этом надлежит учитывать, что осужденные к лишению свободы на недлительные сроки в случае промедления с рассмотрением ходатайства или представления фактически лишаются возможности условно-досрочного освобождения либо замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Это означает, что Верховный суд требует не затягивать рассмотрений вопросов об УДО;

– в целях усиления воспитательного воздействия на других осужденных рекомендовано рассмотрение ходатайств осужденных, их адвокатов и законных представителей об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и представлений администрации учреждений, органа, исполняющего наказание, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания производить с выездом в учреждения, исполняющие наказание;

– по делам об условно-досрочном освобождении в отношении несовершеннолетних судам необходимо учитывать их отношение к учебе, связи с родственниками.

Важно, что Пленум снял ряд ограничений, которые ранее затрудняли применение УДО. Например, отрицание своей вины в совершенном преступлении или отсутствие раскаяния, как указал Пленум, не могут служить основаниями для отказа в УДО. Не могут служить причинами отказа и мягкость назначенного наказания, и кратковременность пребывания в одном из исправительных учреждений, и наличие судимостей.

Особый разговор о взысканиях. Понятно, что взыскание взысканию рознь. Невозможно сравнить, например, нарушение формы одежды и употребление спиртного. Поэтому взыскания, указал Пленум, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, с учетом характера допущенных нарушений подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными. При этом наличие или отсутствие у осужденного взыскания не может служить как препятствием, так и основанием к его условно-досрочному освобождению или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Разъяснил Пленум и то, в каких случаях необходимо учитывать причиненный преступлением материальный ущерб и моральный вред. Если по гражданскому иску он не возмещен в силу таких объективных причин, как инвалидность осужденного или наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству, невозможность трудоустройства из-за ограниченного количества рабочих мест в колонии и т. д., то суд также не вправе отказать в условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Но в то же время, если имеются установленные факты умышленного уклонения осужденного от возмещения причиненного преступлением вреда (путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы и т. д.), то наряду с другими обстоятельствами, они могут служить препятствием к условно-досрочному освобождению или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Кстати, в настоящее время служба судебных приставов разрабатывает договор со ФСИН России, предусматривающий в том числе участие судебных исполнителей в рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении. Но последнее слово в любом случае останется за судьями.

Пленум ВС РФ рекомендовал судам при применении к осужденному УДО рассматривать предоставленную законом возможность возложения на него исполнения обязанностей, предусмотренных частью 5

статьи 73 УК РФ (не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, осуществлять материальную поддержку семьи). При этом судья вправе установить как одну или несколько обязанностей, так и все обязанности, а также возложить иные обязанности, способствующие его исправлению.

При рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания судья по просьбе осужденного обязан обеспечить ему личное участие в судебном заседании либо посредством видеоконференц-связи для изложения своей позиции и представления в ее подтверждение необходимых сведений.

В случае принятия судом решения об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания осужденный подлежит освобождению в порядке части 5 статьи 173 УИК РФ (то есть в день поступления соответствующих документов, а если документы получены после окончания рабочего дня – утром следующего дня).

Пленум уделил внимание и вопросу отмены УДО. Разъяснено, что под злостным уклонением от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного, предусмотренным пунктом «а» части 7 статьи 79 УК РФ, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения. Вместе с тем вопрос о том, является ли уклонение от выполнения возложенных судом на осужденного обязанностей злостным, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его продолжительности и причин уклонения, а также других обстоятельств дела.

Разъяснил Пленум ВС РФ и вопросы, касающиеся отсрочки отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими детей в возрасте до четырнадцати лет. В этих случаях, в соответствии со статьей 82 УК РФ, судам надлежит учитывать мнение администрации учреждения, исполняющего наказание, об отсрочке отбывания наказания осужденной женщине, ее характеристику, сведения о согласии родственников принять осужденную женщину с ребенком, предоставить им жилье и необходимые условия для проживания либо сведения о наличии у нее жилья и необходимых условий для проживания с

ребенком, справку о наличии ребенка либо медицинское заключение о беременности, а также другие данные, содержащиеся в личном деле осужденной. При этом надлежит учитывать условия жизни осужденной на свободе, ее поведение в период отбывания наказания, совокупность других данных, характеризующих ее до и после совершения преступления.

Следует учитывать, что полученная отсрочка может быть и отменена. Пленум разъяснил, что в случае, если осужденная, которой отсрочено отбывание наказания, отказалась от ребенка или продолжает уклоняться от его воспитания после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденной, либо умышленно без медицинских на то показаний прервала беременность, судья может по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания и направить осужденную для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

Осужденную следует считать уклоняющейся от воспитания ребенка, если она оставила его в родильном доме или передала в детский дом либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, без уважительной причины оставила ребенка родственникам или иным лицам, скрылась либо совершает иные действия (бездействие), свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка.

Усиливаются гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, осужденных к отбыванию уголовных наказаний

Федеральным законом от 19.07.2009 № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» внесены изменения, которыми предусмотрено, что осужденные даже независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований.

Усиливается уголовная ответственность за совершение преступлений против несовершеннолетних

Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в УК РФ внесены изменения, направленные на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

В частности, изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, теперь будет наказываться лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового (ранее – на срок от восьми до пятнадцати лет). Также ужесточены наказания за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, предусмотренных, в частности, статьями 105 (Убийство), 111 (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 132 (Насильственные действия сексуального характера), 134 (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), 135 (Развратные действия), 156 (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), 242.1 (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних).

Для отдельных категорий осужденных увеличен срок лишения свободы, который необходимо отбыть, чтобы претендовать на УДО

Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в УК РФ внесены изменения в статьи 79 и 80 УК РФ, согласно которым применение условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, возможно по отбытии ими не менее трех четвертей срока наказания.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении таких лиц возможна также по отбытии ими не менее трех четвертей срока наказания.

Сергей Минин

Тольятти – город-сад

Памяти Валерия Иванова

Весь город знал, что убийство журналиста № 1 заказал весь город. Невыясненным оставалось другое: чей киллер отстрелялся первым и, соответственно, последним.

Работниками милиции негласно были отмечены восемьдесят случаев произведенных заказчиками оплат по данной «номинации», но на поверку настоящий фигурант по делу так и остался неустановленным. Ибо все ненастоящие, или лжефигуранты, на первых же допросах с пристрастием оказались обладателями безупречных алиби и автоматически были переквалифицированы из обвиняемых по особо тяжкой статье Уголовного кодекса в заурядные мошенники.

Это же нонсенс: не засадишь же за организацию убийства весь город?!

Спрос рождает предложения – цинично противопоставляли лжекиллеры известный закон политэкономии дотошным расспросам следователей, терявшихся в догадках.

Газетчики трубили и требовали раскрытия преступления.

Общественность волновалась и, давно привыкнув ко всяким злодеяниям, творимым в отчизне, в масштабах города ничего не требовала, лишь переживала, как бы опять не поднялись цены на водку. К этому привыкнуть тольяттинцы решительно отказывались, готовые в любую минуту из опорожненной бутылочно-водочной тары прямо в

Минин Сергей Михайлович, 1964 года рождения, выпускник Литературного института имени Горького (Москва). Находится в ИК-10 Самарской области. Ведет собственный сайт (<http://s-minin.narod.ru/>), на котором и опубликован предлагаемый рассказ.

центре города соорудить самую что ни на есть революционную баррикаду.

И выдвинуть лозунги: «Не смей покушаться на святое!», «Мы вам „Жигули“, а вы нам что же?!», «Россия – это прежде всего дешевая водка!». И т. д., и т. п.

В целях снятия нездорового ажиотажа, напрямую связанного с убийством популярного журналиста и косвенно спровоцировавшего массовый спрос на спиртное, на закрытом совещании горе-правоохранителей было принято решение: в экстренном порядке арестовать первого встречного, пусть даже невинного! Ибо, как когда-то метко изрек духовный вождь чекистов Дзержинский: «Невинных людей не бывает, есть только объекты нашей недоработки».

Тут-то как нельзя кстати первым кандидатом на злополучную доработку подвернулся некто Черников, только что сринутый в качестве второго седока с памятника Татищеву, зачем-то настырно пытавшийся развернуть выдающееся творение скульптора-современника в прямо противоположное от исходного направление.

– Утонешь же, скотина, – жалостливо трепал коня за гриву не предусмотренный творцом второй наездник, – катим-ка лучше в дурку, там на полдник компот дают с булочками.

Но, видно, не судьба была ему на этот раз побаловать чугунного коня компотом с булочкой: памятник-то оставили, а вот инициатора происшествия – Черникова – на «воронке» прямым ходом доставили в городскую прокуратуру. В кабинет к дежурному следователю, который, без обиняков оценив бросающуюся в глаза из-под коротких рукавов рубашки широкую, как загородная трасса, «дорогу» от причиненных шприцем проколов, приступил к решению заданной задачи:

– Наркотики употребляешь?

– А у тебя есть?

– В убийстве журналиста Иванова чистосердечно сознаешься, отказа ни в чем не будет, уяснил?

– А як же.

– Приступим к допросу: кто заказал? Кто исполнил?

– Я!

– Все сходится, – отрапортовал высокому начальству прокурорский работник ниже классом.

Где бы героина еще взять? Столько всяков раскрыть можно. Надо будет потолковать с оперативниками.

– Гуляй, рванина! Тут на всех «читков» хватит, – бахвалился провожденный в кутузку Черников. – Завтра еще пойду, загрузь за парочку жмуриков.

– Во дает! Во мочит! Так посадят же?

– Кто посадит? Не боись. Меня только вчера с Южного шоссе из психушки выписали. Я на тот момент, когда ихнего журналиста хлопнули, в кабинете у завотделением Василь Васильевича с котом Барсином в шахматы играл. Так он мне мат поставил. Вернусь, прибью подлюгу! Алиби у меня, понял? Ты, когда на дальняк ходишь, – наставлял он слушавшего его с открытым ртом низкорослого паренька, по виду малолетку, – газету «Тольяттинское обозрение» с собой бери, путного там теперь все равно ничего не прочтешь, но хоть мусорские сплетни знать будешь. Запугали писак, запугали.

– Тогда завтра и мы запишемся в киллеры, – подхватили инициативу собратья по несчастью. – Если у тебя нашлось алиби, то и у нас оно наверняка имеется. Мы же не убивали журналиста.

– Это еще доказать нужно! При нынешнем положении вещей иногда это бывает весьма и весьма проблематично. Только назовись груздем – мигом тебя запихнут в кузов.

– Но у тебя же получилось?

– Я же вам сказал, что у меня два адвоката: завотделением Василь Васильевич и кот Барсик.

Но, несмотря на все вразумления бывалого Черникова, к утренней проверке, как и положено, на имя начальника оперативной части было составлено (в муках писавшееся всю ночь) заявление с настоятельной просьбой – выдать на всю камеру запретного зелья.

Настоящая коллективная петиция!

– Вы что, рехнулись? – заорал на них молодой и круглый как мяч ответственный по изолятору, по долгу службы отвлекшийся от контроля над шмоном. – Кто же так оформляет? Надо явку с повинной писать, а вы про наркотические средства!

– Эх вы, обалдуи, – поддержав коллегу, пожурил их пожилой Кузьмич-«продольный». – Я «куму» сам доложу. Он и без заявления вас примет. Только у него, кажется, героин кончился.

Все сразу перехотели быть киллерами.

– На будущее, чтоб вы знали, коллективные жалобы и заявления не принимаются. Пишите каждый в отдельности. А про дардалыгу я выясню, – залихватски крикнул перед уходом заслуженный «продольный», проворачивая ключами в замках железной двери.

На какое-то время в камерном полумраке воцарилось молчание – заваривался чифир, а потом опять пошел галдеж на не сходявшую с уст тему.

– Где же столько листовок взять на их «баранки»? А вдруг у них и вправду порошка нету? – одолевали некоторых сомнения.

– Как же – нету? Всегда был, а тут – нету? Куда же он делся?

– Пусть хотя бы травы или сонников дадут, – включился в разговор несколько приунывший и, видимо, испытывающий наркотическую ломку Черников. Я все же за их всяк срок мотать подписался.

– А я бы и салом взял. Или колбасой «Докторской». Пусть потом меня хоть за шведского президента Улафа Пальме судят. Есть так хочется. Все равно я его не убивал. Я где-то слышал, что наш суд самый гуманный суд в мире.

– Как же!

– Цыц, мелюзга! – посыпались со всех сторон окрики на проголодавшегося паренька-малолетку, выскивающего в пустом мешке завалявшуюся хлебную корку.

Не взирая на все разногласия в этом серьезном вопросе, в итоге в камере № 27, что располагается на спецпродоле следственного изолятора № 1, удачно примкнувшего к зданию УВД города, все же победила дружба – заявление на прием к оперативнику подали за бомжа Серегу, внешне производившего впечатление равнодушного ко всему происходящему увальня-недотепы. Пусть он вначале на разведку ходит. Может, что и выяснит? В тюрьме ему сидеть понравилось: ни разу не бьют, три раза кормят...

– А этапируют на централ, так там тебе и вшей выведут, и венерические заболевания, если есть, вылечат. Обязательный для всех медосмотр, – подбадривали его сокамерники.

Перед обедом его вызвали...

И он ушел.

Защемленным нервом потянулось время.

А вернулся предприимчивый бомж только к вечеру, вдрызг пьяный с крест-накрест перемотанным ливерной колбасой, как пулеметной лентой, туловищем.

– Героина не было. Пришлось взять водкой и колбасой. Нате вот, ешьте. Теперь я за Иванова загрузился. У меня тоже алиби на этот случай имеется. Я вспомнил. Я же в тот день в вытрезвителе с самого утра за «белочкой» по потолкам и стенам гонялся.

– Поймал?

– Не дали. Самого поймали и к кровати пристегнули наручниками, чтоб я не рыпался, значит. А дальше ничего не помню. На третьи сутки только в спецприемнике в себя пришел, в пятой камере. В здании напротив. Его через решетку, если взглядеться, видно. А потом меня сюда перевели. Так и сказали: «Сразу видно, что ты еще тот гусь лапчатый. Будем с тобой работать».

– Нароботали. Жди теперь суда и справедливого приговора.

– Ладно, не плачь, Серега, разберутся. А колбаса-то какая вкусная.

– Жуйте-жуйте.

– Прохиндеи вы, – обиделся приподнявшийся с кровати Черников. – А как же я? Это же моя идея была. Воспользовались, да? Воспользовались...

– А твое алиби уже выяснилось. Мне опера рассказали. Жди теперь, когда за тобой Василь Васильевич из дурки приедет. Будешь там играть с котом в шахматы. И так молодец, тремя дозами отловился. А про журналиста этого, главного редактора газеты «Тольяттинское обозрение» Валерия Иванова, я вам по-простецки, как в некрологах не пишут, словами из песни Владимира Высоцкого скажу: «Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт». И главное, что добавлять больше ничего не нужно. Творческие личности сами о себе при жизни еще все споют и скажут. Но я все равно от полноты чувств пару слов вставлю, – как со сцены выводил, подняв руки и вскинув голову, новоявленный лжекиллер. – Ну а за то, что мы теперь здесь от его неугасающей славы харчемся по собственному разумению кто героином, кто колбасой и водкой, как у Вечного огня греемся, прости нас, Господи, за это, грешных!

– Видать, крепко налился.

– Это вы мне? – обескураженно заморгал глазами бомж-оратор Серега, после чего устало сполз по покрытой «шубой» стене и, закрыв лицо руками, разрыдался. – Как с вами жить? Как? Эх, люди, люди...

А когда немного пришел в себя и успокоился, то в полной, установившейся будто в необъятном храме тишине, продолжил:

– Я помню, в квартире моей мамы на зеркале висела наклейка восьмидесятых годов того, уже прошлого века, на которой четкими, веселыми буквами было выведено: «Тольятти – город-сад». Полукругом над маленьким, улыбающимся человечком, который придерживал только что посаженное деревце и обычную дачную лопату. А теперь, скажите мне на милость, что подобает писать художникам на полотнах нынешнего страшного времени, если в уличных баталиях честного люда гибнет день ото дня не меньше, чем в гражданских или мировых войнах, когда сбивается счет утраченных судеб. «Тольятти – город-кладбище». Так что ли? Как дальше жить-то будем?

Александр Август

Сумасшедшая жизнь

«Я не меняю и не придумываю в моих рассказах ничего – имена персонала, клички, номера отделений. Все описано так, как было. И конечно, я не меняю имена «пациентов». Большинства из них уже нет в живых – их убили российские психиатры.

Поэтому я прошу Вас ничего не менять в моих рассказах – ни событий, ни имен. Пусть эти люди останутся такими, какими они были при жизни».

Из письма автора в Редакцию

Вновь поступивший

– Ну, еще одного человека! – кричит корпусной на весь коридор. – Я, что ли, вам обед понесу!

Такую сцену можно увидеть только на десятом отделении – самом «нережимном» отделении спецбольницы.

За обедом могут послать любого, кто попадет на глаза корпусному, без всяких списков и разрешений из спецчасти. Десятое отделение – реабилитационное, где даже палаты не закрываются (они закрыты лишь на пересменок и ночью), и режим здесь не строже, чем в обычной психушке. На десятом не вяжут, не колют, не бьют – тут даже нет надзорной палаты, а если появляется в этом необходимость, человека просто убирают на другое отделение. Здесь даже таблетки принимают в драже, а не в растворе, как повсюду, – вещь для тюремного дурдома невиданная!..

Правда, чтобы попасть сюда, нужно заслужить доверие начальства или обладать какими-то способностями, талантами, профессиями. Музыканты, художники или специалисты по ремонту легковых автомобилей, скорее всего, рано или поздно попадут на десятое... Если, конечно, к ним возникнет доверие у начальства.

Я не владею никакими особенными профессиями и совсем не вызываю у начальства доверия (даже наоборот), и я не музыкант и пока еще не написал ничего, кроме жалоб на психиатров. Года три тому назад меня связали, и, пролежав связанным всю ночь, я остался без обеих рук. Теперь я глубокий инвалид, и, чтобы написать жалобу, мне приходится просить других людей.

За столь незначительную потерю и мое молчание начальство расплатилось со мной щедро: я переведен на десятое отделение.

– А руки? Зачем тебе руки? Тебе шофером не работать!

– Да что это такое? – орет корпусной. – Мне по палатам искать?

Я делаю «умную» рожу и пристраиваюсь к тем, кто пойдет за обедом. Нести, понятное дело, я ничего не могу, да и без меня дотащат – просто на кухне всегда есть кое-какие дела: например, чай купить у работающих там санитаров.

– Э-э, друг, куда это ты? – корпусной отодвигает меня в сторону. – Как понесешь? И тебя же сегодня... – Поняв, что говорит уже лишнее, кричит в процедурку: – Вы заснули там? Заберите его!..

Вот она – плохая сторона «известности»: все тебя знают в лицо и делать незаметную физиономию бесполезно.

Из процедурки выходит Владимирович, старший фельдшер по должности, старший лейтенант по званию, Мюллер по кличке.

– Ты куда это направился, дорогой? – это он мне. – Заходи лучше сюда, поговорим.

Я чувствую, что-то здесь не так, – с чего бы это Мюллер меня в гости приглашал? Что-то произошло, и скорее всего пришли ответы на мои жалобы по поводу рук: где-то около месяца тому назад я разослал их в разные учреждения. Конечно, нелегально. Легально, официально их не отправят, а просто подошьют к моей «истории болезни», и меня же за них накажут. Собственно (и это точно известно), если даже жалобы дойдут до адресата, меня все равно накажут: писать жалобы из тюремного дурдома противозаконно. Но я все равно пишу и надеюсь – что еще остается в моем положении?!

Наверное, я все-таки сумасшедший, потому что бесполезность этого дела понимают все, кроме меня.

– Слушай, – говорит Мюллер с порога с грузинским акцентом (он любит поприкалываться), – скажи мне, только честно, сколько у тебя чая? Коробок? Два? Ты только не ври – я все знаю, потому я и Мюллер. Если есть – давай заварим.

Голова работает лихорадочно. Чай на спецбольнице приравнен к наркотикам, но на десятом на это смотрят сквозь пальцы... Однако не настолько, чтобы Мюллер заваривал тебе чай...

Я уже начинаю догадываться: меня готовят к переводу на другое отделение. Это всегда делают неожиданно, и все происходит так же, как и при поступлении в дурдом: все вещи нужно сдать, взамен ты получаешь казенные из другого дурдома (то бишь отделения), тебя догнала разденут и ошмонают, и если где-нибудь найдут противозаконное – спички, авторучки, чай, какие-то записи и записки, то неприятности могут быть не только у тебя, но и у хозяина «крепостного» (то есть у хозяина отделения, откуда пришел).

Мюллер все это знает, но о переводе сказать, конечно, не может и о том, что будет шмон, – тоже (ничего тут не поделаешь – служебная тайна), но мужик он неплохой (на десятом весь персонал так подбран) и поэтому предлагает сделку:

– Я же все равно знаю – потому я и Мюллер!

Тут он прав: Мюллер в курсе всех событий на отделении, и количество чая, спрятанного по карманам, для него не тайна. Именно за это он получил свою кличку.

– Давай, закурим, – он достает пачку сигарет, – спички-то, надеюсь, у тебя есть?

Я говорю, что спички мне совершенно ни к чему, потому что в результате здешнего лечения пользоваться подобными вещами я совершенно не могу.

– Ах, да!

Он забыл совершенно искренне.

Потом он прикуривает сигарету и сует ее мне в рот.

– Вообще-то, сам знаешь, здесь не положено... но мы в виде исключения.

Тут как раз на выручку Мюллеру нарисовался корпусной – обед тащат в раздатку, и корпусной появляется в процедурной. Теперь уже нет смысла скрывать мой перевод, и Мюллер более строгим голосом (как я понимаю, для вида) требует:

– Александр, все запрещенные предметы – на стол. Остро-колющие... чай... спички... карандаши... авторучки... бумагу...

Я говорю, что у меня ничего при себе нет.

– Ну, я тебя проверять не стану, ты же не новичок, сам знаешь – на другом отделении будет шмон, и если что-то найдут...

Вот оно! Я спрашиваю, на каком.

Мюллер отводит глаза в сторону.

– Пока не знаю...

Сейчас я понимаю, что совершил ошибку: нужно было не мяться и не гадать, а спрашивать сразу – куда? Мюллер мог и ответить без свидетелей – подумаешь, тайна!

А для меня вопрос этот отнюдь не риторический: на «спеце» двенадцать отделений и на каждом режим разный. Иногда они отличаются как день и ночь...

Мы выходим во двор и почти сразу сталкиваемся с грузовиком, который привез что-то в мастерские (при «спеце» есть свое производство).

– Отойди к зданию и повернись лицом к стене! – орет корпусной и дергает меня за рукав.

– Да ничего не будет, – успокаивает его Мюллер.

– Я понимаю, что ничего не случится, а если кто-нибудь стуканет? Слышал?

Я понимаю, о чем они говорят: месяца два назад один из пациентов, так же, как и я, сопровождаемый через двор, бросился под такой же грузовик. Конечно, ничего не случилось, живой остался (скорость у грузовика была не та), но с тех пор по больничке действует приказ: при встрече остановиться должны все, а потом водитель обязан пропустить пешеходов.

Нас пропускают, и мы идем дальше. Третий корпус остался позади – самый нережимный корпус «спеца».

Первый и второй корпуса находятся рядом, и мы идем в ту сторону.

Я рассуждаю, что такое перевод с одного отделения на другое. Иногда это спасение, а иногда наоборот – наказание и мука...

С одной стороны, перевод это хорошо... даже отлично, если ты был под «прессом», если из тебя доктор пытался сделать «растение», и вдруг – перевод! Ради этого отдельные товарищи идут на крайние меры: членовредительство, симуляция, были случаи даже поджигали себя – и все это ради перевода. Чем громче способ, при помощи которого перевели, тем уверенней можно сказать, что «пресс» остался на прежнем отделении: новому врачу ЧП не нужны, он готов все забыть и даже пойти на какие-то уступки (частично отменить таблетки и уколы) – новое начальство не хочет ворошить старые и не свои проблемы.

С другой стороны – чего тут хорошего? Для тебя вся жизнь... **все** должно начаться с самого начала – ты **вновь поступивший**.

Это без преувеличений и без шуток: ты новичок и не важно, сколько лет ты пробыл в этой дурке, год или десять, – отсчет начинается со дня твоего прибытия на отделение. А внутри каждого дурдома есть 10–15 мелких дурдомов, называемых отделениями, и внутри каждого отдельного дурдома свой режим, отличающийся от режимов других дурдомов.

Поэтому перевод с отделения на отделение – это оружие не только пациентов, но и врачей. Так ты можешь гулять с одного этажа на другой годами и всегда оставаться новичком. Причем, все переводы могут делать за пару недель до центральной – московской – комиссии, и кто же выпишет вновь поступившего?!

Ага, мы подходим к первому корпусу, хотя можно сказать, что и ко второму: они связаны между собой вестибюлем, из которого пути расходятся. Прямо – дверь в бывший прогулочный двор, налево – второй корпус, лечебный (от этого слова в дрожь кидает), направо – штрафной и приемный одновременно, но хрен редьки не слаще.

Вот тут-то все и начинается, прямо как в сказке: налево пойдешь – себя потеряешь, прямо пойдешь – ничего не найдешь, а направо пойдешь... Я глубоко вздохнул, задержал дыхание и зажмурился...

«Господи, сделай так, чтобы я жил как в сказке... Да не в этой же, Господи!!!»

Повернули направо...

Мюллер заметил мое состояние и что-то пробурчал утешающее.

Когда они вяжут – тоже успокаивают и очень похоже.

Звонить пришлось минут пять (чем они, интересно, заняты там внутри?). Наконец ключ заскрежетал в двери, и в окне показалась рожа дежурного. Открыли. Я переступаю порог. Этот корпус для меня как дом родной – я его вдоль и поперек исползал. За четыре года это двадцатый перевод! Или двадцать первый, я уже сбился... Я хихикаю: если двадцать первый, то дальше уже перебор...

В двух метрах от двери знаменитая лестница – она начинается на первом этаже и заканчивается на пятом.

Каждый этаж – это отделение, по порядку: первый этаж – первое отделение, второй – второе... Дверей между этажами нет, так что с первого этажа можно видеть пятый – тот самый единственный здесь этаж, куда я сейчас так стремлюсь.

На первом мне совсем ничего не светит – это карантин, но я задерживаюсь пару секунд на пороге, мало ли... Каждый психиатр по-своему с ума сходит, так почему бы и не в карантин?

Корпусной толкает меня ключом, и я поднимаюсь на второй этаж и там стою секунду. Второе отделение – экспертиза, но со мной-то все ясно и понятно: дурак я аттестованный и зачем второй-то раз?

Двинулись на третий. У меня сердце в груди заколотилось: третье отделение – самое страшное из того, что я когда-либо видел, а уж мне в дурдомах увидеть пришлось многое.

У Кати, заведующей третьего, правило есть: любой вновь поступивший должен пройти курс нейролептиков в уколах, и уж если к ней в лапы попадешь, то она возможности вырваться не даст – тут же на месяц и свяжут. «Полечить» Катя любит! И с электричеством она дружит: на «СТ» у нее залететь очень просто. Катя баба современная... Вот как объяснить, почему основные садисты в дурдомах – бабы?..

На третьем не останавливаюсь ни на секунду – надо будет, окликнут! Никто не окликает, и я вздохнул облегченно – самое страшное прошли!

Вообще-то «пресс» могут устроить где угодно, на любом отделении, вон хоть и на четвертом. Считается – отделение неплохое, с мягким режимом, с третьим сравнивать нельзя, нет тут ни «СТ», ни атропина, даже инсулин тут не проводят, а как они здесь меня-то с руками... Я пулей пролетаю мимо четвертого – меня тут не оставят!

И сразу перехожу на шаг – меня на пятое. Хоть сегодня повезло! Для меня лучше этого этажа нет во всей больнице. Останавливаюсь у окна и жду корпусного с Мюллером. Затем без всяких напоминаний иду к процедурной – я здесь раз шесть был и все знаю. Пятое отделение – мой дом родной... Корпусной торопит – вот-вот должен начаться обед.

Захожу в процедурку и улыбаюсь – все знакомые лица.

– Какими судьбами, Александр? – это ко мне обращается старший фельдшер. Они с Мюллером здороваются за руку. – Я слышал, все режим нарушаешь? Жалобы строчишь? Лечить тебя надо, лечить.

Но это он так, без всякой злобы, скорее, для окружающих.

– Давай все запрещенное на стол и раздевайся. Догола. Письменные принадлежности есть?

– Откуда?

– Ну-у, откуда... Ты же с десятого.

Я стою голый, и на меня уставилось пять пар глаз со всех сторон: Мюллер, корпусной, санитар, фельдшер и медсестра. Только ненормальный мог бы попытаться что-то протащить, если бы что-то и было, хоть те же спички. Я бы отдал все Мюллеру с курткой еще на десятом.

Мюллер собирает в кучу мои вещи, а я получаю взамен новые, то есть другие, со штемпелем пятого отделения.

– Одевайся. И давление нужно бы померить... К врачу на прием завтра.

– А зачем это?

– Как зачем? Мы в медицинском учреждении.

Мюллер со всеми прощается за руку и уходит.

– Ну что? – Фельдшер убирает прибор для измерения давления в стол. – В девятнадцатую его, – это уже санитару, – с Яволей. Александр, повезло тебе – в «бронбойку».

– А в другую нельзя?

– Можно было бы, но ты же вновь поступивший... Первый раз, что ли? Не знаешь?

Нелепость сказанного до него так и не доходит, но спорить бесполезно, таково правило: несколько дней новичок сидит в «надзорке», а на пятом надзорка – это девятнадцатая, и соседей там не выбирают...

Рассказывают, что когда Яволя поступил (лет десять тому назад), был он такой же, как все, не лучше, не хуже. Но, после того как попал к Кате и та проверила его на «электропроводность», в башке у него что-то сломалось и починить уже не смогли. Да и мало какая голова электросудорожную терапию без последствий выдержит. Так он и превратился в отделенческого дурачка, над которым все потешаются. А быть дурачком в дурдоме трудно...

Я тоже боюсь, что в башке что-нибудь сломают – мою голову они даже чинить не станут.

Однажды, разозлившись на мои жалобы в прокуратуру, главврач так и сказал:

– Головы не будет, и руки тебе не понадобятся.

Это он, скотина, по поводу моих рук и жалоб тонко намекнул.

Но я все равно пишу – в конце концов, сумасшедший я или нет?

Мы идем с дежурным санитаром в самый угол здания. Надзорка там. С одной стороны от нее – раздевалка для персонала, с другой – раздатка и лестница. Тут всегда больше глаз. А «бронбойка» потому, что вся палата – из органического стекла. Стекла в пару сантиметров толщиной, бронбойные – и в основном окне (стене), и в двери...

Рассказывают, что лет пятнадцать назад все двери здесь были как двери, как и положено в тюрьме – железом обитые, с глазками и кормушками. Они и сейчас такие в раздатке и раздевалке, а все остальные поменяли на деревянные, и вместо глазка – окно-кормушка из стекла

(а в «бронбойке» стекло органическое), чтобы разговоров не было о каких-то там «психиатрических тюрьмах».

Дежурный открывает дверь, и на пороге, оскалившись и в угрожающей позе, стоит Яволя – это он всегда так, если видит кого-то в белом халате.

– Я тебе сейчас в рыло заеду, если на кровать не ляжешь! – дежурный делает шаг вперед.

Яволя послушно забирается под одеяло. Говорить-то он не может, но все понимает...

Дверь за мной захлопывается и почти сразу приносят обед (все уже давным-давно пообедали) и нейролептики в растворе (когда растворить-то успели?).

Я к этому никак не готов – ни психологически, ни физически, что важнее. У меня еще нет ни фальшивых пузырьков, ни стаканов. Я безоружен, и поэтому приходится выпивать все это. Хорошо еще, если все это как было на десятом, а если в растворе уже что-то другое? Тогда – все, привет родителям... неделю из жизни нужно будет вычеркнуть.

И уже чувствуя, что наваливается сон, успокаиваю себя, что это все равно лучше, чем на «трехе» – там я давно бы в «коматозе» был, да еще и связанный.

Вечер и темнота в камеру-палату приходят быстро: окна в бывшей женской тюрьме настолько узкие, а стены настолько толстые, что свет почти не проникает внутрь. Лампочка висит не посередине помещения, а спрятана глубоко в стене.

Я еще дремлю от этого полумрака и тишины, как вдруг Яволя начинает что-то бормотать, потом встает с кровати и бьется головой о стену. Я молчу – голова-то, в конце концов, его, не моя... Потом стена ему чем-то не понравилась, и он принимается молотить лбом по двери – удары, как выстрелы из пушки, нарушают тишину. К двери бежит весь персонал, о чем-то меж собой переговариваясь. Я затаихаю. Сейчас можно попасть в «непонятное» или просто под горячую руку, так как его через минуту начнут «молотить» и вязать.

Но день сегодня, видимо, действительно сумасшедший, как и все вокруг меня. Я слушаю и не верю своим ушам: они всей толпой уговаривают Яволю «пожалеть свою больную голову»! И хоть после отбоя курить строго запрещено, заключают с ним сделку: с шуточками и хихиканьем сестра тащит пачку махорки, и они общими усилиями в шесть рук сворачивают ему огромную, в три пальца толщиной, самокрутку. Как такую курить?! Это же бревно...

Я уже не скрываясь сижу на кровати и наблюдаю весь этот спектакль. Наверное, им просто скучно на смене и они развлекаются. Это хорошо еще, что так – без злобы, а могут ведь и по-другому, как это случилось не раз: привязать к кровати на неделю и бить регулярно, как по расписанию, каждый час-два. Тоже развлечение, но на любителя...

Дают Яволе покурить. Я с тоской смотрю в сторону закрытой на замок форточки. Если все это Яволя выкурит, то меня снова переведут – теперь уже на терапевтическое, с отеком легкого. Но сказать это вслух я боюсь – неведомо, что они могут сделать со мной за испорченный спектакль. Я запросто могу стать главным персонажем какой-либо следующей развлекухи.

Дневальный правильно понимает мой взгляд, заходит в палату и открывает форточку.

И тут мне в голову приходит мысль, что это один из методов воздействия на непослушных и упрямых. Посидишь с таким Яволей год в одной камере, без книг-радио – шелковым станешь, лишь бы убрали.

Я уже не волнуюсь так, как прежде: в конце концов, пока что я в зале, а не на сцене, и сидеть мне с ним не год, а лишь три дня.

Выкулив свою «бомбу», Яволя успокаивается и без всяких уколов и «кулазина» засыпает.

Я тоже забираюсь под одеяло и засыпаю с мыслью, что, хоть я и вновь поступивший и все в моей жизни началось с самого начала, мне очень повезло. Я попал в хороший дурдом – пятое отделение.

Но я знаю и помню одно: точно так же, как и сегодня, меня могут вызвать с вещами и отправить в другой дурдом, в другой город и там по-настоящему все начнется сначала.

Сочинение

События происходят в Великом Новгороде, в психбольнице на Сметанинской Мызе, на первом отделении. Не изменена даже фамилия главного героя: жил когда-то там такой Ласков Сергей Сергеевич. Была и контрольная по алгебре, и выборы, и сочинение... И француз был...

Санитар зашевелился в углу, поднял голову, зевнул и потянулся. Потом бросил взгляд на часы. Маленькая стрелка стояла на цифре шесть. В семь подъем, там завтрак и смена – пошевеливаться пора...

– Ну-ка, ты, олух царя небесного, швабру быстренько в руки и мыть полы! Быстро, быстро! Я кому говорю?! – за ногу стащил Ласкова на пол. – И не забудь, в школу сегодня. Сочинение еще за тобой и алгебра!..

Ласков сонно встал на четвереньки и тут же нырнул под кровать, на ощупь в темноте пытаюсь отыскать два спрятанных с вечера здоро-

венных окурка и целую спичку. Потом молчаливой тенью прошмыгнул мимо санитара в туалет и закурил.

Жизнь сразу перестала казаться отвратительной, сон пропал, и мысли потекли спокойно и неторопливо.

«Ну что, козел, привязался? Третью смену подряд, дает, гад, одно и то же задание: сочинение на тему „Как сюда попал и как мне здесь живется“. И всегда его что-то не устраивает: то слог, видите ли, не тот, то ошибок много. Эстет хренов! А потом по отделению ходит и всем показывает... В прошлый раз орал: алгебра, алгебра! А когда ему сказал, что гипотенуза – это из геометрии, а не из алгебры, заставил возить его верхом по всем палатам и ржать... Козел!»

Ласков докурил окурочек до того, что тот прижег губы, и, сплюнув от боли, с сожалением бросил его в унитаз. Посмотрел внимательно на окно в двери – не наблюдает ли санитар – и запустил руку в стоящую рядом урну в надежде отыскать новый, а не найдя, нехотя поплелся за шваброй: полы-то полами, а сочинение к концу смены не закончишь – по шее точно получишь.

Шваброй немного повозил туда-сюда, чтоб хоть немножко сыро было – ну, чего там мыть-то? Ночью ж никто не ходил – и в палату быстренько за авторучкой и бумагой (санитар с вечера снарядил в школу). Потом устроился в столовой, пока там никто не ползает и не мешает, разложил перед собой бумагу и, взяв в рот авторучку, задумчиво уставился в потолок.

«Сочинение Ласкова Сергея Сергеевича... Я что... Вообще погода давно стоит хорошая и поэтому жевать легко».

Он перечитал написанное, состроил недовольную гримасу и, вырвав из тетради испорченный лист, смял его. Слова, которым было так легко и свободно в голове, упорно не хотели ложиться на бумагу, и иначе как муками творчества назвать это было нельзя...

«Сочинение Ласкова Сергея Сергеевича, – начал он снова. – Я вообще пишу всем, санитар все равно покажет. Ну и пусть... Я поступил в больницу в шестьдесят шестом году. Мать меня привезла, говорит, больной ты и надо подлечиться. В больнице мне хорошо: здесь меня кормят, моют, одевают и бьют. Но это, когда что-то делаю не так. В обед нам дают суп и кашу и из передачи что там есть. Вот такая вот у нас жизнь...»

Он опять взял авторучку в рот и уставился в потолок, словно желая отыскать там исчезнувшие слова и удивляясь тому, что забыл, как сюда поступал.

«Вообще, мужики, не знаю, что и писать-то... Ну, как мне здесь живется? Известное дело как... И я, между прочим, ему, дураку, могу рассказать не только, как поступал...»

Ласков остановился и внимательно перечитал написанное, потом словно от боли скривил рот и жирно зачеркнул слово «дураку» так, чтобы прочесть было нельзя, – подай ему не замазав, так он не только верхом проедется, но и простыней взнуздает...

«Вот, к примеру, кто скажет, в чем основное отличие жизни здесь и там, у вас? Ага, молчите, а я отвечу: у вас тысячи маленьких проблем, а здесь одна большая. Она все место занимает – дурдом, и давит она постоянно со всех четырех сторон, и самое главное здесь: не дай бог, если ты останешься один, без родственников, – тогда тебе хана... А я вот остался... У вас к человеку относятся как? Да одинаково, не важно, есть у тебя кто или нет... А тут только с позиции силы и возможностей. А какие у меня возможности, если нет родственников? Сам я не могу ни сходить куда-то, ни написать – все только через доктора да через доктора... А доктор что? Вот один товарищ у нас несколько лет назад взбунтовался, не помню уж из-за чего, от пищи отказался и прокурору написал, и что? Вызвал его тот самый врач, обозвал как-то обидно, ипохондриком, кажется. “А жалобы твои, – говорит, – бредового содержания, а раз так, будем лечиться!” Но лечиться здесь, мужики, значит совсем другое и не то, что вы думаете, а совсем даже наоборот. А все потому, что у того больного никого не было, вступить никто не мог. Потом, через пару недель уже, все на обходе к нему приставал: „Ты хоть понимаешь, где находишься? В сумасшедшем доме!“ А я вам так, мужики, скажу по своему жизненному опыту: если уж театр начинается с вешалки, то сумасшедший дом – непременно с врачебного кабинета... Так вот, когда я это понял, я и стал таким: мой полы – мою, вози верхом – вожу».

Сергей перестал писать и, водя указательным пальцем по строкам, перечитал все. Потом пересчитал оставшиеся листы чистой бумаги –

их оставалось всего три. Почесал задумчиво затылок и вновь приступил к работе.

«Вообще-то, мужики, я ему сочинение пишу и полы мою не задаром, не запросто так: дураков-то и в дурдомах уже нет, а времена субботников давно прошли. Вот помою полы на коридоре и в туалете – он мне курить что-нибудь выделит или, по крайней мере, в туалет будет выпускать, а разве этого мало? Ну а за сочинение плата будет отдельной: я когда ему „контрольную“ по алгебре сдал, они всей сменой собрались вместе и долго ржали и сразу же мне пожрать организовали – супчику там и хлеба немного. И курить, конечно. А уже потом, через два дня, когда он смену следующую принимал, накинул на меня покрывало с кровати, как попону на лошадь и отделение на мне верхом объезжал. Это, говорит, круг почета за хорошую контрольную. Он ее своей жене показывал, а она, говорит, смеялась. Только что смешного может быть в алгебре? Наука-то серьезная. А попробуй выступи и скажи, что нет, сочинение писать не буду, алгебру тоже, а полы мыть вы сами обязаны, и нечего дедовщину в дурке разводить! Что будет, знаете? Ого-го-о! Я один раз так и сказал ему: и про дедовщину, и про полы, которые он ни разу не мыл. А что он мне в ответ, догадываетесь? А тогда, говорит, без дедовщины: мы все по уставу делаем, а устав для тебя я сам придумал! И придумал. Но об этом, мужики, на трех страницах не рассказать и в этом сочинении не уложиться – это целый роман о моих приключениях! А что я мог сделать? В надзорной палате санитар сидит круглосуточно и за нами наблюдает, и от него под одеялом не спрячешься – вытащит! И так двадцать четыре часа».

Ласков перечитал написанное очень внимательно, посмотрел на оставшуюся бумагу, вздохнул с сожалением – вот так всегда: пришло вдохновение и – заканчивай!

«Я что-то отвлекся, мужики, и не о том... Давайте-ка лучше расскажу вам, как первый раз в жизни голосовал. Вот вся жизнь у меня, считай, прошла в психбольницах, а такое лишь раз было, до сих пор вспоминаю. Потом еще много раз голосовал – за мэра и губернатора и даже за президента, а вот первые свои выборы забыть никак не могу. Меня тогда, после них,

неделю привязанным держали и уколами в себя приводили – вот это впечатление так впечатление!

Раньше-то я о таком не мог и подумать, сказали б – совсем спятил малый, а тогда вот заговорили о злоупотреблениях советских психиатров в политических целях, и, пожалуйста, голосуйте, Сережа, на здоровье! Гласность все-таки и, значит, демократия.

Ну вот. Жил я тогда, как и сейчас, в надзорной палате – я в ней всегда живу, в другую почему-то не выпускают, боятся, что ли? Прошу у санитаря, чтоб выпустил. Он: куда мол? в туалет? А куда ж еще? Ну, захожу туда и сразу сажусь на горшок – вроде я и правда по своим делам, но это так, для конспирации, на случай если санитар проверить захочет. А сам между делом руку в урну запустил – она рядышком стоит – и окурки там потихоньку нащупываю (он, сволочь, мне курить по полдня не дает – уши пухнут). Тут как раз один больной входит и говорит, значит, что выборы завтра будут в новый Верховный Совет и голосовать будет все отделение, даже надзорка. Неужто, думаю, все? Да не может быть такого? Во новость так новость – это ж с ума сойти можно! Тут я, мужики, признаюсь, до того разволновался, что забыл про всякие там конспиративные тонкости, быстренько урну опрокинул, собрал окурки, потом штаны натянул и в палату. А там уже суета предвыборная, беготня – полы драют, окна. От города, говорят, кто-то будет присутствовать. Пока я глазел на все это, санитар отловил меня и быстренько швабру в руки. Я разозлился, конечно, думаю, в такой день одному не побыть, не подумать! Вот козел! И тут мне как прозрение пришло – думаю, кто ж тут, в надзорке, голосовать-то будет? Как они, интересно, урну сюда доставят? Или всю надзорку на цепи куда поведут? Только подумал, так и представил это, да как заржу на всю палату словно конь! Санитар сразу по шее хрясь! Ну я и замолчал, а сам дальше рассуждаю.

Если, думаю, поведут туда, то как Француз дойдет? Позвоночник у него поврежден, и ходить, как все нормальные люди, он не может, да к тому же за последние полгода он три телевизора разбил, радио, а стекло – так не счесть. Он же от урны мокрого места не оставит! Вон рядом Сережа, тезка мой, так тот вообще дурак глуховой, еще круче Француза – даже говорить не может. Двоих с белой горячкой не в счет – они уже неделю как к кроватям привязаны. Потому ведь и надзорка,

что собраны самые-самые, кому особый надзор нужен. У вас ведь как? Всех ненужных и сумасшедших – в дурдом. А в дурдоме-то куда дураков девать? Таких вон, как Француз? А в надзорную палату – куда ж еще-то? Она у нас все равно как дурдом внутри дурдома – потому тут, в надзорке, одни дураки!

Ну со мной-то, дело ясное, ошибочка у них вышла, сами видите – здоровый я. Да такие, как я, и на свободе голосуют, а вот эти-то наши избиратели... Тут я опять как заржу, и снова санитар мне по башке хрясь! И как замкнуло сразу, как само на другой канал переключилось: а за кого голосовать-то, мужики? Вам то хорошо – вы и газеты читать можете, и телевизор у вас, и радио, а тут, в надзорке, никакой информации. Санитар-скотина этой ситуацией воспользовался, залез на мою кровать прямо в грязных тапочках и речь оттуда двинул предвыборную и кандидата своего назвал. За него, говорит, и голосуйте. А если, говорит, хоть одна падла против выступит, я разбираться-то долго не буду и проблем вам организую: вечером вся палата в Бетховена играть будет! Это они игру такую придумали – Бетховен: ставят всех в ряд и заставляют на губах музыку дудеть. А я что – дурак, что ли? Да лучше я ему месяц буду хоть петь, хоть дудеть, мне не привыкать, но за его кандидата голосовать не буду. Они же хотят у власти своего поставить и из всей страны сделать один большой дурдом. У вас ведь там и так точь-в-точь как у нас на реабилитационном отделении, даже хуже – я два раза в побеге был и все видел... А если, думаю, начнется подсчет голосов и мой – решающий?! Зачеркну все фамилии, санитар не заметит, а я зачеркну и не буду брать на себя такую ответственность. С тем и заснул.

И снится мне, мужики, что не я буду кого-то выбирать, а меня. Я-то знаю, что сделать было бы нужно, будь я депутатом или, еще лучше президентом, то есть у руля. Я бы все дурдома закрыл к чертовой матери! Ну скажите мне, что они делают? Лечат, скажете? А я всю жизнь тут провел, но ни одного вылеченного не видел. Покажите мне такого! Наоборот видел приходилось, а вот чтобы здоровые отсюда выходили – не помню. Я это однажды и врачу моему сказал, а тот мне говорит: „У тебя бред“, – и на уколы меня пристроил... Или вот, мужики, еще идея: я бы всех местами поменял. Пациентов – в Думу и правительство, а тех – в дурдома... А вы что, считаете, я не справлюсь? Это вы меня не знаете, я ведь не хвастун

какой, и запросы у меня самые скромные. Я не хочу ноги мыть в тихоокеанских водах, я это могу и в ванной сделать, если, конечно, этот козел ее будет открывать – у него же никогда не допросишься... И только я собрался Указ подписать, чтобы санитар ванную комнату всегда открывал, как эта скотина меня за ногу тянет и орет в ухо: „Ну-ка ты, олух царя небесного, швабру в руки и пошел! Да что б чисто было – выборы сегодня!“... Ну нигде от него покоя нет.

А только напрасными были все волнения. Санитару-то интересно было, за кого я голосую, – так и норовил через плечо заглянуть, но, на-кася выкуси, голосование-то тайное. Рядом с урной – старшая медсестра и представитель городских властей. Так до сих пор никто и не знает, что я тогда все фамилии зачеркнул... А как Француз, Сережа и эти с белой горячкой голосовали – цирк. Санитар Сереже помогал бланк опускать – пальчиком его в щель, пальчиком, а Сережа все норовит голову уложить на урну, как на подушку, и мычит что-то, и в грудь себя кулаками колотит – чистый Кинг-Конг. Я, понятое дело, глядя на все это, заржал как конь, а санитар мне так вкрадчиво на ухо: „Они все уйдут – я с тобой разберусь!“ Потом они меня после всего к кровати на неделю прикрутили и амиразином кололи... А что я такого сделал-то?

Так вот там на выборах один, что с белой горячкой, очухался – так он ничего, отголосовал. А со вторым как быть? Санитары тут же у кровати посоветовались меж собой и решили его развязать – на несколько минут. И почти развязали уже, да он в них плевать стал и заорал такое нецензурное, что с другого какого избирательного пункта сразу бы в милицию забрала, а тут обошлось: санитар рукавом лицо вытер, жгуты опять затянул и в ответ такое сказанул, что тот замолчал и вроде даже сразу пришел в сознание. Все отголосовали, значит, один Француз остался. А Француз что? Француз он и есть Француз, все у него не по-русски, он и говорит-то не поймешь, на каком языке и с каким акцентом. Одним словом, Француз».

Ласков сидел на кровати и молча почесывал зашибленный бок. Ну вот за что, спрашивается? «Не по теме, не по теме». Подумаешь! Да и кому это интересно, как мне здесь живется и как я сюда поступил? Про это в истории болезни написано... А вот про выборы в сумасшедшем доме нигде там не написано.

Хроника нарушений прав человека в психиатрической системе здравоохранения Российской Федерации

Основные права пациентов психиатрической системы здравоохранения гарантированы Всеобщей декларацией прав человека, Резолюцией ООН № 46/119 «Защита лиц с психическими заболеваниями и улучшение психиатрической помощи», Европейской конвенцией о защите прав человека и свобод, Международным пактом о гражданских и политических правах, Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и др.

Основные моменты нарушений в психиатрии в Санкт-Петербурге и Ленобласти, на наш взгляд, следующие:

- необоснованная недобровольная госпитализация граждан;
- ущерб здоровью пациентов из-за высоких дозировок препаратов и длительного применения;
- жестокое обращение в психиатрических учреждениях, в том числе необоснованно длительное содержание в психиатрических учреждениях;
- принуждение проживающих в психоневрологических интернатах женщин к абортам;
- отказ в предоставлении точной информации об основаниях госпитализации, проведенном лечении, либо предоставление формальных отписок;
- неинформирование о правах пациента.

Перейду к конкретным случаям.

Серина Нина (фамилия и имя изменены), 1979 г.р., проживает в одном из психоневрологических интернатов (ПНИ) Санкт-Петербурга.

21.08.96 она родила дочь. 20.04.98 была госпитализирована в психбольницу (ПБ) № 1 имени Кащенко. 7.05.98 прокуратура обратилась в суд с заявлением о признании ее недееспособной (кто обратился в прокуратуру с такой просьбой – неизвестно). 1.12.98 ребенок был помещен в психоневрологический дом ребенка. 28.12.98 ребенка удочерили. 13.04.99 вынесено решение суда о недееспособности Сериной.

Серина Нина в возрасте 3 лет была помещена в детский дом № 29 (обычный детский дом, не специализированный). Она получила 8-летнее образование, в 1995 г. из детского дома была выписана. Ей была предоставлена комната в трехкомнатной коммунальной квартире в г. Пушкине.

Ее родители жили также в Пушкине. Нина ходила к ним в гости. В 1996 г. отец умер. Мать предлагала Нине прописать к ней старшую сестру Валерию (имя изменено), но Нина категорически отказалась. 13 апреля 1998 г., когда Нина была у матери в гостях, мать вызвала машину «скорой помощи» и отправила Нину в психиатрическую больницу № 1 им. Кащенко, которая расположена в Ленинградской области. Согласия на госпитализацию Серина Нина не подписывала. Нина была помещена в 18-е отделение и в течение года находилась в больнице. Мать написала заявление в ПБ им. Кащенко, что Серина Н. не может себя обслуживать, готовить, стирать. Кто именно обратился в суд с заявлением о признании Сериной Н. недееспособной, она не знает. Случайно Нина увидела под стеклом в ординаторской извещение о рассмотрении дела в суде по поводу ее недееспособности. Она обратилась к заведующей отделением с просьбой дать ей возможность участвовать в судебных слушаниях. Заведующая отделением ответила ей, что она «даун» и делать ей на суде нечего. 13 апреля 1999 г. состоялся суд в г. Гатчине, и Серина Н.В. была признана недееспособной.

В психиатрической больнице № 1 Серина Н. находилась 8 (!) лет. Из 18-го ее перевели в 16-е отделение. Там вши ползали по полу. От вшей избавились с большим трудом. Вши появляются из-за того, что в больницу привозят бомжей. Поступают они из приемного покоя сразу в отделение. Периодически в отделении возникают вспышки дизентерии. В 18-м отделении Нина дежурила по ночам на посту вместо медсестры и санитарки. Сериной и другим пациенткам постоянно приходилось мыть палаты, туалеты, коридор.

В отделении работал психолог К., мужчина в возрасте. Когда однажды Нина гуляла по территории больницы, К. предложил ей «прогуляться» с ним в кусты за территорию за 100 руб. Нина пожаловалась

на К. начмеду больницы. Начмед выгнала Серину из кабинета, после этой жалобы Сериной закрыли свободный выход из отделения.

В 16-м отделении она вместе с другими пациентами больницы по приказу главного врача ходила на уборку территории медицинского городка в пос. Никольском. Пациенты мыли подъезды домов, где проживает персонал больницы, убирали траву с газонов (мужчины косили, женщины складывали в мешки и носили на помойку), мусор, подметали тротуары. В больнице имеются мастерские, где делают папки. Нина работала и там. Точно так же, как и в 18-м отделении, в 16-м мыла полы. Если полы были плохо вымыты, то заставляли перемыть. Расплачивались с ней сигаретами, а если сигарет не было – окурками! 16-е отделение находится на 3-м этаже. Бидоны с едой должны поднимать в отделение кухонные рабочие, но делать это приходилось самим пациенткам. Буфетчица расплачивалась за работу 2 сигаретами каждому.

На данный момент Серина Нина живет в психоневрологическом интернате в СПб, ведет себя нормально, никаких странностей у нее нет. Она желает жить в своей комнате, чтобы иметь возможность общаться с людьми, что-то себе покупать, работать, как все нормальные люди.

Гражданская комиссия по правам человека СПб обратилась в прокуратуру г. Пушкина по поводу жилья Сериной Н. Из прокуратуры был получен ответ, что Серина выписана из своей комнаты, но комната за ней закреплена с тем, чтобы, если Серина выпишется, она могла вернуться к себе. Однако в ПНИ Сериной не разрешают вернуться в свою квартиру. Во время проживания в ПНИ Серину принудили сделать аборт.

Сообщение составлено с ее слов, подтверждено ее мужем, К.В.М., дееспособным человеком.

Случай Е. Лидии Александровны

Е. Лидия Александровна, 1946 г.р., уроженка Оренбургской области, проживает в г. Кингисепп Ленинградской области. Лидия Александровна переехала в Кингисепп из Оренбургской области в августе 1987 г. У нее имелось не выявленное на тот период заболевание почек, появились головные боли и бессонница. Е. обратилась по этому поводу к психоневрологу кингисеппской больницы Д.Р. Та направила Е. на обследование в городской эпилептологический центр г. Санкт-Петербурга (ГЭЦ). По результатам обследования Е. был поставлен диагноз «истерический невроз». Однако направление Д.Р., с которым Е. ознакомилась непосредственно перед приемом врачом ГЭЦ, содержало

ложную информацию. В нем было написано, что якобы Лилия Александровна страдает ночными припадками и направляется на обследование в ГЭЦ из психиатрического стационара. Ни в каких психиатрических больницах Е. никогда не лежала. Врачи ГЭЦ, не обнаружив у Е. эпилепсии, поставили единственно возможный диагноз «истерический невроз» на основании информации Д.Р. о том, что у Е. якобы имеются ночные припадки.

После обследования Е. обратилась за разъяснениями к врачу Д.Р. по поводу ложных сведений. Д.Р. объяснила, что сделала это из наилучших побуждений, чтобы к Е. «внимательнее отнеслись при обследовании». Е. никогда больше к психоневрологу Д.Р. не обращалась. По заключению института в Санкт-Петербурге, где Е. с 15.12.97 по 27.01.98 проходила полное обследование при установлении инвалидности по общему заболеванию в связи с болезнью почек, ей был поставлен диагноз «выраженный неврозоподобный синдром на фоне значительного астенического состояния». В 1996 г. домой к Е. пришла медсестра из поликлиники, помощница психиатра Д.Р. Дочь Е., прежде чем открыть дверь, спросила, кто это. Медсестра громко закричала: «Откройте! Я медсестра, меня послал психиатр». Войдя в квартиру, медсестра потребовала, чтобы Е. явилась на психиатрический осмотр. На вопросы Лидии Александровны медсестра сообщила, что Е. состоит у психиатра на диспансерном учете. Е. пошла в поликлинику и стала выяснять, на каком основании она поставлена на диспансерный психиатрический учет. Вразумительного ответа она не получила. Е. написала несколько запросов, обращалась за разъяснениями к главному врачу лечебного комплекса по этому поводу. С таким же вопросом обращался за разъяснениями и адвокат Е. Однако никакой информации им не предоставили, ссылаясь на врачебную тайну и должностные инструкции. После появления дома у Е. медсестры ее соседи стали распространять сплетни, что она ненормальная и стоит на психиатрическом учете. (Позднее Е. выяснила, что из-за плохой звукоизоляция соседи смежной квартиры слышат происходящее в квартире Е. Соседка была связана с криминальным элементом, человеком, отбывавшим уголовное наказание в связи с квартирными кражами.) Е. несколько раз обнаруживала дома кражи вещей. По этому поводу она обращалась в милицию. Заявления Е. о кражах были переправлены психиатру Д.Р. Д.Р. направила в отдел милиции сведения, что у Е. якобы «психопатия параноидального круга», «паранойя»; что Е. стоит на консультативном учете; ее жалобы имеют «паранояльный, необоснованный и явно болезненный характер»; Е. имеет «склонность к конф-

ликтам, кверулянтству, сутяжничеству». В результате Е. была лишена защиты со стороны правоохранительных органов, ее жалобы оставались без ответа. Е. обратилась в суд с жалобой на незаконные действия врача-психиатра Д. Решением Кингисеппского городского суда от 18.09.2000 г. в удовлетворении жалобы было отказано. Е. обжаловала это решение в Ленинградский областной суд. Судебная коллегия Ленинградского областного суда отменила решение Кингисеппского городского суда и направила дело на новое рассмотрение. 19 марта 2001 г. решением Кингисеппского суда жалоба Е. была признана обоснованной, действия врача-психиатра незаконными. 13 августа 2001 г. Е. обратилась в суд с исковым заявлением о возмещении морального вреда. Решением Кингисеппского районного суда иск Е. о возмещении морального вреда был частично удовлетворен. В пользу Е. была присуждена компенсация в размере 5000 рублей.

По этому делу представители Гражданской комиссии по правам человека СПб участвовали в судах по отмене первого решения Кингисеппского суда об отказе в удовлетворении жалобы Е., в рассмотрении жалобы в первой инстанции в новом составе судей, в рассмотрении жалобы о компенсации морального вреда. Фактически по этому делу было выиграно три процесса.

Случай Котовского Андрея

Котовский Андрей, 1969 г.р., в ПНИ в СПб с 12 апреля 2000 г. Попал туда из психбольницы № 1 им. Кащенко, где провел в общей сложности два с половиной года. Один год Котовский находился на принудительном лечении. Принудительное лечение было назначено за попытку угона милицейской машины в состоянии алкогольного опьянения. Диагноз вялотекущей шизофрении у него уже имелся. Котовский получил его в армии за то, что подрался с замполитом полка. На наблюдении в психоневрологическом диспансере никогда не состоял, к психиатрам не обращался. Принудление в ПБ им. Кащенко длилось один год. Находился Котовский в 6-м отделении. Процесс лечения заключался в том, что пичкали таблетками и делали капельницы. Один раз назначали внутривенно, капельно аминазин с галоперидолом. Лечащий психиатр Андрея ходила по отделению с медицинским дипломом в рамке под мышкой и на все вопросы демонстрировала пациентам диплом. Она тыкала пальцем в диплом со словами: «Видите, я – дипломированный психиатр». Через полгода она куда-то исчезла. Лечение Котовскому она назначала следующим образом: «Что-то ты ве-

сельный, надо тебя поколоть». Через некоторое время: «Что-то ты грустный, надо тебя поколоть». В ПБ им. Кашенко были запрещены кофе, чай, сигареты, спички. Однако у Котовского все это было в тайнике. У него все отобрали и насильно сделали укол. Санитаров взяли из другого отделения. Через две недели уколов по три раза в день Котовский не мог сидеть и вставать. Ходил с трудом, хромя. Котовский обратился к врачу с просьбой отменить уколы. Ему сказали, что отменят. На следующий день пришла медсестра с капельницей, сказала, что вместо уколов назначили аминазин с галоперидолом капельно. Примерно неделю делали капельницы. Было состояние полной апатии. От препаратов всех пациентов мучила жажда. Но пить давали три раза в день по маленькой кружке слабого чая, какао или компота с червями (червяки из сухофруктов плавали прямо в компоте). Все остальное питье – сырая вода из-под крана в туалете. Прогулки бывали не каждый день, выгоняли всех сразу в прогулочный дворик – загон с двумя-тремя корявыми дикими яблонями, обтянутый сеткой. Травы никакой нет, тени нет. В загоне было человек семьдесят, трех-четыре лавок на всех не хватало. Персонал брал воду для себя, пациентам, конечно, воды никто не давал. Поэтому многие старались на прогулки не ходить. Выгоняли на прогулку часов в 10 после завтрака и приема таблеток, «гулять» пациенты должны были до обеда. Если кому-то тяжело было находиться такое время на ногах на жаре, то никто в отделение его не отводил. Как-то санитар взял Котовского в помощники, чтобы что-то отнести в 4-е отделение. Это отделение для слабых пациентов. Многие больные лежали примотанные к кровати простынями, в отделении тусклый свет, духота, очень тяжелый запах.

По прошествии года Котовский продолжал находиться в больнице. Случайно узнал, что уже четыре месяца, как снято принудительное лечение. Когда обратился по этому поводу к заведующей отделением, она сказала, что не может его выписать, так как ему негде жить. Она предложила Котовскому написать заявление, чтобы его направили в психоневрологический интернат. Он согласился, так как выбора не было. Интернат лучше, чем психбольница. Места в ПНИ Котовский ждал еще год. 12 апреля 2000 г. поступил в ПНИ.

Сообщение по этому случаю составлено со слов Котовского А.

На наш взгляд, ситуация с правами человека в психиатрических учреждениях Ленинградской области требует немедленного вмешательства органов государственной власти и правоохранительных структур. По нашему глубокому убеждению, прокуратурой должны быть

проведены расследования и приняты меры прокурорского реагирования в связи с выявленными фактами нарушений. Министерство здравоохранения РФ должно предпринять немедленные действия по изменению ситуации с правами человека в психиатрических учреждениях Ленобласти.

Большой проблемой является тот факт, что значительное число людей получивших свой **ярлык-диагноз** от психиатров в советское время за участие в диссидентском движении, так и остается недореабилитированным.

Анатолия Дмитриевича Пономарева еще в советское время помещали в психиатрические больницы за его взгляды и диссидентскую деятельность. Он, к примеру, писал частушки, рассылал по различным изданиям. Но, видимо, содержание частушек кому-то не понравилось. Диссидент был госпитализирован в «психушку». В 2008 г. Анатолий Дмитриевич обратился в Санкт-Петербургскую Гражданскую комиссию по правам человека. В качестве первого шага Анатолий Пономарев хотел получить информацию о своих госпитализациях. Гражданская комиссия по правам человека совместно с Пономаревым составила запрос, он был направлен психиатрам от имени и по желанию Анатолия Дмитриевича. И каково же было его изумление, когда он получил ответ от психиатров психоневрологического диспансера (ПНД) № 2 Блинова А.С., Николаева Д.Г. от 5 сентября 2008 г., где говорится, что для получения ответа на запрос Пономарева он должен лично посетить участкового психиатра Николаева Д.Г. Оказывается, по характеру заявления у психиатров есть основания предполагать наличие психического расстройства у Пономарева А.Д. Психиатры пишут, что информация Анатолию Пономареву будет предоставлена только после психиатрического освидетельствования! Но это прямое нарушение Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», который не предполагает необходимого обязательного психиатрического освидетельствования для получения информации о состоянии здоровья человека, о проведенном ему лечении и причинах госпитализации.

Похоже, в случае пожилого петербуржца Пономарева А.Д. следует говорить не об обострении у него «психического состояния» (именно так и написано в ответе психиатров: не обострение психического расстройства, а «обострение психического состояния», но как может обостриться психическое состояние?), а о рецидиве карательной психиатрии у врачей-психиатров.

Продолжает существовать такое **жестокое обращение с пожилыми людьми**, которое сравнимо с пытками. Эти случаи, в частности, показывают, почему, несмотря на усилия правительства Санкт-Петербурга, добросовестных, заботливых работников социальных служб, для каждого пожилого и престарелого человека существует реальная угроза быть подвергнутым физическому насилию, пыткам голодом и жаждой, разрушению здоровья опасными токсичными веществами. А происходит все это в стационарных психиатрических учреждениях, больницах и интернатах. Одним из первых вопиющих случаев злоупотреблений в отношении пожилых людей, ставших известным Гражданской комиссии, был случай Шилова Виктора Ивановича, умершего в ГПБ № 3 в 1994 г. Нам эта история стала известна в 2000 г. Шилов Виктор Иванович был художником, несмотря на возраст, это был физически крепкий человек. Он жил один в двухкомнатной квартире, сам себя обслуживал, никогда не болел. В дверях его квартиры на него было совершено нападение, Виктор Иванович получил ножевую рану и был госпитализирован в городскую больницу № 3. Дня через два его перевели в психиатрическую больницу № 3, где через два месяца он умер. Его сын заявлял: «Я считаю, что мой отец умер из-за того, что за ним не было соответствующего ухода, так как он лежал в палате, где было 25–30 коек, а у отца было ножевое ранение. Реабилитация по его ранению не проводилась. Его увезли (в психиатрическую больницу) с ранением живота более-менее здоровым и бодрым, но за полтора месяца, когда к нему не пускали (из-за карантина), его сделали дряхлым и смертельно больным и возвратили его мне мертвым».

Изменилось ли что-то в этих учреждениях за прошедшие годы? Например, в той же 3-й психиатрической больнице?

Вот **история 70-летнего Семенова Ивана Николаевича** (имя изменено по просьбе родственников). Иван Николаевич три года жил в доме престарелых на ул. Афонская около метро «Удельная». Он был инвалидом по зрению, никаких проблем с психикой никогда не имел. Сын навещал его по 2–3 раза в неделю, отец нормально с ним общался. В начале ноября 2007 г. по жалобе соседа по комнате Семенова госпитализировали в ГПБ № 3. Навестив Семенова в 6-м отделении, сын обратил внимание на условия, в которые он попал. «Простыни, на которых спали пациенты, были грязными. Одежда была без пододеяльников. В помещении стоял отвратительный запах человеческих испражнений». Семенов жаловался родственникам, что в отделении у него отобрали ингалятор и не оказывают должную медицинскую по-

мощь по поводу хронической бронхиальной астмы. При обращении с просьбой о медицинской помощи к медсестре он получал ответ, что это делается по назначению врача. А т.к. врач в данный момент отсутствует, то ему в этом отказывали. Семенов испытывал постоянное чувство беспокойства, что при очередном приступе астмы он не получит необходимых лекарств. На просьбы родственников выписать отца по их адресу проживания заведованием после консультации с начмедом больницы ответила отказом. Хотя перед этим говорила, что состояние Семенова позволяет лечить его амбулаторно. При поступлении в больницу Иван Николаевич отказался подписывать согласие на госпитализацию и лечение. Больница обратилась в суд, получила нужное решение, после чего Ивану Николаевичу были назначены препараты. Физическое состояние Ивана Николаевича сильно ухудшилось. Ухудшение здоровья Иван Николаевич связывал с тем, что ему стали давать «горстями» психотропные препараты. Он жаловался сыну, что плохо их переносит. Движения Ивана Николаевича стали заторможенными, речь сбивчивой, он испытывал постоянный озноб, правая рука перестала слушаться, возникли проблемы с приемом пищи. Через две недели после начала «лечения» Иван Николаевич в тяжелом состоянии был переведен в отделение реанимации психиатрической больницы, затем в больницу общего профиля, где скончался.

Показателен также **случай Стародумовой Анны Ионовны**. Он показателен как раз тем, что наглядно демонстрирует – человек может иметь множество заслуг перед обществом, сам иметь в прошлом непосредственное отношение к медицине и тем не менее, состарившись, быть подвергнут насильственному помещению в психиатрическую больницу. Анна Ионовна – бывший врач-терапевт, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», огромный стаж работы, 10 лет работы на «скорой помощи», занимала и руководящие должности. Когда Анна Ионовна состарилась, отношения с дочерью стали конфликтными. В конце апреля 2003 года ночью Стародумова была госпитализирована в городскую психиатрическую больницу № 3 бригадой «Скорой помощи», вызванной дочерью. Подверглась грубому обращению со стороны сотрудников «Скорой помощи». В приемном покое больницы медсестра заставила ее переодеться в грязную мужскую одежду. В результате Анна Ионовна заразилась чесоткой. По требованию сына Стародумова была выписана через несколько дней. В 2007 г. дочь снова поместила Анну Ионовну в ту же больницу, ей стали давать препараты. Согласие на лечение у нее полу-

чили своеобразным способом, предложив подписать бумагу якобы на диетическое питание. Прочитать, что подписывает, Анна Ионовна не могла, так как очки у нее забрали при поступлении в больницу. История Анны Ионовны закончилась благополучно, так как получила публичную огласку и сын Анны Ионовны опять добился ее выписки.

Для жительницы психоневрологического интерната № 4 **Евсеевой Надежды Алексеевны** трехмесячное лечение в психиатрической больнице № 1 им. Кащенко закончилось смертью. По утверждению дочери, к моменту выписки Евсеева сильно похудела и совсем обессилела. При осмотре в интернате после выписки дочь обнаружила у Надежды Алексеевны огромный пролежень на левом бедре, мягкие ткани отсутствовали, на поясице отсутствовал кожный покров. 13 марта 2006 г. Евсеева Н.А. скончалась.

Еще **два случая дурного обращения с пожилыми людьми.** Хмелевы Маргарита Николаевна и Михаил Петрович – инвалиды-сердечники, обоим за 60 лет. У них были конфликты с соседями. Михаил Петрович обратился с жалобой в отдел милиции. На следующий день участковый милиционер пришел в квартиру Хмелевых с санитарями. Сотрудники психиатрической «Скорой помощи» ворвались в квартиру, связали Хмелева М.П. Освидетельствование Хмелевым не проводили. Сотрудники «Скорой помощи» забрали супругов и госпитализировали в ГПБ № 3. В больнице Хмелевым не была предоставлена информация о причинах госпитализации, был нарушен ряд статей закона о психиатрической помощи. В ПБ № 3 у обоих Хмелевых произошли ухудшения соматических заболеваний. Хмелеву М.Н. с инфарктом перевели в больницу им. Вавиловых, Хмелева М.П. с воспалением легких перевели в Александровскую больницу. После лечения оба были выписаны домой.

Иткин Станислав Борисович осенью 2006 г. поступил на лечение в ГПБ № 3, самостоятельно поднялся в 20-е отделение. Родственники навестили его через неделю и обнаружили, что он не может встать. При попытках подняться у него тряслись ноги и руки. Иткин был переведен в 18-е отделение для ослабленных пациентов, где у него образовались пролежни. Он был помещен в отделение реанимации. В этот период доступа к нему родственников не было. Через две недели Иткина вернули назад в 18-е отделение. Он был в беспомощном состоянии, к пролежням добавилась пневмония. Сотрудники отделения заявили его жене и дочери, что ухаживать за ним некому. При этом род-

ственников пускали к Иткину только на два часа. Родственники забрали его, понимая, что ухода в больнице не будет. Они отвезли Иткина С.Б. в больницу Святого Георгия. Когда хирурги вскрыли пролежни, то увидели глубокие раны, заполненные гноем. Врачи обучили жену и дочь Иткина С.Б. обработке пролежней. На протяжении 2-х месяцев после выписки близкие родственники ежедневно обрабатывали раны, приобретая все необходимые медикаменты за свой счет. Прогнозы врачей были неблагоприятными. Несмотря на интенсивный уход со стороны родственников и врачебную помощь специалистов, Иткин С.Б. умер.

Следует отметить, что для улучшения ситуации в области душевного здоровья в июне 2008 г. постановлением правительства Санкт-Петербурга был утвержден «План мероприятий по развитию психиатрической службы и мерах по предупреждению отрицательных социальных последствий и поведенческих расстройств в Санкт-Петербурге на 2008–2011 гг.». На реализацию этого плана предполагается выделить из городского бюджета 3,5 миллиарда рублей. Однако оказывается, что половину всей суммы, 1 миллиард 800 тысяч рублей, планируется потратить не на улучшение ухода за пожилыми людьми и другими категориями пациентов, не на внедрение альтернативных методов улучшения состояния пожилых и престарелых людей, а на закупку все тех же психотропных препаратов. Утверждения психиатров, что препараты нового поколения более эффективны, легче переносятся и не вызывают осложнений, несостоятельны.

Еще 22 сентября 2004 г. доктор Джеффри Либерман из Колумбийского университета и другие исследователи опубликовали в «New England Journal of Medicine» исследование, финансируемое из средств федерального бюджета, которое определило, что новые антипсихотические лекарства не эффективнее и не безопаснее старых. Одним из новых препаратов явилась «Зипрекса», 64% пациентов прекратили прием полтора года спустя после начала, чаще всего потому, что препарат плохо переносился и вызывал сонливость, увеличение веса и неврологические симптомы, такие как затруднение движений и дрожь. Из 1493 пациентов, которые участвовали в исследовании, 74% прекращали прием антипсихотических лекарств до окончания сроков лечения из-за неэффективности, невыносимых побочных эффектов или по другим причинам.

Возникает вполне закономерный вопрос: если сами пациенты и их родственники основными проблемами при получении психиатричес-

кой помощи считают жестокое и унижающее достоинство обращение, злоупотребление психотропными препаратами и вред здоровью в результате психиатрического лечения, зачем же тратить наши деньги, деньги налогоплательщиков, на увеличение проблем?

Пример возможного использования карательной психиатрии в недавнее время – это **случай молодого петербуржца, спортсмена-волейболиста Сотника Сергея Александровича**. Недавно он направил жалобу в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций.

В ноябре 2006 г. против Сотника было возбуждено, по его убеждению, абсолютно несправедливо уголовное дело районной прокуратурой Санкт-Петербурга по статьям 318 (часть 1) и 319 Уголовного кодекса РФ. Мерой пресечения была выбрана подписка о невыезде. Когда судебное следствие по возбужденному против него уголовному делу зашло в тупик, судья своим постановлением в апреле 2007 г. назначила ему стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Сотник никогда ранее не имел судимостей, не состоял на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, к врачам-психиатрам, в том числе психиатрам-наркологам, за помощью не обращался. Сергей обжаловал постановление о назначении ему судебно-психиатрической экспертизы в кассационном порядке, но судья отказалась принимать его жалобу и воспрепятствовала в подаче жалобы. Тогда Сотник стал собирать необходимые документы, чтобы подать жалобу на соответствующее постановление в порядке надзора, но не успел этого сделать, так как был задержан и против своей воли помещен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в городскую психиатрическую больницу № 6 Санкт-Петербурга в конце мая 2006 г. В течение 5 (!) минут ему провели психиатрическое освидетельствование, на котором Сотнику, в частности, задавали вопросы о его политических убеждениях, а также о том, для чего он слушает «запрещенные» радиостанции «Голос Америки» и «Эхо Москвы». Через 10 минут после освидетельствования четыре санитары привязали Сотника к кровати и стали делать ему инъекцию сильнодействующего нейролептика галоперидола.

Так началось недобровольное лечение Сотника от его политических взглядов. Ему делали инъекции препаратов, названий которых не сообщали. Сергей Сотник сопротивлялся инъекциям препаратов, пока у него оставались силы. 1 июня 2007 г. в городской психиатрической больнице № 6 Санкт-Петербурга состоялось выездное заседание районного суда, где по инициативе врачей-психиатров было вынесено решение о его «недобровольной госпитализации». О дате заседания

суда Сотник не был предварительно уведомлен, поэтому не имел возможности связаться с родственниками и самостоятельно выбрать себе адвоката. Все время, проведенное в ГПБ № 6, Сотник находился под сильным воздействием психотропных препаратов и из-за этого не мог осознавать происходящие события. Однако ни судья, ни другие участники процесса не сочли нужным обратить на это внимание. По сути, судебные слушания о недобровольной госпитализации Сергея Сотника были проведены для него под «психотропным» наркозом. Сотник не смог участвовать в судебных прениях, так как судья приказала вывести его из зала суда (залом суда являлся кабинет врачей-психиатров) обратно в палату. Решение суда Сотнику никто не объявил, ему не вручили текст решения о его недобровольной госпитализации. По этим причинам он не имел возможности самостоятельно составить текст кассационной жалобы на решение суда первой инстанции о его недобровольной госпитализации. Во время судебного слушания по вопросу о недобровольной госпитализации ему была навязана адвокат С. До и после судебного заседания С. с Сотником не беседовала, выступая в судебном заседании, ничего не сделала, чтобы отстоять позицию Сотника. Адвокат С. не обжаловала решение суда первой инстанции о недобровольной госпитализации Сотника в кассационном порядке. Сотник обжаловал некавалифицированную работу адвоката С. по его делу в квалификационную коллегия палаты адвокатов Санкт-Петербурга, но получил ответ, что С. «в полном объеме выполнила свои профессиональные обязанности». После заседания суда психиатры продолжили делать Сотнику инъекции психотропных препаратов. Сотник находился в ГПБ № 6 три недели, и в течение этого времени психиатры несколько раз допрашивали его после инъекций психотропных средств. Допросы проводились по уголовному делу, по которому он не признавал себя виновным. Врачи-психиатры пытались внушать Сотнику признать себя виновным. Через несколько месяцев Сотник узнал, что врачи-психиатры во время заседания суда о его недобровольной госпитализации ссылались на материалы его уголовного дела, по которому он еще не был признан виновным. На основании этих данных было вынесено решение Смольнинского суда Санкт-Петербурга о недобровольной госпитализации Сотника в ГПБ № 6 Санкт-Петербурга. Сергея подвергали избиению санитары ГПБ № 6 и вспомогательный персонал из числа пациентов, сотрудничающих с администрацией больницы. Но никакие средства не могли сломить Сотника. Не получив желаемого результата от «лечения», психиатры ГПБ № 6 решили переправить его 14 июня 2007 г. из ГПБ № 6 в ГПБ № 1

им. Кащенко, которая находится в Гатчинском районе Ленинградской области. То есть психиатры решили отправить его подальше от города и от родственников.

Перед дорогой Сотника сильно «накачали» психотропными препаратами, привязали руки сзади к спине простыней, потом привязали к койке в машине «скорой помощи» и в таком состоянии везли около двух часов. В ГПБ № 1 Сергея недобровольно «лечили» психотропными препаратами 8 дней. Ему удалось узнать, что в ГПБ № 1 к нему применяли нейролептик галоперидол и транквилизатор седуксен. Вскоре совершенно случайно, но на законных основаниях Сотнику удалось соскочить с «психиатрической иглы». Но еще долгие месяцы он восстанавливал свое здоровье, подорванное применением психотропных препаратов. У Сотника С.А. было тяжелое состояние, слюнотечение, ухудшилось зрение, он был заторможен, у него были потеря сна, аппетита, эрекции, ухудшение памяти, повышенное кровяное давление и другие нарушения здоровья и особенно кошмарные воспоминания, продолжающиеся до настоящего времени. Примерно через год после вышеописанных событий Сотник был признан виновным по всем уголовным статьям и «приговорен» к принудительному «лечению» в психиатрическом стационаре специализированного типа. Городской суд г. Санкт-Петербурга (кассационная инстанция) отменил это постановление и вернул уголовное дело на новое рассмотрение в районный суд другому судье.

Сергей Сотник в своей жалобе утверждает, что при недобровольной госпитализации и лечении в психиатрических стационарах были нарушены его права, гарантированные соответствующими статьями Международного пакта о гражданских и политических правах (статьями, которые гарантируют запрещение пыток, жестокого и унижающего достоинство обращения и наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; право на справедливый суд). Сотник пишет, что им были исчерпаны эффективные средства правовой защиты внутри страны, после чего он и принял решение об обращении в КПЧ ООН.

Сообщение о Сотнике С.А. написано на основании данных, полученных от него СПб Гражданской комиссией по правам человека. Сергей дал Гражданской комиссии письменное разрешение на разглашение информации о своем случае. В данный момент Сергей Сотник ожидает от КПЧ ООН справедливого решения по его делу.

Психиатр, кандидат медицинских наук Гушанский Э.Л. писал в предисловии к книге историка-архивиста Прокопенко А.С. «Безумная пси-

хиатрия»: «Прощание с прошлым, признание своей вины перед согражданами является основой будущего, фундаментом психического здоровья нового поколения людей, освободившихся от рабства. За примером далеко ходить не надо. В Германии открыто заявлено об ответственности психиатров за злоупотребления психиатрией при фашистском режиме. От этого никто не пострадал. А в выигрыше оказались большие...» Осознают ли это бывшие советские психиатры и их современные российские коллеги?

Санкт-Петербургская ГКПЧ занимается защитой прав человека в психиатрии с 1998 года. Подавляющее число граждан, обратившихся в нашу неправительственную организацию с жалобами на нарушения их прав в психиатрии, сообщали о том, что их не знакомят с историями болезни в психиатрической больнице или в психоневрологическом диспансере. Можно говорить о том, что это стойко установившаяся практика. И, по нашему глубокому убеждению, это однозначно подавляющая практика. Больной в соматической (непсихиатрической) больнице или поликлинике с легкостью может познакомиться со своей историей болезни. Почему же в психиатрии ситуация должна быть иной? Мировые тенденции – это уравнивание в правах пользователей психиатрической службы здравоохранения и пациентов соматического здравоохранения.

17 ноября 2008 г. интернет-издание «Каспаров.ру» опубликовало новость о том, что «в Мурманске прошло первое заседание суда по иску... **Ларисы Арап** к психоневрологическому диспансеру».

Недавно госпожа Арап позвонила мне по мобильному телефону и сообщила о том, что она требует возместить ей моральный вред, причиненный незаконной (по ее мнению) госпитализацией в психиатрический стационар. Противоправность действий ответчика, по мнению Арап и ее адвоката, выразилась в несоблюдении сроков обращения в суд для получения санкции на госпитализацию гражданина в недобровольном порядке.

Позволю себе напомнить читателям, что Лариса Арап была госпитализирована в июле 2007 года в психиатрический стационар после того, как была опубликована ее статья «Дурдом» в газете Объединенного гражданского фронта. Из Мурманска она была переведена в психиатрическую больницу города Апатиты, которая находится на значительном расстоянии от Мурманска, где живут ближайшие родственники Ларисы Ивановны Арап. Когда я узнал о ее ситуации, она находи-

лась в психиатрической больнице. Я и эксперт Санкт-Петербургской Гражданской комиссии по правам человека, психолог Вячеслав Поздняков выехали в Мурманск с тем, чтобы разобраться на месте. Усилиями мировой общественности Лариса Арап была освобождена из психиатрической больницы, где она пробыла более месяца. Мурманский суд признал законной принудительную госпитализацию Арап, несмотря на то, что независимые эксперты-психиатры (например, президент Независимой психиатрической ассоциации Юрий Савенко, лично осмотревший Арап Л.И. перед выпиской ее из психбольницы в Апатитах) настаивали на том, что принудительного лечения Арап не требуется. Проведенное психиатрическое «лечение» Арап Л.И. немалыми дозами психотропных препаратов в 2007 г., вероятно, принесло серьезный вред ее здоровью, о чем можно сделать вывод из ее звонков в 2008 г. мне, автору статьи. И в этом опять же нет чего-то необычного. Правозащитники советского времени писали о том, как в СССР помещали с карательной целью в психиатрические стационары диссидентов, «лечили» их массивными дозами психотропных препаратов. После этого люди превращались в «овощ». Их выпускали на волю. Но как доказывать, что человек был нормальным до госпитализации в психбольницу? И, главное, кто поверит этим доказательствам?

В соответствии со статьей 32 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» лицо, помещенное в психиатрический стационар в недобровольном порядке, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров. Заключение врачей и заявление о принудительной госпитализации гражданина подаются в суд в течение сорока восьми часов с момента помещения в психиатрический стационар для решения вопроса о его принудительном лечении. Эти сроки и были нарушены в случае недобровольной госпитализации Л. Арап, по мнению Ларисы Ивановны и ее адвоката.

Шесть месяцев решал Ленинский районный суд Мурманска, принимать или нет заявление от Ларисы Арап, подготовленное ею вместе с адвокатом Дмитрием Бартевым и направленное в суд в апреле 2008 г. В середине октября суд принял решение о возвращении заявления без рассмотрения. Сейчас заявление опять находится в Ленинском суде.

Ничего нового в этом нет. Так, в Петербурге Ж. обратился в СПб. Гражданскую комиссию по правам человека в связи с нарушением его прав со стороны психоневрологического диспансера. **Ж. обратился в суд** с жалобой на действия должностного лица, руководителя психи-

атрического учреждения. Однако суд отказался принять его жалобу, мотивируя это тем, что якобы руководитель психиатрического учреждения не является должностным лицом (кем же он тогда является и кто тогда дал ему право решать судьбы людей, объявлять их душевнобольными де-факто, а не де-юре, лишая тем самым людей самых элементарных прав?). То есть российские суды часто всеми возможными способами «отбрыкиваются» от «психиатрических» дел...

Это приводит к тому, что граждане России в итоге вынуждены бывают обратиться в Европейский суд по правам человека. Петербуржец Павел Штукатуров – один из них. Его дело в Европейском суде было выиграно. Кстати, адвокатом П. Штукатурова был Дмитрий Геннадьевич Бартенов, кандидат юридических наук, он же был адвокатом в деле Арап Л.И. Власти России должны были бы быть заинтересованы в том, чтобы дела о злоупотреблениях психиатров хотя бы принимались к рассмотрению российскими судами, а не «футболились»...

Еще одна группа проблем связана с принудительным трудом и нарушением права на труд.

Случай П-ва Николая, жителя психоневрологического интерната (ПНИ) № 10 Санкт-Петербурга. До поступления в ПНИ № 10 он проживал в детском доме № 4, так как был отказным ребенком. Детский дом находится в г. Павловске. Он обучался по упрощенной программе. В возрасте 16 лет его перевели в ПНИ № 10, так как у него произошел конфликт с директором и главным врачом детского дома. П-в сказал им, что напишет заявление о том, что воруют гуманитарную помощь. В ПНИ № 10 он поступил в 5-е отделение. Заведующим отделением являлся тогда У-нов В.В.

Два с половиной года он обучался на штукатур-маляра, потом этот класс закрыли. В мае 2004 г. его перевели на постоянное жительство в реабилитационный центр в пос. Шапки Тоснинского района Ленинградской области. До перевода П-в и еще несколько человек из ПНИ № 10 ездили в Шапки и работали на подсобных работах. Работа была организована бригадным методом. Бригада из 10 человек приезжала на 5 дней, на следующей неделе приезжала другая бригада на 5 дней. Подготовительные ремонтные работы проводились примерно в течение года. Прежде, чем ребят отправили на эти работы, с ними разговаривал заместитель директора ПНИ № 10 Д-ков А.Г. Он обещал, что ребятам заплатят, но их обманули. Никаких денег за работу в Шапках они не получили.

Об этой ситуации в Гражданскую комиссию по правам человека СПб сообщил М-н А., житель ПНИ-10. Когда в Шапках был отремонтирован один корпус, в ПНИ № 10 отобрали 32 человека и перевели в Шапки. Все 32 человека не имели родителей, были переведены в ПНИ из детских домов. П-в приехал жить в филиал ПНИ № 10 в Шапки в мае 2005 г. и был оформлен санитарным уборщиком.

Затем в Шапках осталось около 27 человек, несколько человек отправили обратно в ПНИ № 10. Режим в Шапках более жесткий, чем в интернате в Санкт-Петербурге. За нарушение режима проживающим могут закрыть выход из жилого корпуса на 2 (!) месяца, для выхода из интерната или поездки в город необходимо написать заявление и оформить пропуск. (А ведь речь шла о дееспособных людях!)

Так же как и в ПНИ № 10, над проживающими в пос. Шапки был установлен жесткий контроль, на этажах находились посты дежурной медсестры и воспитателя. Из здания филиала не выпускали, даже когда проживающие обращались с просьбой сходить в магазин. Выйти из корпуса можно было только при оформленном пропуске. При возвращении из поездки в город в интернате проживающих подвергали тщательному досмотру. Их заставляли открыть рот, дыхнуть, проверяли покупки и сумки. Многие жители реабилитационного центра в пос. Шапки хотели бы устроиться на работу вне реабилитационного центра, однако при таком жестком режиме содержания они не могут это сделать. П-в Николай сообщал правозащитникам, что может и желает проживать самостоятельно, желает получить жилье, может работать на любой физической работе.

Он желал приобрести специальность обивщика мебели, устроиться на работу в городе учеником и затем работать самостоятельно. В ПНИ № 10 администрация, однако, препятствовала этому.

И подобный случай не являлся единичным.

О нарушениях права на труд сообщали нам и жители других психоневрологических интернатов, в частности ПНИ № 3. То есть речь, как мы видим, идет о системе: в психиатрических больницах и психоневрологических интернатах систематически нарушается право на труд. Случай **Сергея Крюкова**. Крюков С. являлся заместителем главного редактора эмигрантского оппозиционного веб-издания «Ичкерия.инфо» (далее «ИИ»). Подробнее о возможных преследованиях в отношении Сергея рассказывается в публикации на сайте «ИИ»: <http://ichkeria.info/content/view/4775/1/>. «ИИ» сообщило со ссылкой на следователя, что уголовное дело против журналиста Сергея Крюкова было возбуждено по обвинению по статье 212 ч.1 УК РФ. Как утвержд-

дает «ИИ», по мнению ФСБ, тексты статей Сергея Крюкова содержали в себе «сведения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижения достоинства в отношении группы лиц, по признаку национальности, совершенные с использованием средств массовой информации». В рамках возбужденного против него уголовного дела Сергей Крюков был направлен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Только протесты правозащитников, оппозиционных журналистов и его родственников позволили Сергею выйти на свободу из психиатрического стационара.

Постановление Конституционного суда РФ по делу Надежды Хорошавцевой, оглашенное 29.08.2007.

Дело Хорошавцевой Н. рассматривал Конституционный суд РФ под председательством Зорькина В.Д. Заключение по жалобе Хорошавцевой Н.Н. в пленарном заседании зачитывал Кононов А.Л.

В подготовке жалобы Хорошавцевой Н. в КС РФ приняли деятельное участие юристы Российской Гражданской комиссии по правам человека.

КС РФ установил в своем определении, что, как это следует из представленных материалов, 15 июня 2007 г. Хорошавцева Н.Н. на основании пункта в ст. 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» была принудительно госпитализирована в психиатрический стационар. В тот же день представитель стационара обратился в Преображенский районный суд города Москвы с заявлением о ее принудительной госпитализации, которое 18 июня 2007 г. было принято к рассмотрению; в тот же день был определен и срок пребывания Хорошавцевой Н.Н. в стационаре – до 22 июня 2007 г. Решением от 22 июня 2007 г., оставленным без изменения Московским городским судом, Преображенский районный суд города Москвы указанное заявление удовлетворил.

В итоге КС РФ признал, что Законодательство РФ не допускает принудительную госпитализацию лица в психиатрический стационар на срок свыше 48 часов без судебного решения.

Определение Конституционного суда РФ имеет важнейшее значение для правозащитников России и Европы. Оно означает, что российские национальные судебные и наднациональные власти обращают внимание на необходимость соблюдения прав человека в наиболее «проблемных» областях: в психиатрических и иных «закрытых» учреждениях.

Роман Чорный

Кто остановит несправедливость в «желтых домах» Петербурга?

Где, в конце концов, начинаются всеобщие права человека?

Неподалеку от дома, в таких близких и маленьких местах, что их не увидишь ни на одной карте мира. Но эти места – целый мир для отдельного человека: будь то дом, где он живет, школа или колледж, где он учится, завод, ферма или офис, где он работает... Это те места, где каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок добиваются равного для всех правосудия... равного уважения достоинства без дискриминации. Если эти права не будут иметь значения там, то они вряд ли будут иметь значение где-либо еще.

Если все граждане не будут согласованно защищать эти права у себя дома, наши усилия добиться прогресса в широком масштабе будут тщетны.

Элеонора Рузвельт

Гражданская комиссия по правам человека Санкт-Петербурга обратилась с заявлением об оказании содействия в защите прав Любови Алексеевны Егоровой и ее младшей дочери Дианы Васильевны Антиповой (фамилии, имена, отчества изменены) в прокуратуру Санкт-Петербурга, ряд районных прокуратур СПб, Комитеты по здравоохранению и по социальной защите СПб.

Ранее Л.А. Егорова обратилась в Санкт-Петербургскую Гражданскую комиссию по правам человека с просьбой о помощи. В 2003 году летом г-же Егоровой позвонила следователь Синицина (фамилия изменена) из 58 отдела милиции и пригласила ее на обследование в больницу. На тот момент Л.А. Егорова работала крановщиком-высотником

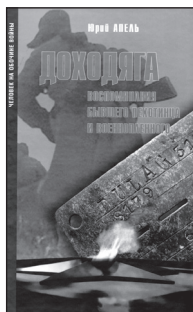
в Управлении по механизации 260 Треста-40. Незадолго до устройства в Трест-40 на работу Л.А. Егорова обращалась в милицию из-за того, что ее муж хотел наброситься на нее с ножом. Участковый посчитал, что Любовь Алексеевна клеветает на мужа, и не стал ничего предпринимать, а лишь предупредил ее, что ей грозит за дачу ложных показаний. После этого Егорова подала заявление на мужа в суд.

Л.А. Егорова рассказала, что, когда она приехала в больницу, за ней сразу заперли двери, лишь после этого г-жа Егорова поняла, что это психиатрическая больница. Это была городская психиатрическая больница № 6 (ГПБ № 6). Двое санитаров в приемном покое попытались ее раздеть, однако Л.А. Егорова попросила, чтобы ее не трогали и сама переоделась в больничное белье. Затем принимавший врач-психиатр отвел Любовь Алексеевну в отделение. По дороге Л.А. Егорова рассказала ему, как попала в эту больницу, он был удивлен, что Егорову положили в больницу. В ГПБ № 6 крановщица пробыла более тридцати дней. Л.А. Егорову перевели в 7-е отделение ГПБ № 3. При поступлении в ГПБ № 3 она не подписала согласия на госпитализацию и была госпитализирована в недобровольном порядке. Вначале ей было назначено 2 препарата: аминазин и еще один, названия которого Егорова не знает. Суд состоялся через 3 дня после помещения Любви Алексеевны в ГПБ № 3. В ГПБ № 3 Л.А. Егорова пробыла 8 (!) месяцев. Младшая дочь Любви Алексеевны Диана приходила к ней и жаловалась на издевательства со стороны старшей сестры. В дальнейшем старшая сестра написала заявление, и Диану поместили в подростковое отделение ГПБ № 3. Пока Л.А. Егорова лежала в ГПБ № 3, Диана была несколько раз помещена в подростковое отделение из-за того, что не могла находиться рядом с выпивающей и издевающейся над ней старшей сестрой. В мае 2004 года Любовь Алексеевну выписали. Диану выписали немного раньше. Л.А. Егорову и ее младшую дочь по заявлениям старшей дочери еще несколько раз помещали в ГПБ № 3. Последний раз Л.А. Егорова была госпитализирована в 2006 году. Поскольку Диана Антипова несколько раз лежала в ГПБ, ее по настоянию старшей сестры в начале 2008 года поместили в психоневрологический интернат (ПНИ) № 7. В настоящее время Л.А. Егорова проживает недалеко от г. Луга, и ей тяжело приезжать в Санкт-Петербург, чем и воспользовалась ее старшая дочь: она оговаривает мать перед администрацией ПНИ, в результате чего Л.А. Егоровой запретили забрать Диану по месту жительства матери. Диана – совершеннолетняя, имеет право принимать собственные решения и распоряжаться своими вещами и жизнью, но администрация ПНИ не отпускает ее, несмотря на желание молодой девушки.

Санкт-Петербургская Гражданская комиссия по правам человека просит в своих заявлениях в прокуратуры и органы власти проверить правомерность помещения Л.А. Егоровой в ГПБ № 6, ее дальнейший перевод в ГПБ № 3 им. Скворцова-Степанова. В своих заявлениях комиссия также просит провести проверку законности госпитализации Л.А. Егоровой в ГПБ № 3 в 2003 и последующих годах. СПб Гражданская комиссия просит провести проверку законности госпитализаций дочери Егоровой в ГПБ № 3, правомерности помещения Дианы в ПНИ № 7, ее дальнейшего пребывания там, а также правомерности вышеописанного запрета администрации ПНИ № 7. Мы надеемся, что при обнаружении нарушений законодательства будут приняты соответствующие меры прокурорского реагирования.

Когда в середине 2000 годов в одной из северо-кавказских республик школьники массово заболели неизвестной болезнью, общественность заподозрила, что это отравление. Высокопоставленный психиатр из центра судебной психиатрии им. Сербского выразил официальное мнение: речь-де шла о массовом психическом расстройстве. Вероятно, лишь протесты отдельных психиатров, правозащитников и СМИ, не поверивших судебному психиатру, остановили продолжение трагедии. Будем надеяться, что и в случае с Л.А. Егоровой и ее младшей дочерью протесты правозащитников приведут к тому, что нарушения прав этих женщин будут остановлены.

«Несправедливость в каком-то одном месте представляет собой угрозу справедливости повсюду», – утверждал в 1960-х годах борец за права человека Мартин Лютер Кинг.

Юрий Апель.

Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М.: Росспен, 2009. Серия «Человек на обочине войны».

Алексей Мокроусов

Взгляд, вызывающий неудобство

ГУЛАГ стал главной темой российской лагерной мемуаристики в последние два десятилетия. Тем ценнее нынешние попытки вернуться к публикации воспоминаний советских военнопленных. Среди попыток такого рода следует назвать “Мы из сорок первого...” сержанта Дмитрия Левинского (М.: Новое издательство, 2005, серия «Другая война»), а также серию «Человек на обочине войны», основанную издательством «Росспен» в том же 2005-м и составляемую Павлом Поляном. Здесь уже вышло восемь книг, в том числе альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет «Нам запретили белый свет...» и «Зигзаги судьбы» Петра Астахова, снабженные подзаголовком «Из жизни советского военнопленного и советского ээка». Здесь же появился и «Доходяга» Юрия Апеля.

Юрий Александрович Апель попал на фронт после битвы на Курской дуге. Потери армии оказались тогда столь велики (многие дивизии потеряли практически весь личный состав), что было расформировано сразу несколько пехотных училищ, в том числе и в Ашхабаде, где учился Апель. Так 19-летний курсант стал минометчиком 7-й гвардейской армии. Бракованное оружие, отсутствие касок (цех Сталинградского завода, который их выпускал, к тому времени лежал уже в развалинах), два главных желания в жизни пехотинца – есть и спать... Автор признается, что впоследствии его смешила, если даже не злила, песня «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...»: уж кто-кто, а соловьи спать не мешали. Можно себе пред-

ставить повседневную реакцию рядового фронтовика на тот сладостно-патриотический елей, которым радио и телевидение кормили в советские годы страну.

Перед войной Апель хотел стать медиком (и отец, и дед его были врачами), и то ли это обстоятельство, излечивающее от сантиментов и пробуждающее ясность ума, то ли личная склонность к аналитике позволила сохранить ему способность наблюдать в ситуациях, которые не мог бы представить себе ни один философ Просвещения. Сам Апель вспоминает о встрече в лагерной больнице с пленным полковником-медиком, который сказал ему: «Обязательно расскажешь людям обо всем, что видел и перенес».

Наверное, подобное напутствие слышали многие, но лишь единицы были способны выполнить это задание – задание конечно же внутреннее, требующее не только ума и наблюдательности, но и огромной самодисциплины. В случае с Апелем это совпало еще с очевидным литературным даром; его скупая проза напоминает и о Чехове, и о Шаламове.

Апель пишет о том трагическом положении, в котором впоследствии оказались советские военнопленные из-за подозрений в измене, в добровольной сдаче врагу: «Самое скверное то, что практически в большинстве случаев нет возможности определить, кто из выживших сдался сам, а кто был взят в плен. Даже наличие ранения или явные последствия контузии не дают исчерпывающего ответа на этот сакраментальный вопрос. Понимание этого при полном сознании своей невиновности, все-таки всю жизнь давит на какой-то болевой центр. А с другой стороны, если ты твердо знаешь, что не виновен, чье-то недоверие, презрительное отношение и прямые обвинения режут душу и вызывают естественную глубокую обиду». Автор вспоминает в связи с этим мемуары наркомвоенмора адмирала Кузнецова, утверждавшего, что плен в любом случае – позор, и морская пехота всегда предпочитала ему смерть. На это Апель резонно возражает, что в плену встречал моряков тысячами, а сам адмирал Кузнецов «за всю войну не бывал ближе 20–30 километров от боевых порядков пехоты».

При этом те, кто перебежал линию фронта с немецкой листовкой в руках, оказывались в лагере в привилегированном положении. Их и кормили лучше, из котла для охраны, и содержали в других условиях, и даже формировали из них особые части. Неудивительна та лютая ненависть, с которой к перебежчикам относились остальные военнопленные.

В книге подробно описана структура жизни военнопленных в немецких лагерях. Это были не лагеря уничтожения или знакомые по

кинофильмам концлагеря, но так называемые «шталаги», откуда пленных часто «раздавали» крестьянам для работы в хозяйствах. Армейская структура ценностей менялась радикально – так, наиболее важной вещью в обиходе оказывалась не ложка, но котелок. А многие заключенные нерусских национальностей брали себе русские имена. Автор считает, что они поступали так, чтобы подчеркнуть свое единство с основной, русской, массой.

Пребывание заключенных в шталагах отличалось разительно. Все страны, кроме СССР, а позднее, после поражения Муссолини, и Италии, подписали соглашения с Международным Красным Крестом. Последний высылал в адрес французов и поляков (у тех, впрочем, немцы сразу отбирали половину присылаемого) объемные посылки с продуктами. Кроме того, раз в месяц заключенные могли получать и посылки из дому – эта практика продолжалась вплоть до высадки союзников в Бретани и Нормандии. Именно «за границу», в «Европу» убегали из русских секторов лагерей заключенные, чтобы подкормиться и принести в свою зону еды. «Я очень хорошо помню всех, кто мне помогал за время плена, – пишет Апель. – Но столь же хорошо помню и тех, кто поступал со мной зло или нечестно. Да и вообще лагерная жизнь – она жестокая. В ней нет места альтруизму и всепрощению. Доброта там имеет особый вид. ...те, кто боролся и выжил, всегда недолюбливали тех, кто не желал бороться сам, а все ждал, что кто-то это сделает за него». Но некоторые вещи мало чем отличались от последующей мирной жизни: и тут, и там не любили, когда Апель во время выволочек, выговоров и порицаний прямо смотрел в глаза отчитывающему. В Советском Союзе за это, конечно, не били, но, признается сам мемуарист, такая его привычка сказалась на карьере.

Наблюдения автора над лагерной жизнью развенчивают многие стереотипы обыденного сознания. Среди надсмотрщиков особым зверством далеко не всегда отличались немцы или австрийцы (которые порой проявляли сочувствие и даже помогали), особо жестоки по отношению к русским военнопленным бывали и украинцы, и чехи. Один чех, например, «когда словит за границей нашего брата, заставляет идти впереди себя через весь лагерь, а сам, стерва, идет сзади и коваными ботинками наступает на пятки. Потом по месяцу заживают. А одному сухожилие порвал, славянин проклятый», – приводит Апель рассказ своего солагерника. Гражданское же население, особенно из числа владельцев поместий и членов их семей, к русским пленным относилось с презрением, называло их свиньями и в целом мало напоминало читателей Гете.

Впрочем, чувствительность в лагере притупляется вплоть до полного исчезновения. «В смысле кормежки путешествие пленных по железной дороге намного хуже, чем в пешем этапе: сколько бы дней ни ехали, кормежки, как правило, никакой – вода и то не каждый день бывает. К конечному пункту всегда какая-то часть доходяг доезжает уже мертвецами или в состоянии, близком к смерти. Вот так бывало: едешь себе, не зная куда и зачем, а, когда приедешь, рядом с тобой мертвец на стыках покачивается. А у тебя никаких эмоций: не обращаешь на это внимания».

Сам Апель не морализирует над этой и подобными ей историями, он лишь излагает события, снабжая порой свои наблюдения горестными вопросами. Видно, что мемуарист не питает иллюзий относительно человеческой природы в целом. В основном его вопросы адресованы не врагу, а своим соотечественникам, прежде всего тем, кто, на взгляд солдата-пехотинца, должен был бы ответить за все случившееся с армией. Именно эти неудобные вопросы и определили во многом запоздалый приход книги к читателям.

Все-таки удивительны те трудности, с которыми столкнулась рукопись «Доходяги» при попытке быть напечатанной в конце 80-х. Казалось бы, перестройка и гласность, но в крупном московском издательстве автору ответили так: мемуары «должны быть достоверными, строго документальными, когда речь идет о военных событиях. А вот этого-то в рукописи, к сожалению, не хватает».

То есть все, что не укладывалось в официальную историю войны, что напоминало об «окопной правде» в противовес пропагандистскому образу, что ставило под сомнение компетентность начальства, оценивалось как ненужное, мешающее правильному взгляду на положение вещей. Вторым пунктом рецензент отдавал дань строгой иерархии: «Нельзя согласиться и со многими авторскими обобщениями, злыми выпадами в адрес командования армии, фронтов, других лиц». Это замечание, вызванное врожденным рабским страхом, касалось, видимо, не только конкретных замечаний Апеля, но и его общего вывода: «Почему должны были застрелиться пять с половиной миллионов пленных, а не те, по чьей вине они попали в плен?» Сам вопрос входил в противоречие с существовавшей и поныне доминирующей точкой зрения на русскую жизнь, где не все равны перед законом. Всегда есть группа людей, прорвавшихся к власти либо с отсылкой на право наследования, либо с уверениями, что именно они знают лучше, как рулить страной. Как правило, они не просто обеспечивают себя, своих близких массой преимуществ, прежде всего правом на безопасность,

но считают себя и бессмертными, и не способными на ошибки, в любом случае свободными от наказания. А есть всегда послушный им народ. И при любом раскладе история в России оказывается принадлежащей власти, которая насаждает свое видение прошлого в виде школьных учебников, университетских курсов и комиссий по борьбе с фальсификациями. Потому так опасен трезвый взгляд отдельного солдата, тем более военнопленного. Мужество, которое он проявляет и в лагере, и на свободе, одинаково неудобно и там, и здесь. Проявление личности – последнее, чего ждут от человека по обе стороны проволоки. А поскольку основной ценностью в глазах такого независимо мыслящего человека оказывается внутренняя свобода – именно она становится в итоге главным героем книги, – то мало кто захочет иметь с ним дело.

Но особенно поразителен был последний пункт, на основании которого отвергалась книга (его тоже цитирует в послесловии сын Юрия Апеля): «Очень хотелось увидеть в рукописи хотя бы одного человека стойкого, глубоко милосердного. Но, увы, такого в тексте не найти».

Слепота советского редактора вводит в ступор. Мало того, что милосердными людьми выглядят многие из солагерников Апеля, ведь без взаимовыручки в таких условиях было просто не выжить. Но прежде всего сам автор оказывается таким человеком! После всего, что он пережил, найти в себе силы описать увиденное, все это безумие мира, и не стать притом (вполне оправданно) мизантропом – это добродетель, о которой, видимо, не подозревают многие. Может быть, потому, что слово «доходяги» используют лишь в физическом смысле слова. В духовном такого определения нет: большинство если ломается, то как-то мгновенно, если и вовсе сразу не рождается ущербными.

Ревир винницкого лагеря

В полдень въехали в Винницу и – прямо к лагерю¹. Я еще не знал, что на этом кончился мой предпоследний, но, безусловно, самый трудный этап, в котором жизнь моя не один раз висела на тоненькой-тоненькой ниточке.

Разгрузившись, мы миновали служебный блок, и погнали нас прямехонько в вошебойку и баню. В предбаннике мы разделись, нацепили на крючья передвижной вешалки свои «клямоттен»² и попали в руки «баденкомандо». Сперва нас со страшной скоростью остригли под машинку, выдрав при этом половину волос. У входа в большую душевую стояли два лагерных придурка, у каждого в руках на метровых держакках по здоровенному квачу, а на полу – ведра с какой-то белой сметанообразной жидкостью. По команде мы входили в дверь, держа «руки за голову», придурки макали свои квачи в ведра, а затем тыкали ими каждому входящему сперва небрежно под мышки, а затем более тщательно в пах и его окрестности. Это было не очень-то приятно, «сметана» была едкая и, попав на мои герпесные раны, жгла нещадно. После этой процедуры – бегом под душ! Знали бы вы, какой это ужас, попасть под горячий душ после двух месяцев лагерей и этапов. Немытое, искусанное вшами, все в струпьях, расчесах и язвах тело, попав под горячие струи, вдруг начинает чесаться до такой степени, что даже невольный крик замирает от спазма в горле, хочется ногтями содрать с себя всю кожу. Слава богу, что такое состояние длится минуту-две, а потом! Потом наступает сперва облегчение и наконец почти блаженство! Поблаженствовать, само собою, не дают. На пятерых выдали по кусочку мыла.

Глава из книги «Доходяга».

¹ С октября 1941-го по ноябрь 1943-го в Виннице располагался штагал 329.

² От нем. Klamotten – «носильные вещи», «шмотки».

Фрицы делали мыло специально для военнопленных: куски размером со спичечную коробку серо-желтого цвета; твердое, оно совершенно не давало пены, в нем содержался обыкновенный песок, но отмыть с тела грязь оно все-таки помогало. Среди нашего брата поговаривали, что мыло это варили из трупов лагерных доходяг. Выход из душевой в другую сторону; там уже стояли вешалки с нашим барахлом.

В немецких вошебойках, в отличие от наших, использовавших сухой водяной пар, применялся какой-то отравляющий газ³. В наших вошебойках нельзя было обрабатывать кожаные вещи, кожа коробилась и становилась ломкой. Немецкий метод не портил кожаных вещей, так что моя овчина не пострадала, зато любые продукты, попавшие в немецкую вошебойку, становились смертельно опасными.

После бани нас отвели в барак. Винницкий лагерь был большой, стационарно оборудованный. Большинство узников использовались на работах за пределами лагеря. Бараки были большие, с трехэтажными нарами. Нашу группу доходяг загнали в практически пустой барак. Я сразу же забрался на третий этаж в расчете на то, что там будет спокойнее. Решение мое оказалось неудачным из-за моего колита. Пришлось переселяться на первый этаж. К вечеру вернулись в барак рабочие команды, и я оказался один среди незнакомых и, как мне показалось, недружелюбно настроенных ко вновь прибывшим доходягам людей.

В этот день нас, привезенных на машине, забыли покормить. В бараке было холодно и очень неудобно. Знобило, мучили боли в животе, ночью почти не спал, иногда ненадолго проваливался в какое-то забытье. В один из таких провалов у меня «свистнули» котелок. Утром по совету местных жителей я, как и другие больные доходяги, не вышел на построение. После ухода рабочих команд всех, оказавшихся больными, повели в ревир.

Я не случайно часто и подробно пишу о проявлениях, симптомах и последствиях желудочно-кишечных заболеваний. Все дело в том, что при той кормежке, которую получали пленные в лагерях и этапах, большинство лагерников страдали от этого недуга, и именно он, этот недуг, превращал людей в доходяг, а доходяг – в трупы. Постоянные кишечные расстройства отнимали последние силы, люди слабели и через ревиры отправлялись в карьеры, овраги, противотанковые рвы и другие общие могилы, а в этапах отставали, падали и гибли столь же интенсивно, как и в лагерях. Я уверен, что именно голод и кишечные заболева-

³ Этим газом, собственно, и был «Циклон Б»; его применение для уничтожения людей в газовых камерах было ноу-хау СС, впервые испробованным в сентябре 1941 г. на советских военнопленных в Аушвице.

ния отправили на тот свет большую часть из трех с половиной миллионов погибших в немецком плену советских военнопленных.

В ревир, который находился в служебном блоке на первом этаже трехэтажного здания, я попал часов в 10–11. На втором этаже этого здания была кухня и столовая охраны лагеря, состоявшей в основном из власовцев, а на третьем – жилая казарма тех же самых власовцев, только вход в ревир был с одного торца здания, а на кухню и в казарму – с другого, за двойным забором. Немцы были только в лагерном начальстве. Врач ревира, а все врачи и санитары во всех ревирах всех лагерей были из числа военнопленных, только взглянул на меня раздетого и, ничего не спрашивая, сразу определил: «К нам!»

Когда санитар ввел меня в общий зал ревира, вдруг вывернулся мужичонка в обычной военнопленной одежде с крупными черными буквами KGF⁴ на спине и SU⁵ на брюках.

– Откуда будешь, земляк?

– Из Майкопа.

– Ва, да ты и точно земляк. Я-то из Кошехабля!

Здорово, это действительно был земляк, настоящий адыг из аула, невдалеке от которого до войны были отличнейшие фазаньи места. Там, в зарослях облепихи на берегах Лабы, в той прежней довоенной жизни, с нашим Чарли-великолепным, знаменитым на весь город желто-пегим пойнтером, охотились мы с отцом на фазанов. Черт побери, а может, ее и не было вовсе, этой довоенной жизни? Может, она просто приснилась?

Познакомились мы с Мишкой и сразу стали друзьями. Я уже упоминал, что подавляющее большинство пленных неславянских национальностей в плену брали себе русские имена. В то время я не задумывался, зачем и почему они это делают. А ведь все было предельно просто: все они, кто не поддался на посулы немцев и не пошел к ним на службу, принимали русские имена, подчеркивая этим, что они с нами, русскими, до конца не только до очень возможной смерти от голода и его последствий, сыпняка, туберкулеза, собак, пуль и прикладов в атаках и лагерях, но и до Победы, если до нее, вопреки логике, все же удастся дожить.

Мне невероятно повезло, что я встретился с Мишкой. Во-первых, он меня уложил рядом с собой, накормил отличным супом и сказал, что вылечит меня за неделю. Условия в ревира этого лагеря не шли ни в какое сравнение со швивым и свержгрязным ревиром Вознесенско-

⁴ KGF – Kriegsgefangene – военнопленный.

⁵ SU – Sovietetunion – Советский Союз.

го лагеря. В одной большой комнате стояли впритык двухэтажные, сбитые из досок койки, так что каждому больному было отдельное гнездо, в котором лежал плетеный из бумажных нитей матрац, набитый стружкой, и каждому больному полагалось байковое одеяло, старое затертое, грязное, но одеяло.

И все же главные лечебные факторы мне создали не врач ревира и не санитары, ибо кормежка в ревира была та же, что и в общем лагере. А вот у Мишки на кухне охраны тоже отыскался земляк, который ежедневно давал Мишке котелок супа из котла власовцев, а Мишка совершенно добровольно по-братски делился со мной. Благодаря этой нормальной человеческой еде за неделю утихомирился мой энтероколит. От лагерной пищи, кроме хлеба, я в эти дни отказался полностью. Мишка же организовал мне котелок, старенький, железный, ржавый, но вполне еще пригодный. Достал мне Мишка и ботинки взамен моих уже изорвавшихся галош. В том, где Мишка доставал эти вещи, не было секрета – в ревира ежедневно умирали доходяги, наследниками их вещей становились санитары и те, кто побойчее и поздоровее из доходяг. Все мало-мальски стоящие вещи можно было обменять у пленных из рабочих команд на хлеб, сало и чеснок. Чеснок в лагерях считался лучшим лекарством, чуть ли не от всех болезней.

Так прошли десять дней, между ними незаметно наступил новый, 1944 год. Числа 11–12 января лагерь забурился, прошел слух, что Красная Армия уже чуть ли не окружила и не отрезала Винницу. В лагере с большой поспешностью комплектовались этапы и один за другим покидали лагерь. К вечеру 12 января весь лагерь ушел, ушла и большая часть охраны лагеря, остался один ревир. Больные почему-то вполголоса обсуждали возможность близкого освобождения. Интересно, все отлично знали, что немцы добровольно при отступлении пленных не оставляют и, как правило, успевают угнать, а если не успевают угнать, то уничтожают. И тем не менее каждый раз в подобной ситуации обреченные надеются на то, что немцы уйдут, а нетранспортабельных больных бросят. И каждый раз – горькое разочарование. 13-го явился какой-то чин и велел врачу разделить всех больных на ходячих, еле ходячих и не ходячих совсем и готвиться к погрузке в вагоны для эвакуации⁶.

Так мы с Мишкой разделились, он попал в ходячие, а я – в еле ходячие. Через час после этого прибежал Мишка, принес мешочек при-

⁶ Здесь мы имеем дело с классической селекцией лагерного населения. Роль врачей при селекции военнопленных, как и в концлагерях, была определяющей: фактически они решали, кого ликвидировать и кого оставить в живых.

мерно с тремя килограммами горохового концентрата и дал его мне безо всяких инструкций. Ходячих увели раньше всех, потом подняли на ноги еле ходячих, и потянулись мы через весь лагерь по центральной авеню. Неходячие остались в ревире, и судьба их никому из нас, ушедших, как всегда, осталась неизвестной, но не думаю, чтобы кто-нибудь из них остался в живых и смог впоследствии рассказать о том, что с ними сделали фрицы.

На железнодорожной ветке за лагерем стояло три товарных вагона, два с закрытыми дверьми и уже заполненных ходячими, а один открытый ждал нас, еле ходячих. Трудно было влезать в стоящий на невысокой насыпи вагон, в особенности тем, у кого не хватало руки или ноги, но фрицы были тут как тут – с их умелой помощью мы бы и на крышу влезли.

Разместились на полу, впритык друг к другу, головами к стенкам, ногами в середину вагона, втащили параши – два здоровых молочных бидона, захлопнули дверь, закрыли ее снаружи, и началось ожидание неизвестно чего. Справа от меня лежал молодой парень-сибиряк. Звали его Павлом, судьба сделала нас напарниками.

Простояли мы часа два-три, потом подцепил наши вагоны паровоз, и поехали мы вперед – на запад. Много позже из мемуарной литературы и разговоров со свидетелями тех событий удалось выяснить, что фрицы действительно вывезли нас из почти уже окруженной Винницы – одного дня не хватило до освобождения или до уничтожения.

Сколько дней мы ехали до пункта назначения, я не помню, а точнее, не знаю, потому что и тогда в вагоне никто не смог бы с уверенностью назвать эту цифру – дней семь, а может быть, и все десять. За это время было много остановок, подолгу стояли на каких-то станциях. Два раза дверь отворяли, и какие-то русские, может быть, из «ходячих» вагонов, давали нам снизу бидон с водой, затем с помощью наших вагонных доходяг освобождали параши.

Мы с Павлом ели три раза в день по ложке мишкиного горохового концентрата и запивали его водой. Что-то жевали и некоторые другие доходяги, но были такие, которым жевать было нечего, и их было большинство. В смысле кормежки путешествие пленных по железной дороге намного хуже, чем в пешем этапе: сколько бы дней ни ехали, кормежки, как правило, никакой – вода и то не каждый день бывает. К конечному пункту всегда какая-то часть доходяг доезжает уже мертвецами или в состоянии, близком к смерти. Вот так бывало: едешь себе, не зная куда и зачем, а когда приедешь – рядом с тобой мертвец на стыках покачивается. А у тебя никаких эмоций: не обращаешь на это внимания.

Адрес редакции:

119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.09.2009 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно